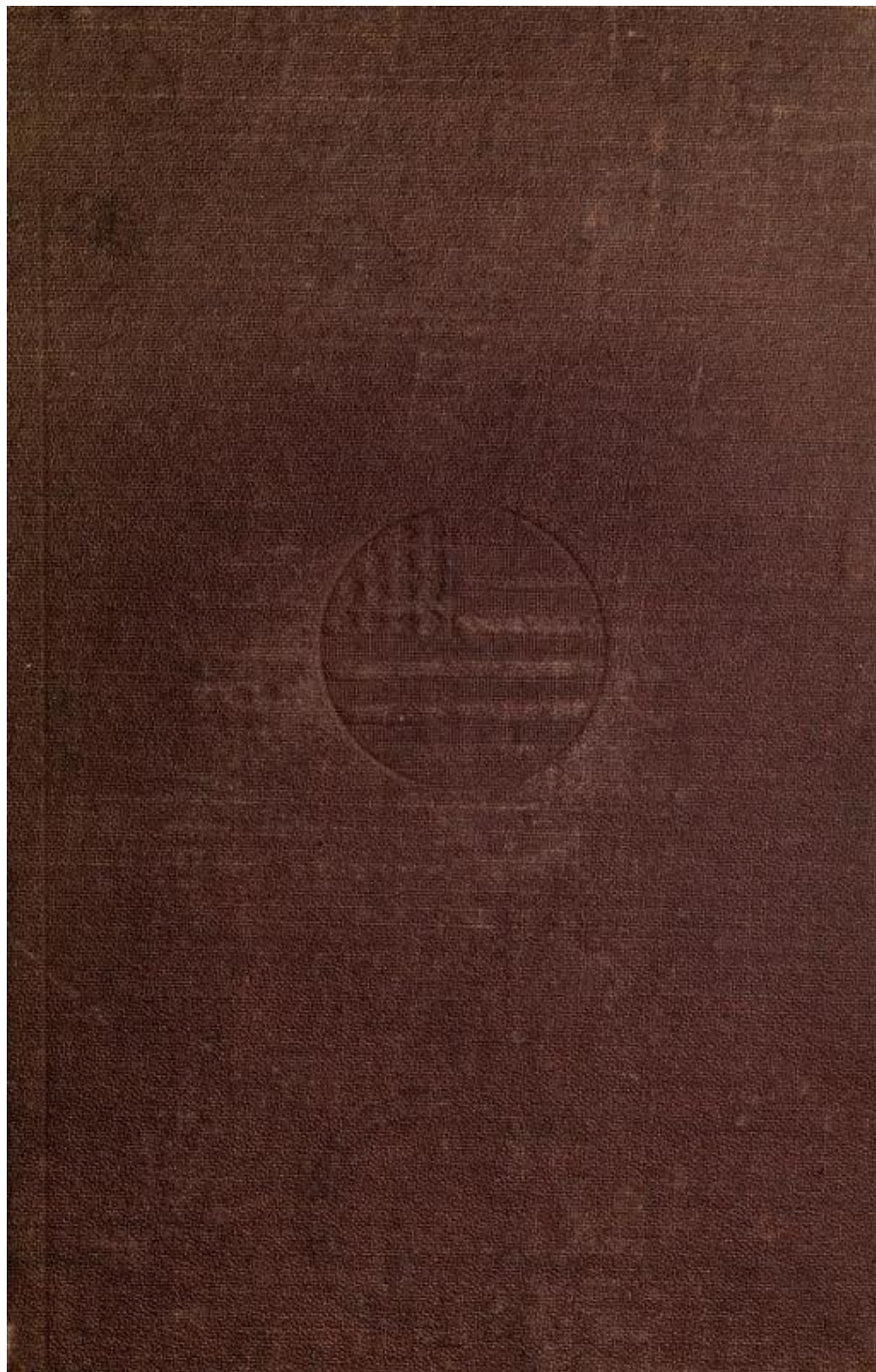

Личные воспоминания выдающихся генералов

Уильям Франклин Гор Шанкс

Электронная книга проекта "Гутенберг", содержащая личные воспоминания выдающихся генералов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Личные воспоминания выдающихся генералов

Автор: Уильям Франклин Гор Шанкс

Дата выхода: 17 мая 2015 г. [Электронная книга № 48980]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Кристианом Буассоннасом, командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
ВЫДАЮЩИХСЯ ГЕНЕРАЛОВ" ***

ШЕРИДАН ЕДЕТ ВПЕРЕДИ.

Личные воспоминания ВЫДАЮЩИХСЯ ГЕНЕРАЛОВ

АВТОР: УИЛЬЯМ Ф. Г. ШЕНКС.

НЬЮ-ЙОРК:

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХАРПЕР И БРАТЬЯ",

ПЛОЩАДЬ ФРАНКЛИНА.

1866.

Внесен, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году фирмой "Харпер и братья" в канцелярию окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель этой книги - познакомить широкую публику с реальными характерами некоторых наших великих военачальников периода последней войны. Я попытался изобразить их не на параде, а в парадной форме, и проиллюстрировать не только их выдающиеся военные качества, но, в частности, их психические особенности. Вы обнаружите, что на этих страницах содержится множество фактов о некоторых великих битвах, о которых официальные отчеты оставили невысказанными, с такими воспоминаниями о наших генералах, до которых, возможно, не снизойдет сама история, и с необычными фактами о великих кампаниях и странными историями о великих людях. Портреты нарисованы свободно. Они сделаны на основе реальных исследований, если не специальных сеансов, и, заботясь о том, чтобы придать каждой детали красоту, я не опустил ни одного уродства или порока моих подопечных, хотя я во всех подробностях рассказал об их достоинствах и слегка коснулся их недостатков. Я избегал подобной крайней экстравагантности в похвалах или порицаниях. Тем не менее, на картинах достаточно тени, чтобы создать необходимый, хотя и неприятный контраст с освещением. Однако читатель не должен ошибочно понимать точку зрения, с которой я пишу. Дистанция, к несчастью для истины, придает очарование не только предметам, но и людям. Атмосфера Олимпа порождает множество фантазмагорий, и великие на расстоянии существуют для наших глаз своего рода миражом. Философия перспективы применительно к природным объектам меняется на противоположную, когда применяется к человечеству, и очень мало людей, которые не становятся меньше по мере приближения к ним. Большинство мужчин имеют пирамидальную форму, а не пропорции. "Ни один мужчина не является героем для своего камердинера". Даже Юпитер временами казался Гомеру смешным. Очень немногие полководцы казались военным корреспондентам великими; и хотя очень немногие из последних могут утверждать, что они потомки Диогена, они могут с такой же уверенностью утверждать, что очень немногие из полководцев были Александрами и что "само солнце сияет сквозь них". Я писал из-за того, что находился слишком близко к нарисованным объектам; и те, кто не так хорошо знает сюжеты, могут вообразить, что я незаслуженно придал им лилипутские размеры.

Написание современной истории - самая неблагодарная из задач, и я обнаруживаю также одну из наименее независимых работ. Я по-прежнему писал не гусиным пером, и в моих чернилах было немного желчи, но все же я не думаю, что в последующих главах мне есть что замарать. Я не думаю, что был несправедлив к кому-либо из мужчин. Я написал много предложений и высказал много утверждений, которые, несомненно, будут названы сильными, но, сочиняя их, я являюсь всего лишь выразителем истины; и я пишу с твердой верой в то, что "историческая правда должна быть лишь менее священной, чем религиозная истина".

Однако я не сомневаюсь, что другие люди, прочитав эту книгу, подумают иначе. При публикации в журнале Harper's Magazine мне сказали, что язык некоторых из этих набросков оскорбляет тематику, но я не смог найти ни одного факта, который следовало бы утверждать иначе. Я думаю, что лучше всего сказать, в интересах всех, кто может возразить или осудить книгу в том виде, в каком она сейчас опубликована, что я не написал ничего, во что не верил бы, — я не верю ни одному предложению, которое, умирая, я хотел бы вычеркнуть, и, конечно, ни одному слову, от которого, будучи живым, я намерен отказаться.

Нью-Йорк, сентябрь 1866 г..

Содержание.

ГЛАВА I.

ШЕРМАН КАК СТРАТЕГ.

Самый оригинальный персонаж, созданный Войной. — Шерману нет аналогов.—Его нервная энергия - секрет его большого успеха.—Инциденты, свидетельствующие о его огромной Энергии.—Беспокойность манер и нервозность выражений в разговоре.—Его дурной характер.—Появление в бою и при волнении.—Энергичный стиль писателя.—Ему следовало быть военным корреспондентом, а не генералом.—История его безумия.—Как оно возникло.—Метод в его безумии.—Привычка принимать решения.—Как он ушел из закона и вернулся в армию.—Его неконтролируемый нрав едва не погубил его.—Ссора с Халлеком и Стэнтоном.—Провал как тактика и сторонника дисциплины.—Все его сражения были проиграны.—Ни разу не выиграл ни одного сражения.—Его великие стратегические походы.—Кампания при Атланте - его величайшее достижение.—Джо Джонстон - Враг, достойный своей Стали.—Эгоизм

Страница 17

Шермана.—Его нелюбовь к корреспондентам и независимость прессы просто притворство.—
Прозвища, которыми его наградили солдаты.—Заядлый курильщик.—Его личное появление

ГЛАВА II.

ТОМАС Как ТАКТИК.

Шерман и Томас подбирают лошадей. — 58
Между ними прослеживается контраст.—
Методичные привычки Томаса.—Система, необходимая для его существования.—Ярость его гнева, когда он возбужден.— Отличный самоконтроль и хладнокровие в опасности.—
Наглядные примеры его невозмутимости.—
Принципиальный хладнокровный человек.—
Он учится избегать проявления своих эмоций.—Личное описание и привычки в лагере.—Его тактические способности.—
Привязанность его солдат к Томасу.—
Армейский баярд.—Его неизменный успех как командира.—Томасу принадлежит заслуга похода Шермана к морю.—Сражения той кампании, в которых Томас участвовал при Нэшвилле.Битва при Нэшвилле — его величайшее деяние

ГЛАВА III.

ГРАНТ КАК ГЕНЕРАЛ.

Правильная концепция его характера.—Грант 91
сочетает в себе черты Шермана и Томаса.—
Противопоставлен Ли.—Сходство между Грантом и Шерманом.—Энергия обоих.—
Сравнение Гранта и Томаса.—Настойчивость и упорство каждого.—Практичность и великодушные Гранта.—Его молчаливость.—Его представление о стратегии.—Его многочисленные сражения - самые успешные и важные в войне.—Кампания при Чаттануге и Ноксвилле.—Замечательная кампания в тыл Ричмонду - самая блестящая в войне.—Его главный порок, привычка курить.—Его большая слабость, любовь к лошадям.—Грант и Шерман в роли Деймона и Пифиаса.—Его щедрость по отношению к подчиненным.—

Превосходство над своими главными
Лидерами.—Каким будет его персонаж в
будущем

ГЛАВА IV.

ШЕРИДАН В РОЛИ КАВАЛЕРИСТА.

Союз богат своим руководством.—Восстание 128
очень слабое.Шеридан — один из самых
способных наших Лидеров. — Чудо войны.—
Скорее Вдохновитель, чем генерал.— "Боевой"
генерал.—Воспоминания о своей юности.—
Его карьера "воинственного кадета" в Вест-
Пойнте.—Его одноклассники и их успехи.—
Шеридан и Худ сравнивали.—Ранняя карьера
Шеридана в звании лейтенанта и неудача на
посту квартирмейстера. — Любимец Гранта и
Халлека.—Шеридан полковник кавалерии.—
Его первая Победа в кавалерии. — Произведен
в бригадные генералы пехоты. -
Неоднократные поражения в качестве
командующего пехотой.—Его неудачи при
Стоун-Ривер и Чикамоге.—Успех в
преследовании Брэга у Таллахомы и при
Чаттануге.— Назначен командующим всей
кавалерией Гранта.—Его успех в этом
качестве.—Воюющая сторона в своей
Организации.—Внешний вид и
привычки.Современный Сципион

ГЛАВА V.

СРАЖАЮЩИЙСЯ С ДЖО ХУКЕРОМ.

Генерал Хукер - космополит.—Естественно, 165
"боевой генерал".—Карьера в Мексике.-
Трудности с получением командования.—Его
вдохновляющее присутствие. —Критический
отчет о его "Битве над облаками".—Он создает
Облака, чтобы сражаться над ними.—Его
слабость заключается в склонности
критиковать все.—Его искренность. —Мнение
Макклеллана.—"Молодой Наполеон ведет
войну, чтобы попасть в лучшее общество".—
Тщеславие и доблесть Хукера.—Как он
получил командование.—Резкая критика в
официальных отчетах.—Критика Хукера в
адрес Шермана.—Его неутомимая энергия.—

Титул Бойцовского Джо оскорбителен для него.—Как он был получен.—Личное описание и привычки

ГЛАВА VI.

ВОСПОМИНАНИЯ О РУССО.

Стратегические *против* боевых генералов.— 193
Стратегия всегда оправдывает военные неудачи.—Сравниваются четыре боевых генерала.—Руссо, естественно, был лидером среди мужчин.—Его ранняя карьера.—Он действует как "депутат от Луисвилля, Кентукки", в Сенате Индианы.—Всегда в меньшинстве и всегда популярен.—Приключения в Кентукки в качестве адвоката по уголовным делам.—Успех в качестве специального защитника.—Поразительное приключение в защиту четырех негров, обвиняемых в убийстве.—Выборы в Сенат штата Кентукки.—Правдивая история нейтралитета Кентукки.—Симон Боливар Бакнер и его схемы.—Как они были расстроены Руссо.—Осуждение нейтралитета.—Форсирование событий.—Разделение Государственной гвардии на две конкурирующие организации.—Дезертирство "Лексингтонских егерей".—Как Руссо получил Полномочия набирать войска для службы Соединенным Штатам.—Противодействие членов нейтрального союза его плану.—Как он преодолел их возражения.—Он сам и его войска изгнаны.—Необычные сцены в нейтральном государстве.—Набор в обе армии в одном городе.—Печальные разногласия, возникшие в семьях.—Молитвенный матч повстанцев и Профсоюза.—Новости о катастрофе на Булл-Ран в Луисвилле.—Сепаратисты захватывают город.—Беспорядки мгновенно подавлены.—Мирный митинг превратился в военное собрание.—Парад Руссо по Луисвиллю.—Предательский план Бакнера и то, к чему он должен был привести.—Попытка захватить город.—Руссо спасает его от захвата.—История нейтралитета нейтрального редактора.—Популярность

Руссо среди его народа.—Его военная карьера.—Великая отвага в Перривилле.—События той битвы.—Восхищение его людей Руссо.—Новый способ ухода за пленными.—Идея Шермана о рейде Руссо в тыл армии Худа.—Возвращение к политической жизни.—Его крестовый поход против рабства.—Близость между Руссо и Шерманом.Личный облик Руссо

ГЛАВА VII.

ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГЕНЕРАЛОВ.

Генерал Дон Карлос Бьюэлл.— Один из величайших генералов, а также один из величайших неудачников войны.—Бьюэлл слишком методичен, чтобы быть практичным.—Слабость организации его армии.—Три командира корпусов без способностей.—Перривилл - битва, проигранная из-за зависти наших командиров.—Ссора между Бьюэллом и губернатором Теннесси Джонсоном.—Правдивая история предполагаемой эвакуации Нэшвилла.—Сравнение Томаса и Бьюэлла.—Уильям Старк Роузкранс потерпел крупную неудачу.—Его полная некомпетентность.—Его крайняя нервозность не позволяет ему командовать.—Его кампания при Чикамоге - одна из серий ошибок.—Битва превратилась в ненужную резню.—Худшее управляемое сражение войны.—Розкрана нет на поле.—Особенности Гордона Грейнджера.—Его пристрастие к артиллерийским боям.—Его сходство с Джо Хукером.—Реплика Шерману.—"Живущий за счет деревни". — Его мнение о Гидеоне Пиллоу и "раскрашенных мулах".—Скорбь по поводу смерти капитана Рассела.—"Старый стойкий" Стивдман, один из самых позитивных людей войны.—Его смелость и нахальство.—Дерзкая атака при Чикамоге.—Его марш из Чаттануги в Нэшвилл за приказами.—Его вера в негритянские войска.—Генералы Вуд и Негли, жертвы Чикамоги. — Военный характер каждого.—Генерал Ховард принципиальный

242

солдат.—Его твердая вера в Правое дело и его успех.—Методичный склад ума.—Религиозные привычки и воспитание.—Мэр Уильям Х. Сайделл в роли коллеги Шермана.—Генерал Джон А. Логан, генерал-представитель Западной армии.—Его готовность в чрезвычайных ситуациях и его огромная личная отвага.—Авантюрная карьера генерала Джона У. Гири.—Его знаменитая полуночная битва с Лонгстритом и то, как он победил его

ГЛАВА VIII.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАШИХ ВЕТЕРАНОВ.

Превосходство образованных солдат над 321
необразованными.—Контраст в *личном составе* между европейцами и американцами, между Союзом и повстанцами, а также между войсками Востока и Запада.—Превосходство армий Союза.—Анекдоты и происшествия, иллюстрирующие особенности наших Ветеранов

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

	СТРАНИЦА
"Поездка Шеридана на фронт".	<i>Фронтиспис.</i>
Уильям Т. Шерман	16
Джордж Х. Томас	58
Улисс С. Грант	90
Роберт Э. Ли	95
Филип Х. Шеридан	131
Джозеф Хукер	164
Ловелл Х. Руссо	194
Дон Карлос Бьюэлл	245
Уильям С. Роузкранс	261
Гордон Грейнджер	268
Джеймс Б. Сидман	276
Оливер О. Ховард	299
Джон О. Ховард	307

УИЛЬЯМ ТЕКУМСЕ ШЕРМАН.

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

О

ВЫДАЮЩИХСЯ ГЕНЕРАЛАХ.

ГЛАВА I.

ШЕРМАН КАК СТРАТЕГ.

Из немногих действительно великих людей, сформировавшихся в результате последней войны в этой стране и оставивших неизгладимое впечатление в умах людей, Уильяма Текумсе Шермана можно считать самым оригинальным. Его имя получило более широкую известность, а его характер - более широкую популярность во всем мире, чем у любого другого из наших героев; но это произошло не столько из-за его блестящего успеха как лидера, сколько из-за его ярко выраженных характеристик личности и ума. Он, без сомнения, самый оригинальный и эксцентричный, хотя и не самый могущественный — самый интересный, хотя и не самый впечатляющий персонаж, появившийся в ходе восстания. Он, безусловно, наш самый блестящий генерал, но ни в коем случае не самый надежный; самый обаятельный, но не самый элегантный; самый быстрый, но не самый безопасный; решительный первым, но не самый решительный. Как человек он всегда щедр, но не всегда справедлив; нежен по натуре, но не всегда проявляет доброту; доверчив, но все же подозрителен; упрям, но все же колеблющийся; решительный, но не цепкий — масса противоречий, сложенных так свободно и в то же время так удачно, что получается самая интересная комбинация, которую только можно себе представить. В характере генерала Шермана много красоты и добродетелей, но также много вопиющих недостатков. Его картина, какой я ее видел и изучал, обладает тем, что художники называют "огромной широтой света и тени", и полна контрастов, попеременно приятных и оскорбительных, и которые, чтобы правильно проанализировать характер, должны быть изображены и описаны с равной силой и беспристрастностью. Это персонаж, не имеющий аналогов среди своих современников, хотя и не лишенный контраста; и именно по последней причине я выбрал его характер в качестве того, на чем, так сказать, основываются нижеследующие оценки характеров его коллег-офицеров армии Соединенных Штатов, а не потому, что я думаю, как можно предположить, что он заслуживает первого места в ряду наших великих капитанов. Война длилась достаточно долго, чтобы обеспечить лидерам если не подобающее им место в глазах народа, то, по крайней мере, их истинное линейное положение в армии. Генерала Шермана можно считать первым среди стратегов войны; генерал Джордж Х. Томас - первый среди тактиков; но Гранта, сочетающего в себе качества как тактика, так и стратега, всегда следует считать значительно превосходящим как Томаса, так и Шермана.

Генерала Шермана можно описать как комок нервов, натянутых до предела. Ни одна женщина никогда не нервничала так болезненно, но в беспокойстве Шерман нет ничего от женской слабости. Это не является, в отличие от других, недостатком организации; это действительно величайшая сила Шермана, ибо из этого проистекает блестящая концепция и замысел, которые характеризовали его стратегические действия, оригинальность, проявившаяся в его взглядах на

политическую экономию и военную политику, и ошеломляющая энергия, которая является "его всем во всем", секретом и причиной его огромного успеха. Из его крайней нервозности вытекает самая поразительная черта его характера — особая нервная энергия, которая не знает прекращения и не поддается сопротивлению. Это не просто та энергия и быстрота движений, которые естественно присущи нервным организациям, но и усиленные во сто крат. В то же время это энергия без системы и часто без здравого смысла, но, тем не менее, всегда эффективная. Генерал Шерман - двигатель, но он не всегда инженер. Он обеспечивает движущую силу, но ему часто требуется какой-то человек или вещь, которые удерживали бы его на пути; фактически, он нуждается в том, чтобы его контролировали и направляли. Он неутомим в своих усилиях; вы никогда не сможете обескуражить его объемом или напугать опасностями задачи; и он ни перед чем не колеблется, его внимание привлекают большие и малые дела. Он не верит в то слишком распространенное заблуждение, что труд - это изнурительная трата физических и витальных сил; наказание, а не привилегия; и унижающее достоинство, а не возвышающее. Работа необходима для его существования, и притом тяжелая, искренняя работа. Всегда усердный, ревностный работник, он уделял сну в продолжение войны очень мало времени, и этот короткий сон никогда не был крепким. Я однажды слышал, как он говорил своему коллеге-офицеру, что его активный ум наслаждается нелепыми мечтами и невозможными фантазиями, и, бодрствуя или спя, продолжает всегда активно планировать и осуществлять.

Несколько анекдотов, возможно, лучше проиллюстрируют природу этой нервной энергии. Самый замечательный пример этой характеристики, который я сейчас могу вспомнить, произошел в Нэшвилле, штат Теннесси. Когда Шерман принял там командование в марте 1864 года, большой трудностью на пути наступления из Чаттануги на врага, который в то время прикрывал железные дороги Атланты и Джорджии, была нехватка провизии в Чаттануге и Ноксвилле. Военный агент железных дорог от Нэшвилла до Чаттануги доставлял в армию на последнем пункте около девяноста вагонов с пайками в день. Это служило просто для того, чтобы накормить армию, которая тогда была собрана там; ничего не накапливалось для весенней кампании. Генерал Шерман потребовал объяснить причину нехватки пайков. Агент сообщил, что ему нужны и автомобили, и локомотивы, и добавил, что достать их невозможно. Генерал Шерман ответил, что нет ничего невозможного, и немедленно начал придумывать средства, с помощью которых можно было бы исправить положение. После недолгих раздумий он решил обеспечить достаточный запас вагонов и локомотивов в Индиане, Огайо и Иллинойсе и сразу же приступил к работе по достижению этой цели. За невероятно короткий промежуток времени он расширил северную конечную станцию железной дороги Луисвилл-Нэшвилл через бывший город на расстояние трех миль до реки Огайо. На дамбе, или причале, он соорудил наклонную плоскость к кромке воды. Был захвачен один из паромов, курсировавших между Луисвиллем и Джефферсонвиллем, и его специально подготовили, проложив рельсы через нос и корму для перевозки вагонов и локомотивов. На индианской стороне реки он продлил железную дорогу Джефферсонвилля через этот город до реки Огайо и построил еще одну наклонную плоскость от обрыва, на котором расположен город, вниз по крутой пристани к кромке воды. В то же время он приказал закупить необходимые вагоны и локомотивы с различных северо-западных железных дорог, сняв их с маршрутов вплоть до Чикаго на север, и срочно отправить в Нэшвилл, пересекая Огайо предоставленными им средствами. Эффект был вскоре замечен. Через месяц после начала этого движения железнодорожные агенты сообщили, что они пропускают двести семьдесят вагонов в день до Чаттануги. К 20 апреля, в

день, когда Шерман покинул Нэшвилл, чтобы начать свою кампанию в Атланте, он накопил в Ноксвилле восемнадцать, а в Чаттануге - тринадцатидневный паек для всей своей армии в 120 000 человек. Энергия, вдохновлявшая железнодорожных агентов, была передана кватермейстерам, расположенным в Нэшвилле, и результатом стало увеличение рабочей силы этого департамента с четырех или пяти тысяч до почти шестнадцати тысяч человек. Во время выполнения этой работы генерал Шерман потребовал, чтобы железнодорожные агенты и квартирмейстеры ежедневно докладывали о ходе работ. Однажды утром я случайно оказался в его кабинете, когда помощник генерального квартирмейстера Джеймс Л. Донналсон доложил о небольшом увеличении количества автомобилей, отправленных в тот день, по сравнению с поставками предыдущего дня. Генерал Шерман воспринял это сообщение с большим удовлетворением, чем он выказал бы, услышав о значительном увеличении своей численности, поскольку в то время у него было больше людей, чем он хорошо знал, что с ними делать. "Это хорошо!" — воскликнул он. "Это хорошо, Донналсон; мы будем готовы к старту", - а затем он поспешно вернулся на свое место и произвел какие-то быстрые вычисления, которые с видимым удовольствием показал генералам Донналсону и Уэбстеру, последнему - своему начальнику штаба. Он не мог бы обрадоваться больше, если бы услышал вест о великой победе. Мгновение спустя он повернулся ко мне, чтобы в очень грубой форме отклонить — он всегда был груб с газетными корреспондентами — мое прошение о пропуске по военной железной дороге в Чаттанугу. "Видите ли, - сказал он, - я делаю все, что в моих силах, чтобы прокормить своих *солдат*", - с очень нелюбезным ударением на слове "солдаты". Поскольку у меня в кармане был пропуск генерал-лейтенанта Гранта в любой пункт и любым маршрутом, и я задал этот вопрос генералу Шерману только из уважения к нему как к непосредственному командующему департаментом, я мог позволить себе улыбнуться невнятности, прозвучавшей в его акценте, и отвернулся, переполненный воспоминаниями и возросшим восхищением этим человеком.

Некоторый прежний опыт общения с генералом или, скорее, наблюдение за ним внушили мне примерно такое же мнение о его энергии и серьезности. Когда он впервые принял командование в Луисвилле, штат Кентукки, в 1861 году, агенты нью-йоркского агентства Associated Press по всей стране были наняты правительством для передачи шифрованных сообщений и переписки между различными военными командирами по телеграфу. Вследствие этого генерал Шерман часто посещал офис агентства в Луисвилле, в котором я в то время работал. Он всегда находился в этом офисе вечером, часто оставаясь до трех часов ночи, когда закрытие офиса вынуждало его удалиться в свои номера в отеле. В эти часы он расхаживал по комнате, очевидно, погруженный в свои мысли и не обращая внимания на все, что происходило вокруг. Время от времени он садился за стол, чтобы набросать меморандум или составить телеграмму. Иногда он останавливался, чтобы выслушать какое-нибудь замечание, адресованное ему другими посетителями комнаты, но редко отвечал, даже если замечание было прямым вопросом, и появлялся и вел себя так, как будто прерывание лишь на мгновение нарушило ход его мыслей.

В июле 1864 года во время осады позиции противника у горы Кенесоу произошел инцидент, который можно привести как иллюстрацию энергии Шермана. Когда началась кампания, он опубликовал приказ, информирующий армию в выражениях, над которыми в то время смеялись как над довольно напыщенными и слегка эгоистичными, что "командующий генерал намеревался начать кампанию без палатки", и на протяжении большей части марша его штаб-квартира фактически состояла не более чем из палатки для использования его генерал-

адъютантом. В сухую погоду он обычно спал под деревом, а в очень сырую погоду - в любом удобном доме. Когда армия была сосредоточена в ущелье Снейк-Крик-Гэп, в котором не было ни одного сколько-нибудь примечательного дома, генерал Логан "поднял на смех" Шермана, прислав ему палатку для защиты от дождя, которой из-за ужасной погоды Шерман был вынужден воспользоваться. Но на самом деле большую часть кампании Шерман провел без каких-либо других помещений, кроме тех, которые я описал как предназначенные для удобства его генерала-адъютанта. Однажды рано утром полк проходил мимо его бивуака близ горы Кенесоу, штат Джорджия, и увидел его лежащим под деревом у обочины дороги. Один из солдат, не зная генерала и предположив, что он, судя по его измученному, усталому и вообще поникшему виду, пьян, громко заметил: "Именно так нами командуют, командуют пьяные генералы". Шерман услышал это замечание и мгновенно поднялся. - Я не пьян, мой мальчик, - сказал он добродушно, - но я всю ночь не спал, присматривая за твоим пайком, и очень устал и хочу спать. Вскоре после этого он покинул штаб-квартиру и, проходя мимо того же полка на марше, был встречен громкими и сердечными приветствиями.

Он заставляет своих подчиненных работать тоже с таким же рвением. Когда повстанцам при эвакуации Ресаки удалось сжечь железнодорожный мост через реку Остенаула, он обратился к полковнику Райту, своему инженеру, отвечающему за железные дороги, и спросил его, сколько времени ему потребуется, чтобы заменить этот мост. Полковник Райт ответил после короткого подсчета, в ходе которого Шерман выказал свое нетерпение по поводу задержки с ответом, что он может восстановить его за четыре дня.

- Сэр, - поспешно воскликнул генерал, - я даю вам сорок восемь часов или место в первых рядах.

Мост был установлен в нужное время.

Эта нервозность организации Шермана, естественно, породила особую неугомонность манер и замечательную силу выражения. Он говорит с большой скоростью, часто в спешке самым неожиданным образом перемешивая предложения и сопровождая свой разговор странными, быстрыми и нелюбезными жестами, наиболее распространенным из которых является стряхивание пепла с сигары мизинцем левой руки, часто до тех пор, пока пепел и огонек не исчезнут.

В важном разговоре, особенно на поле боя, он редко дает человеку время закончить свои замечания или отчеты. Он отвечает, как только услышит достаточно, чтобы донести идею, никогда не дожидаясь ее развития. Давая свои инструкции и приказания, он возьмет человека за плечо и оттолкнет его во время разговора, следуя за ним к двери, все время разговаривая и подталкивая его прочь. Его быстрая, беспокойная манера почти неизменно приводит к замешательству человека, которого он таким образом инструктирует, но сам Шерман никогда не сбивается с толку. В то же время он никогда не бывает собранным. При любых обстоятельствах он, таким образом, неугомонен, никогда робко не нервничает. В опасности беспокойство не так заметно, и поэтому очевидно, что в нем нет ничего от робости. На поле боя, где он командует, нервозность Шермана смягчается. Он стискивает зубы, и его губы сжимаются более твердо, придавая его лицу выражение большей решимости. Его глаза слегка прикрыты, как будто он пытается увидеть самые дальние границы поля битвы и, так сказать, заглянуть в будущее и увидеть результат. Его сигара всегда крепко зажата в губах, но время от времени он терпит, когда ее огонь гаснет. Его тело менее беспокойно; его руки более ограничены в своих

пределах; и он довольствуется пребыванием на одном месте. В такие моменты он говорит меньше, чем в более спокойные. Однако в незначительных случаях ему неизменно становится не по себе. Его пальцы нервно теребят рыжие бакенбарды — пуговицы на пальто, — выбивают дробь на столе или стуле или пробегают по волосам. Только что его ноги скрещены, а в следующий момент они уже на полу. Он сидит мгновение, а затем встает и расхаживает по полу. Он *должен* говорить быстро, резко и в то же время не резковато, все время делая свои странные жесты, которые не меньше, чем интонации его голоса, подчеркивают его речь. Он не выносит, когда его мысли загромождают или прерывают его речь. Он не признает никакого противодействия. Он отвергает все. Он никогда не стесняется кого-либо перебивать, но терпеть не может, когда его прерывают самого. Он очень хорошо осознает и откровенно признает, что у него необычайно скверный характер, и, что еще хуже, он не предпринимает никаких попыток контролировать или исправлять его. Говоря о покойном генерале армии Теннесси Макферсоне, он однажды заметил: "Он такой же хороший офицер, как и я, — моложе и с лучшим характером". Грант, однажды говоря о сварливости Шермана, сказал: "Шерман импульсивен и порочен, но он видит свои недостатки так же быстро, как и любой другой человек". Дело в том, что если бы одни только недостатки Шермана можно было приписать другому, они бы помогли выделить его из общего стада.

Обычно преобладает идея, что командующие генералы очень дидактичны на поле боя и отдают свои приказы четким языком и громким голосом. Небольшое знакомство с реальной войной вскоре развеет это ложное впечатление, особенно если вы встретите Шермана на поле боя, поскольку в нем меньше достоинства, показухи и высокопарности, чем в любом другом генерале, которого я встречал во время войны. В битве при Чаттануге он отдал приказ о наступлении своих войск на сильно укрепленные позиции противника своему шурина, генералу Хью Юингу, словами, произнесенными между двумя затяжками скверной сигарой: "Я думаю, Юинг, если ты готов, то можешь смело идти вперед". Юинг задал несколько вопросов относительно сохранения *эшелонов* в составе своего командования, который затем был выстроен для наступления. Шерман ответил: "Я хочу, чтобы вы держались левого направления к реке (Чикамога) и сохраняли дистанцию в четыреста ярдов, пока не доберетесь до подножия холма".

- И после этого мы оставим его себе? - спросил Эвинг.

"О, вы можете взбираться на холм, когда захотите", - сказал Шерман; а затем добавил *вполголоса*, с улыбкой и подмигиванием, призывая на помощь себя и брата генерала Юинга, Чарли Юинга, который стоял рядом: "Если сможете". Когда генерал Юинг сел на лошадь и собирался уезжать, Шерман окликнул его:

"Послушай, Юинг, не зови на помощь, пока она тебе действительно не понадобится". Генерал Фрэнк Блэр и другие военнослужащие армии Теннесси, стоявшие рядом с Шерманом, рассмеялись над этим таким образом, что у других, а также у меня самого, создалось впечатление, что в прошлом генерал Юинг звал на помощь до того, как генерал Шерман подумал, что она ему действительно нужна.

О Шермане записано, что, наблюдая с крыши рисовой мельницы на реке Огичи за захватом форта Макалистер войсками генерала Хейзена и успешным завершением этим захватом "марша к морю", он воскликнул, подражая голосу негра: "Чили не спит этой ночью", - и поспешил на встречу с генералом Фостером и завершить соединение двух армий.

Его нервозность не менее заметна в его произведениях, чем в его разговоре и манерах. Его произведениям не хватает элегантности, но не силы. Некоторые из его писем, отличающиеся отсутствием изящества и присутствием энергии, уже признаны образцовыми документами войны не только по стилю, но и по аргументации. Его речи, письма и приказы редко представляют собой нечто большее, чем скелеты, составленные из четких, заостренных, но бессвязных предложений, из которых идеи, подлежащие передаче, выступают настолько отчетливо, что становятся понятными, когда предложение передано лишь наполовину. Его идеи никогда не развиваются в его письмах, хотя и излагаются более полно, чем в его беседах, но вам никогда не нужно заканчивать предложение, чтобы понять его смысл. Есть несколько примеров, о которых каждый читатель, естественно, подумает в этой связи. Его письмо мятежному генералу Худу о предполагаемом сокращении численности населения Атланты - любопытный документ, импровизированный ответ, вырванный навскидку его пером, и читается так, как будто это говорит Шерман. Он начинает это письмо с подтверждения получения сообщения из рук "господ. Булл и экипажа". Носители, которые были обозначены этим недостойным титулом, были членами Общего совета Атланты, к которым Шерман, по-видимому, не питал самого глубокого уважения. Письмо заканчивается советом Худу рассказать свою историю о притеснениях "морской пехоте", поскольку ему (Шерману) нельзя навязываться. В той же переписке он описывает свои действия по уничтожению населения Атланты и излагает свою своеобразную "теорию подавления". Вся теория Шермана, в которой, кстати, он был последователен с самого начала, заключена в предложении "бороться с дьяволом огнем". Он все время был за энергичную войну — тяжелые удары по организованным армиям, частые и часто повторяющиеся. В нем нет ни одного элемента Фабиана. Он пишет в защиту упомянутой акции в Атланте: "У нас должен быть мир не только в Атланте, но и во всей Америке. Чтобы обеспечить это, мы должны остановить войну, которая сейчас опустошает нашу некогда счастливую и благодетельствованную страну. Чтобы остановить войну, мы должны *разгромить армии повстанцев*, которые действуют вопреки законам и Конституции, которые все должны уважать и повиноваться. Чтобы победить эти армии, мы должны подготовить способ добраться до них в их укромных уголках, обеспеченных оружием и инструментами, которые позволят нам достичь нашей цели ". Его высказывание в том же письме: "Война — это жестокость, ее нельзя усовершенствовать", - является резким, немногословным изложением неоспоримой истины, иллюстрации которой более выдающиеся авторы с меньшим успехом посвятили целые главы.

Пытаясь пополнить свои базы в Чаттануге и Ноксвилле в рамках подготовки к кампании против Атланты, члены Христианской комиссии Соединенных Штатов попросили Шермана предоставить транспорт для их делегатов, книги, брошюры и т.д. Для армии. Его ответ очень характерен для этого человека: "Конечно, нет, - написал он. - крекеры и овсянка более необходимы моей армии, чем какие-либо моральные или религиозные принципы". Как показывает этот инцидент, Шерман не очень твердо верит в полезность христианских или санитарных комиссий, или обществ помощи в целом. Он считает женщин-медсестер в больнице или армии большой помехой. Однажды он презрительно упомянул об усилиях большого числа дам из Луисвилля, штат Кентукки, по отправке одежды, корпии, сладостей и т.д. Его войскам, но был вынужден, вместо того чтобы препятствовать их усилиям, предпринять шаги, чтобы должным образом направить их. Он встретился с дамами по договоренности в одном из общественных залов Луисвилля, ныне известном как Театр Вуда, и обратился к ним с речью. Он шел среди ягнят со всей смелостью и достоинством льва; но грубые, неотесанные

манеры того, кто неодобрительно смотрел на тысячи мужчин, растаяли в присутствии нескольких сотен дам. Они обнаружили, что, хотя "он не был оратором, как Брут", он мог очень нежно говорить о нуждах солдата, очень наглядно о жизни и страданиях солдата и очень галантно говорить о женщине и ее божественной миссии успокаивать.

Во время кампании в Атланте связь с тылом была сильно затруднена, корреспонденты новостей сталкивались со многими трудностями при передаче информации, а телеграммы для прессы редко доходили до Нью-Йорка. Во время движения по Атланте информационный агент в Луисвилле напрямую связался с Шерманом, чтобы узнать подробности движения. В ответ генерал телеграфировал: "Атланта наша, и она честно завоевана"; продолжая выражение, которое уже вошло в песню, кратким и наглядным отчетом о фланговом движении вокруг Атланты и битве при Джонсборо. Этот отчет - одно из самых замечательных повествований, которые, насколько я помню, я когда-либо читал, и на момент его публикации я написал для "Геральд", корреспондентом которой я тогда был, пространную критическую статью в его адрес. Однако письмо так и не появилось по той причине, что я пытался показать, что, каким бы успешным ни был Шерман, он ошибся в своем призвании генерала и должен был быть военным корреспондентом. Я полагаю, Шерман был бы смертельно оскорблен подобными высказываниями, особенно учитывая, что он делал вид, что презирает корреспондентов и редакторов; но, несомненно, в таком качестве он был бы неocenim для New York Herald или London Times, и мог бы заработать больше денег, если не больше репутации, в этом качестве, чем в качестве генерал-майора. Недавно он заявил, что не верит, что ему когда-нибудь снова представится возможность руководить людьми, и я советую ему во что бы то ни стало заняться газетным бизнесом. Любая из ведущих газет Нью-Йорка будет рада выплатить ему жалованье, вдвое превышающее жалованье генерал-майора, за работу в качестве военного корреспондента.

Пока Шерман не развил в себе практичность, эта особенность выражения и манеры воспринималась как свидетельство плохо уравновешенного ума. Следует помнить, что в начале его карьеры широко распространился слух о том, что он был сумасшедшим; но происхождение этой истории, если ее правильно изложить, сделает ему честь как проявлению замечательной дальновидности. Истинное происхождение этого отчета таково: Шерман сменил генерала Роберта Андерсона на посту командующего департаментом Огайо 13 октября 1861 года. К тому времени в Кентукки было переброшено около десяти тысяч военнослужащих Соединенных Штатов. Западным губернаторам было обещано прислать еще столько же, но они не спешили с этим. Генерал А. Сидни Джонстон, командующий повстанцами в Боулинг-Грин, пытался создать впечатление, что у него около семидесяти пяти тысяч человек, тогда как на самом деле у него было всего около двадцати восьми тысяч. В этом он преуспел настолько, что можно было предположить, что его силы в значительной степени превосходили силы Шермана. Шерман призвал правительство к быстрому восстановлению своей армии, но без особого эффекта. Войска не пришли по той причине, что правительство не поверило заявлениям об опасном состоянии армии Шермана. Требования Шермана о подкреплении были настолько неоднократными и настоятельными, что в конце концов военный министр мистер Камерон посетил Луисвилл, чтобы ознакомиться с положением дел. Собеседование состоялось в доме Голтов в Луисвилле, при этом присутствовали Шерман, Камерон и генерал-адъютант Томас. Шерман кратко объяснил положение дел, назвал свои собственные силы и силы противника и утверждал, что для удержания Кентукки необходимы подкрепления, не говоря уже о наступлении. "Мои силы слишком малы для наступления, — сказал он, — слишком малы, чтобы

удерживать важные позиции в штате против наступления врага, и в целом слишком велики, чтобы ими можно было пожертвовать в мелочах". Когда его спросили, сколько человек требовалось, чтобы изгнать врага из штата, он без колебаний ответил: "Двести тысяч". Ответ был неожиданностью для двух офицеров, которую они и не пытались скрыть. Они даже высмеяли эту идею и посмеялись над подсчетом. Было объявлено, что невозможно указать количество названных людей. Затем Шерман заявил, что позиции в Кентукки должны быть оставлены, и армия больше не будет подвергаться опасности из-за рассеяния. К этому отнеслись более серьезно, и Кэмерон и Томас решительно выступили против. Они заявили, что отказ от Кентукки был шагом, на который они не могли согласиться. Впоследствии они выдвинули план, который был разработан для разделения департамента и армии Огайо на две части; одна колонна должна была действовать под командованием Митчелла из Цинциннати в качестве базы против Ноксвилла, а другая - из Луисвилля против Нэшвилла. Этому Шерман был категорически против. Удовлетворенный настойчивостью Кэмерона в том, что правительство не склонно соглашаться с его взглядами на ведение дел Министерства, Шерман попросил освободить его от должности и приказал отправиться на место. Камерон с радостью согласился с его пожеланиями, и Бьюэлл сменил его 30 ноября 1861 года.

В тот же вечер, когда состоялось знаменитое интервью Кэмерона и Шермана, последний нанес свой обычный визит в редакцию Associated Press в Луисвилле. Здесь, когда он все еще пребывал в дурном расположении духа из-за результата интервью, к нему подошел человек, представившийся атташе нью-йоркской газеты, и попросил разрешения проехать через кордоны наЮг в качестве корреспондента. Шерман ответил, что не может пройти. Корреспондент с непозволительной дерзостью ответил, что госсекретарь Кэмерон находится в городе, и он получит у него пропуск. Шерман немедленно приказал ему покинуть свой отдел, сказав, что дает ему два часа на то, чтобы совершить побег; если его обнаружат в репликах после этого часа, он "повесит его как шпиона". Этот парень немедленно покинул город и, добравшись до Цинциннати, очень свободно выразил свое мнение, что генерал сошел с ума. Газета, издаваемая в этом городе, узнав о беседе Камерона и Шермана, которая вскоре стала достоянием общественности, наняла этого парня написать отчет, который, таким образом, был впервые распространен о невменяемости Шермана. Его мнение о том, что для очистки Кентукки от повстанцев требовалось двести тысяч человек, было приведено этим человеком в качестве доказательства, и так появилась эта история.

Последующие события показали тот факт, что Шерман не сильно преувеличивал силы, необходимые для ведения войны в центральной зоне поля военных действий. Хотя у нас никогда не было ни одной армии численностью в двести тысяч человек на Западе, для завершения кампании на реках Миссисипи и Теннесси потребовались гораздо более крупные армии, чем мог представить любой человек, кроме Шермана, в начале войны. Армия Гранта в форте Донельсон и Шайло, объединенная с армией Бьюэлла, насчитывала не более восьмидесяти тысяч человек. Армия Халлека перед Коринфом насчитывала ровно сто две тысячи. Шерман покинул Чаттанугу в мае 1864 года со ста двадцатью тысячами человек - самой большой армией, когда-либо собранной в одном корпусе на Западе. В то же время под его командованием в разных точках реки Миссисипи и в Кентукки находились дополнительные силы численностью около пятидесяти тысяч человек, в то время как силы, действующие под командованием других командующих на Западе, если их добавить к его силам, составили бы в общей сложности двести пятьдесят тысяч человек, действующих на реке Миссисипи, каждый из которых был необходим для завоевания и удержания долины Миссисипи.

Возможно, Шерман когда-то и был сумасшедшим, но в его безумии, как и в безумии Гамлета, определенно был изумительный метод. Такие сумасшедшие, как он, существовали во все века, и когда они добивались такого же успеха, как он сам, их называли отличительным титулом "гений", в отличие от людей средних способностей. Не только Шекспир, но и Драйден, кажется, сталкивался с таким безумием, как у Шермана, и оценил правду о том, что

"Великие умы, несомненно, сходят с ума рядом с союзниками,

И тонкие перегородки разделяют их границы".

Несомненно, тот же автор имел в виду такого гения или сумасшедшего, как Шерман, когда описывал одного из своих персонажей как

"Огненная душа, которая, прокладывая свой путь,

Довел пигментное тело до разложения".

Своеобразное строение головы Шермана свидетельствует о большом развитии его мозга. Лоб у него широкий, высокий и округлый, в то время как нижняя половина лица и голова очень миниатюрных пропорций. У человека с меньшей физической силой и жизнестойкостью это огромное преобладание умственных сил над физическими привело бы, возможно, к настоящему помешательству. Голова Шермана имеет форму, характерную для сумасшедших, предрасположенных к причудливым концепциям. Мозга слишком много, и у Шермана он уравновешен и регулируется только его большим физическим развитием. Мозг Шермана в сочетании с плохим здоровьем привел бы к помешательству; его мозг и мускулистая сила в сочетании вызвали его своеобразную умственную и физическую нервозность. Если бы он был сидячим студентом, а не действующим солдатом, последняя строка стихотворения Драйдена тоже могла бы относиться к нему, и мы знали бы о нем только как о "хорошо осведомленном глиняном домовладельце". [1]

Когда сообщение о его невменяемости было впервые распространено, Шерман был очень огорчен этим и часто ссылаясь на

это в горьких выражениях. Время и успех позволили ему не одобрять это и оправдали его смех над этим. Однажды он со смехом сослался на этот отчет о себе и одновременно распространившийся слух о пьянстве Гранта во время битвы при Шайло как на иллюстрацию существующей между ними дружбы. "Видите ли, - сказал он одному джентльмену, - Грант был рядом со мной, когда я сошел с ума, а я был рядом с ним, когда он был пьян".

Во время осады Коринфа он командовал правым крылом корпуса Томаса, в то время как Т. В. Шерман из памяти Порт-Ройяла командовал левым. Последний был очень непопулярен в своем подразделении из-за болезненно нервной манеры поведения и капризного нрава, и офицеры командования критиковали его с большой свободой, многие осуждали его манеру поведения как оскорбительную. Однажды генерал У. Т. Шерман посетил генерала Сидмана — в то время командира бригады в дивизии Т. У. Шермана — и было упомянуто имя последнего, Сидман дал очень нелепый отчет о поведении Шермана.

- О! - воскликнул Уильям Текумсе. - Так это и есть "сумасшедший Шерман", да?

Во время операций перед Коринфом было обнаружено, что отличить двух "шерманов" очень сложно. Солдаты решили проблему, дав каждому "шерману" прозвище. Т. У. Шермана называли "Порт-Ройял Шерман", намекая на его службу в Южной Каролине, в то время как У. Т. Шерман был известен под несколько неподходящим титулом "Стойкий-на-старых-нервах", в отличие от другого, который, как уже говорилось, был более робко нервным. Мистер Линкольн, вспомнив об этом совпадении имен, спросил генерала Гранта, когда его представили генералу Шерману, был ли он У. Т. или Т. В., и с мальчишеским ликованием рассмеялся "шутке над Шерманом".

Как еще одно естественное следствие нервной энергии Шермана, он приобрел привычку принимать решения в самой совершенной степени, а его своеобразная организация, как правило, делала его практичным, а также раздражительным. Кажется, он никогда не рассуждает, а принимает решения интуитивно, и в этом отношении у него есть что-то от умственных и телесных особенностей представительниц слабого пола, которые, как говорят, принимают решения интуитивно. Но Шерман ни в коем случае не женщина — будь это так, он был бы мегерой — и не обладает ни малейшей частицей женской красоты или мягкости. Шерман приходит к выводам, опираясь на потрясающие логические пружины; и, хотя его решения не всегда окончательны, в действительности они таковыми и являются, поскольку, если он будет вынужден отступить на дюйм, его следующий рывок, вероятно, продвинет его еще на локоть вперед. Факты - единственный довод, который имеет для него значение, и лучшие доводы мудрых людей тратятся впустую в попытках убедить его, не имея под рукой неоспоримых фактов. Каким бы упрямым, тщеславным и самоуверенным он ни был, и каким бы неподходящим ни был для того, чтобы прислушиваться к доводам равных или подчиненных, он никогда не колеблется перед приказами своих начальников и проявляет строжайшее уважение к их взглядам, выраженным авторитетно.

Я уже говорил, что эта нервозность душевной и телесной организации была главной пружиной характера Шермана. Из этого проистекают не только его добродетели, но и недостатки, а как человек и командир у него их много. Он раздражителен, как диспептик; чрезмерно груб и неоправданно страстен. Его раздражительность, однако, не мешает ему быть приятным, когда он расположен; его грубость не уничтожает всего его великодушия, и за его страстными настроениями обычно следует раскаяние. Его приступы страсти часты, но не постоянны, и, хотя они и бурны, вскоре проходят.

Его грубоватость часто граничит с откровенной грубостью. Находясь под командованием в Луисвилле в 1861 году, жена командира повстанцев Ингрэма проходила через *городло пути* на Юг. Дама, склонная к бунту, сослалась на чахотку в качестве оправдания своего желания подышать южным воздухом. Шерман грубо посоветовал ей "запереться в комнате и поддерживать хороший огонь — это пошло бы ей не меньше пользы". Он часто отвечает таким раздражительным тоном представителям обоих полов, особенно если у человека, к которому он обращается, нет важных дел.

Однажды он сильно обиделся на то, что его манеры, и особенно эта привычка к грубости, сравнили с манерами индейца пауни, и публично выразил свое презрение к автору оскорбления. Вскоре после этого он был очень огорчен, обнаружив, что корреспондент, допустивший оскорбительное сравнение, услышал о его презрительной критике и исправил ее, публично извинившись перед всей расой пауни!

Во время битвы при Булл-Ране, где генерал Шерман командовал бригадой, к нему подошел гражданский, который, увидев, что он делает какие-то наблюдения без помощи бинокля, предложил ему воспользоваться своим. Шерман повернулся к джентльмену и хрипло потребовал:

- Кто вы такой, сэр? - спросил я.

- Меня зовут Оуэн Лавджой, и я член Конгресса.

- Что вы здесь делаете? Убирайтесь с моих позиций, сэр, убирайтесь с моих позиций.

Ничто не удовлетворило Шермана, кроме немедленного отступления члена Конгресса в тыл.

Я слышал, что дурной характер Шермана стал причиной того, что он оставил избранную им профессию юриста. Уволившись с военной службы в 1853 году, он после нескольких перемен стал юристом-консультантом в фирме своих шуринов "Юингз" в Ливенворте, штат Канзас. Он вступил в партнерство с четким пониманием того, что от него не потребуют выступать в суде; ибо, хотя он и обладал доскональным знанием принципов права, ясным, логичным представлением о справедливости во всех делах и, хотя был полностью уверен в авторитетах, он не был уверен в своих ораторских способностях. Тогда он еще не был тем оратором, которым стал в последнее время, и категорически отказывался принимать какое-либо участие в юридических дебатах или судебных тяжбах. Однажды в Суде по делам о наследствах Канзаса возникло дело, требующее немедленного рассмотрения. Том и Хью Юинг были заняты; Маккук отсутствовал, и Шерман был вынужден, *невольно*, явиться в суд. Он тщательно наметил свой курс до тех пор, пока он не стал похож на простое плавание; разработал свой план действий, как он впоследствии использовал при составлении планов маршей; но ему было суждено свернуть с выбранного маршрута не Джо Джонстоном или "противником, достойным своей стали", а презренным, мелочным юристом, обладавшим большей проницательностью, чем честностью, и большим уважением к цели, которую необходимо достичь, чем к используемым средствам. В ходе прений, в которых участвовал судебный процесс, Шерман потерял самообладание, а следовательно, и свое дело. Он вернулся в свой офис в сильном гневе, расторг партнерские отношения со своими зятями и без дальнейших колебаний принял пост президента Военной академии Луизианы, предложение о котором он получил за день или два до этого.

Вспыльчивый характер генерала Шермана к концу войны сильно подорвал его репутацию, и он был близок к тому, чтобы пожертвовать в злой час страсти всем, что завоевал раньше. Его страсть была для него тем же, чем небронированная пятка для Ахиллеса, и уязвимое место его характера едва не обошлось ему еще дороже, чем уязвимая часть тела греческого воина. Его дипломатический подвиг в отношениях с Джо Джонстоном обычно осуждался как грубая ошибка, но это была не та ошибка, которая едва не обошлась ему так дорого. Этот дипломатический шаг принял форму грубой ошибки из-за неудачных и непредвиденных обстоятельств и катастроф, которые произошли одновременно с ним. Если бы мистер Линкольн был жив, генерал Шерман сегодня пользовался бы блестящей репутацией дипломата, и его соглашение с Джонстоном было бы сразу же, поскольку в конечном итоге оно было принято в качестве основы для политического восстановления страны. Это соглашение было отвергнуто народом и президентом Джонсоном в час бешеной страсти, хотя последний с тех пор разработал на его основе свой план; и Шерман потерял свой шанс стать великим дипломатом.

Но он, и только он, был виноват в серьезной ошибке, которая сразу же после этого чуть не стоила ему славы и положения солдата. Угрюмый отказом от своего соглашения с Джонстоном, разгневанный вмешательством генерала Халлека в совместные действия его самого и Шеридана, и разъяренный отменой военным министром его приказов подчиненным, Шерман забыл о себе и двинулся со своей армией на Вашингтон, изливая месть на Халлека и ненависть и презрение к Стэнтону. К счастью для Шермана, история не зафиксировала эту сцену. История еще не зафиксировала — ни одна нация никогда прежде не была свидетелем такого зрелища, как победоносный генерал во главе восьмидесяти тысяч человек, преданных ему и ревнующих к его славе как к части своей собственной, марширующий к столице страны с угрозами в адрес своего военного начальства, исходящими из его уст и из-под его пера. В течение нескольких дней Шерман бесновался по Вашингтону, выражая свое презрение к Халлеку и Стэнтону в самых резких выражениях и называя их "простыми некомбатантами", которых он презирал. Более того, он написал своим друзьям, а через них и общественности, сравнивая Стэнтона и Халлека с "трусливыми фальстафами", стремясь заслужить аплодисменты и почести за совершенные им поступки; обвиняя военного министра в сокрытии его отчетов и пытаясь оклеветать его перед американской общественностью в официальных бюллетенях. В течение нескольких дней его армия разгулиwała по улицам столицы с той же свободой, с какой они разгуливали по полям Джорджии и болотам Каролины, и ни один человек не осмеливался повысить голос в осуждении их лидера или одобрении начальства, выступившего против него. Ни одна республика никогда прежде не выживала в таком положении дел; эта республика никогда прежде не подвергалась такой опасности, и все же об опасности едва ли подозревали. Об этом зрелище Шерман когда-нибудь пожалеет, но каждый истинный американец и каждый любитель республиканских свобод может с гордостью указать на него как на замечательную иллюстрацию стабильности республиканских институтов. Каким бы могущественным ни был Шерман против Стэнтона и Халлека (и одно его слово уничтожило бы их), он был бессилен против нации, и ни один человек из его могучего воинства не последовал бы за ним, покушаясь на ее существование. Возможно, еще большим доказательством силы республиканских принципов является то, что в разгар его бешеной ярости такая мысль, как нанесение ущерба правительству, ни на секунду не приходила в голову лидеру этих людей. У него есть основания быть благодарным за то, что нация была столь же великодушна, сколь он был честен; и что люди не привлекли его к ответственности за нарушение дисциплины, которое в любой другой стране стоило бы ему не только должности, но и репутации, а в любой другой армии - головы. В то же время нация должна и будет дорожить честным человеком, который, несмотря на все испытания и искушения, ни на секунду не забывал о своей верности принципам, за которые он боролся, и стране, которой он служил.

Репутация генерала Шермана как солдата должна полностью основываться на его стратегических способностях. Его успехи были успехами только стратегии, а не тактики. Его недостатки как командира очевидны, как и недостатки его характера. Как организатор армий для полевых действий и как тактик в бою, он потерпел полную неудачу. Он никогда не командовал хорошо организованной армией, дисциплина которой не ослабла под его руководством, и он никогда не был главнокомандующим ни в одном сражении, которое не было бы провальным. Вместо того чтобы быть организатором, Шерман был дезорганизатором; он всегда был главным среди "Неудачников", которых он сделал своими солдатами, и этим именем они в конечном итоге были названы. Вся его карьера показывает, что он был исключительно стратегом, абсолютно неспособным с точки зрения умственной организации дисциплинировать

армию и сражаться с ней. Его попытка организовать армию в Кентукки в 1861 году потерпела вопиющий провал. В отчаянии он передал ее генералу Бьюэллу, который, приняв командование, обнаружил, что это толпа без головы, фронта и соответствующих частей. Бьюэлл, в отличие от Шермана, был великим организатором и сторонником дисциплины, и вскоре он сколотил прекрасную армию из неорганизованной толпы Шермана. Генерал Шерман вскоре после этого вступил в битву при Шайло с дивизией войск, которые также были неорганизованными, и избежал уничтожения только благодаря своевременному появлению Бьюэлла и теперь уже полностью дисциплинированных войск, которыми первоначально командовал Шерман. Когда войска Бьюэлла по этому случаю появились на небольшом плато, которое называется Питтсбург-Лэндинг, огромное количество деморализованных новобранцев "Шермана", которые находились там, сбившись в кучу, приветствовали их как ветеранов. "Бьюэлл! Бьюэлл!" - раздался их крик. "Сюда идут ветераны Бьюэлла". Человек не может не улыбнуться, когда вспоминает, что люди, которых таким образом называют ветеранами, никогда не участвовали даже в перестрелке. Их поведение в отчаянной битве, последовавшей на следующий день после их прибытия, доказало, что они достойны этого названия. Один год строгой дисциплины сделал их ветеранами, не участвовав ни в одном сражении.

На протяжении всей карьеры Шермана его войска отличались отсутствием дисциплины. Когда он принял командование армией Теннесси после повышения генерала Гранта в 1863 году, он нашел ее одной из самых дисциплинированных армий в стране, хотя и не самой обеспеченной. Я сомневаюсь, что после того, как Шерман принял командование, в этой армии когда-либо проводились учения дивизии, бригады или даже полка. Впоследствии он косвенно стал командовать армией Камберленда, которой, хотя и непосредственно командовал этот строгий сторонник дисциплины, генерал Джордж Х. Томас вскоре почувствовал эффект присутствия и контроля Шермана и стал очень дисциплинированным. Впоследствии, во время марша к морю и через Каролинские острова под командованием Шермана, дисциплина в некогда образцовых армиях стала еще более ослабленной, и постепенно вся армия превратилась в обычных "Неудачников", термин, который обычно не понимается в его надлежащем смысле упрека. Люди по сей день лишь наполовину знают, что такое "облом", исходя из общего представления о характере Шермана как вождя обломов. Покров романтики, окружавший армию Шермана, так и не был полностью сорван. Ее паломничества по-прежнему остаются романтическими. На него всегда смотрели в той смутной и отдаленной перспективе, которая придает очарование красоте и скрывает внутренние проблемы и изъяны, а зло, которое он совершил, и безобразия, которые он совершил, никогда не предавались огласке. Но друзья Шермана могли бы обоснованно утверждать, что даже отсутствие этого особого такта для организации и дисциплины войск является достоинством. Нельзя сказать, что это действительно умаляло способности Шермана как солдата. То, что армия потеряла в дисциплине, было компенсировано мобильностью. Если ее моральный дух был плохим, марш был хорошим, и это удовлетворяло Шермана. Если он и не научил своих солдат сражаться, то дал им мобильность, которой от них требовало выполнение его стратегических замыслов, и таким образом поставленная цель была достигнута, а страна удовлетворена. Он просто сменил своих людей с тяжелой пехоты на легкую. Успех оправдывает любые средства, и таким образом Шерман стал — и справедливо стал — великим полководцем, не выиграв ни одного сражения.

Я признаю, что говорить, что Шерман не выиграл ни одного сражения, - это очень сильно сказано, но это справедливо, поскольку, если критически проанализировать чисто тактические операции генерала Шермана, окажется, что они почти неизменно заканчивались неудачами.

Он был главнокомандующим, центральной и контролирующей силой в битвах при Чикасо-Байу, Ресаке, Кенесо-Маунтин и Джонсборо, все из которых, за исключением последнего, где его превосходящие силы и стратегический марш накануне вечером обеспечили победу, были тактически большими неудачами. Провал совместных движений Гранта в Чикасо-Байу, несомненно, стал причиной поражения Шермана в тот момент — по крайней мере, это послужило его объяснением и служит оправданием для него; но все будут помнить, каким сигнальным провалом это было. Битва при Ресаке обернулась еще большей неудачей. Сомнения, промедление и бездействие лишили Шермана огромного преимущества, которое дал ему его стратегический марш через ущелье Снейк-Крик, расположив его в тылу позиций противника, и он должен был захватить все орудия и повозки противника и рассеять армию, которая впоследствии замедлила его продвижение в Атланте; но сражение началось слишком поздно и было отброшено слишком слабо. Стратегия Шермана в свое время сделала сражение ненужным, и оно было навязано ему из-за нерешительности другого (я полагаю, что генерал Макферсон перед смертью признал, что это была его вина), но, безусловно, это была вина Шермана в том, что сражение, когда оно велось, было нерешительным. Все будут помнить битву в горах Кенесо и ее бесполезные жертвы, и все будут помнить также искренность, с которой Шерман написал, что это был провал и что вина лежит на нем. Все мелкие сражения его великой кампании против Атланты были либо явными поражениями, либо отрицательными преимуществами, и все же эта замечательная кампания была выиграна, и все преимущества, которые могли быть получены в результате нее при любых обстоятельствах, были получены нами без потерь, которые вызвало бы большое сражение. Стратегические марши, совершенные в ходе той кампании, теперь стали главами в теории и истории войны, и внимательный изучающий это искусство увидит больше интересного в форсировании реки Чаттахучи, марше через ущелье Снейк-Крик-Гэп и через горы Аллатоуна, а также фланговом обходе Кенесоу и Атланты, чем в более лихих, но менее искусных маршах через Джорджию и Каролину. Кампания при Атланте была проведена перед лицом врага, которым командовал их самый искусный генерал, в то время как во время других, более знаменитых походов ни один враг не был встречен. Кампания в Джорджии была просто обширной; кампания против Атланты была грандиозной по замыслу и сложной по исполнению. Одна была проведена молниеносно, другая - шаг за шагом. Кампания при Атланте положила начало не только новой системе ведения войны, но даже новой системе тактики. Никогда прежде в истории войн не было известно, чтобы армия постоянно находилась под огнем в течение ста дней подряд. Люди, которых три года службы сделали ветеранами, узнали во время этой кампании систему ведения боя, о которой они никогда раньше не слышали. Вся армия сразу по необходимости превратилась в первопроходцев и метких стрелков. Противоборствующие армии располагались так близко друг к другу, что не только пикеты, но и целые корпуса находились на расстоянии мушкетного выстрела друг от друга, и каждый лагерь должен был быть укреплен траншеями. Как особый факт, показывающий впечатление, произведенное на умы солдат изменением тактики, которое эта кампания сделала необходимым, я могу упомянуть, что солдаты называли друг друга "сусликами" и "бобрами"; и "сусличьи норы" были более распространены на пути следования армий, чем походные костры. Раньше об этих людях со смехом говорили, что вместо того, чтобы "набрасываться", то есть беспрерывно отнимать друг у друга пайки, во время кампании в Атланте у них вошло в привычку красть кирки и лопаты друг у друга, чтобы копать свои "сусличьи норы" или траншеи для защиты от метких стрелков противника. Я полагаю, что именно на этой кампании и ее результатах, а не на кампании от Атланты до моря, а оттуда до Голдсборо, генерал Шерман предпочел бы основать свою репутацию в будущем. [2] Сегодня мы изучаем

праздничные шествия с совершенно иной точки зрения, чем та, с которой их будут рассматривать поколения, которые придут нам на смену. Когда все будет критически рассмотрено и тщательно подведено, будет решено, что сражения, которые привели к успеху кампании к морю и через Каролинские острова, велись на холмах вокруг Нэшвилла генералом Томасом, а не генералом Шерманом. И все же они не лишены своих великих достоинств. Предпринятые обдуманно и после тщательной подготовки, они не отличались смелостью и оригинальностью дизайна, но они не служат иллюстрацией стратегии: восхищает только логистика.

Много было сказано и написано о неприязни генерала Шермана к газетам и к тому классу необходимых помех, которые были присущи каждой армии, - военным корреспондентам; но это была неприязнь, которая в значительной степени была притворной. Все мужчины - эгоисты, Грант и Шерман среди прочих, и оба любят, чтобы о них хорошо говорили и писали; вряд ли они были бы людьми, если бы не делали этого. На самом деле, если Шерман не может найти кого-нибудь, кто написал бы о нем, он делает это сам. Одному из примеров, в котором он похвалил себя, суждено дать каждому изучающему военное искусство представление об этом слабом месте его характера. Вскоре после успешного форсирования реки Чаттахучи перед лицом врага, операции, которая была одним из лучших достижений кампании в Атланте, Шерман опубликовал обращение к своим войскам, в котором он сказал с простительным эгоизмом: "Форсирование реки Чаттахучи и прорыв дороги на Огасту были выполнены нами великолепно и будут изучаться как пример в военном искусстве". Еще больший эгоизм из-под его пера не менее забавен. Это то самое письмо, в котором он упоминает о том, что был бичом Юга, и добавляет: "Подумайте, насколько лучше, что это был я, а не Бен Батлер или кто-то другой из этой школы". Это, мягко говоря, должно было понравиться "Бену" и "другим из той школы", если бы не скромность генерала Шермана.

Этот эгоизм привел к наигранной простоте стиля и небрежности привычек, что привело к очень приятному инциденту в Нэшвилле в 1864 году. Шерман очень любил театр и ходил туда так часто, как находил время. Когда он впервые приехал в "Город скал", менеджер "Нового театра Нэшвилла" прислуживал ему с предложением выделить отдельную ложу. Генерал отказался от этого, и вместо того, чтобы появиться в частной ложе, его очень часто можно было застать сидящим в партере театра в окружении своих "мальчиков в синем", смеющимся над комизмом или аплодирующим "точкам" с таким же удовольствием, как и любого из зрителей. Это притворство республиканца в манерах привлекло к нему больше внимания, чем если бы он сидел в частной ложе, и всем было приятно видеть его там, за исключением управляющего, который жаловался, что это вредит его бизнесу. Ни один офицер не осмеливался сидеть в частной ложе в присутствии Шермана в яме, и за время пребывания Шермана эти места действительно превратились в "жалкий набор пустых лож".

Однажды у меня состоялся долгий разговор с генералом Шерманом на тему прессы и военных корреспондентов, из которого я узнал очень немного, кроме того, что он был очень склонен недооценивать преимущества одного и способности другого, но очень охотно принимал, хотя и с притворной недоброжелательностью, похвалы любого из них. В том разговоре он заявил, что правительство вполне может позволить себе приобрести все печатные станки в стране по цене алмазов, а затем уничтожить их, и что все военные корреспонденты должны быть повешены как шпионы. Шерман, при всем его напускном презрении к прессе, в большем долгу перед ней, чем любой другой офицер армии.

С незапамятных времен — по крайней мере, со времен Суворова и "Старого Фрица" — Фридриха Великого — войска всегда давали прозвища командирам, которых они обожали. Солдат-ветеран - нежное создание, и он проявляет свой привлекательный нрав почти так же, как это делают женщины, используя ласкательные имена и выразительные прилагательные. У ветеранов был свой собственный сленг, столь же выразительный для посвященных и столь же непонятный для невежд, как более систематизированный жаргон шоумена, игрока или разносчика. Растущая привязанность к популярному лидеру проявлялась в увеличении интенсивности прилагательного или местоимения, применяемого к этому человеку. Популярный лидер, возможно, когда-то был всего лишь "полковником", но по мере того, как его популярность росла и он завоевывал любовь своих подчиненных, его называли "*The* полковник", "Наш полковник" и "Наш хулиган полковник". На пике популярности Макклеллана его солдаты неизменно называли его "Маленький Мак". Шеридан всегда был "Маленьким Филом", Джон А. Логан всегда "Черным Джеком", а Томаса последовательно называли "Старый Медленный рысак", "дядя Джордж" и "Старина Папаша", причем последнее является превосходной формой выражения.

Шерман не совсем избежал "прозвищ", хотя ему повезло в этом отношении больше, чем некоторым другим командирам. В 1861 году ополченцы Луисвилля дали ему имя, которое никогда не использовалось ни одним другим подразделением войск. Это произошло при следующих обстоятельствах: Ополчение выступило маршем под предводительством Шермана из Луисвилля, чтобы встретить вторжение Бакнера. По пути в Ливан генерал поговорил с солдатами, рассказав им о возникшей необходимости в их услугах, и предложил призвать их на службу в Соединенные Штаты на тридцать дней. Мало у кого из них были одеяла, ни у кого не было вещевых мешков, и в то время под рукой не было палаток. Мужчины действительно не были готовы долго оставаться в поле, и некоторые возражали против указанного срока. Шерман очень рассердился на это и высказался очень резко, намекнув, что считает ополченцев "ничтожной кучкой парней". Мужчины были огорчены этим и сильно озлоблены против него, и тут же называли его "грубым старым петухом". Однако вскоре они обнаружили, что вынуждены принять его как командира, когда один из них заметил: "Это была горькая пилюля". Из этого выросло прозвище "Старые пилюли", которое сразу же закрепилось за генералом. Люди согласились быть мобилизованными на пятнадцать дней. Это снова привело Шермана в отличное расположение духа, и он немедленно пообещал им палатки, одеяла и т. Д. Это, в свою очередь, привело охранников в восторг, и один из них предположил, что "Старые пилюли" были покрыты сахаром, прозвище было изменено, и с тех пор он был известен как "Старая пилюля в сахарной глазури".

Позже в ходе войны его войска закрепили за Шерманом одно ласкательное прозвище, которое, несомненно, останется за ним до конца. Это не выражало никакой особенности, не было собственно прозвищем, а просто выражением привязанности. Его ветераны всегда будут знать его как "Старину Билли". Ветераны 1861 и 1862 годов называли его "Стариной Шерманом", и мало кто забудет это из тех, кто слышал, как бригада генерала Руссо приветствовала его этим титулом во время битвы при Шайло. В день этого сражения, находясь в ожесточенном бою возле бревенчатой церкви, давшей название полю боя, Шерман встретил бригаду свежих войск Бьюэлла, двигавшуюся ему на подмогу, и поспешно спросил, чьи это войска. Генерал Руссо, командовавший бригадой, поспешно проехал через линию фронта навстречу Шерману, который в третий раз был спешен огнем противника, и у него была одна раненая рука на перевязи, а лицо почернело от огня его собственной артиллерии.

— Бригада Руссо, - сказал тот офицер, - ваши старые войска, генерал Шерман.

При упоминании имени Шермана люди Руссо, которые провели свою первую кампанию под командованием Шермана, узнали его. "А вот и старина Шерман", - пробежало по их рядам, и в следующее мгновение над шумом битвы прорвались три громких приветствия "Старине Шерману". В то время Шерман не обратил внимания на одобрителные возгласы, но его последующий отчет о битве показал, что он не остался равнодушным к комплименту. В данный момент он просто приказал бригаде двигаться вперед. Примерно в это время повстанцы начали отступать, и вскоре организованное таким образом наступление превратилось в преследование врага.

Шерман - заядлый курильщик. Он курит, как и все остальное, с энергией, которая, как можно было бы предположить, лишила бы его всякого удовольствия от курения. Он такой же заядлый курильщик, как и Грант, чья склонность в этой области хорошо известна, но он совсем не похож на него в своем стиле курения. Грант курит так, как будто ему нравится его сигара. Шерман курит так, как будто это его обязанность - закончить работу в кратчайшие сроки. Грант будет курить, откинувшись на спинку стула, его тело и разум явно пребывают в покое, выражение лица спокойное и рассудительное. Он медленно выпускает дым изо рта и строит свои планы и мысли в облаках, которые образуются от него вокруг его головы. Он курит свой табак так же, как китайцы курят свой опиум, и с тем определенным видом самозабвенного пренебрежения ко всему остальному, которое, как говорят, характеризует курильщика опиума. Он наслаждается своей мягкой Гаваной со спокойным достоинством, наполовину куря, наполовину пережевывая ее. Шерман яростно затягивается, как будто его сигара была худшего качества из тех, что "хватают за пенни", и не "затягивалась". Он часто и, можно сказать, яростно выхватывает ее изо рта, стряхивая пепел мизинцем. Куря, он постоянно меряет шагами пол, несомненно, погруженный в размышления о важных вещах; но сторонний наблюдатель мог бы вообразить, что он пытается решить вопрос о том, как выпускать дым через свою сигару. Он редко или вообще никогда не заканчивает его, оставляя по крайней мере половину в виде огрызка. Когда он часто бывал в комнатах Ассошиэтед Пресс в Луисвилле в 1861 году, он часто собирал и оставлял на столе агента восемь или десять таких обрубков, которые привратник в комнатах называл "старыми солдатами Шермана". Еще долгое время после того, как Андерсон принял командование в Луисвилле, агент New Orleans papers продолжал посылать свои телеграммы для повстанческих газет в Новый Орлеан. Этот человек был ярым сепаратистом и крайне не любил Шермана. Он часто говорил о нем, что тот курил, когда некоторые мужчины насвистывали, — "от недостатка размышлений". Это, несомненно, ошибка, поскольку близкие наблюдатели говорят, что во время курения Шерман глубоко погружен в свои мысли.

Конечно, когда он курит, он почти полностью не обращает внимания на то, что происходит вокруг. Это странное отсутствие разума было прекрасной иллюстрацией к обстоятельству, произошедшему в Лебанон-Джанкшн, штат Кентукки, когда его впервые заняли Шерман и Ополченцы. Пока Шерман ходил взад-вперед по железнодорожной платформе в этом месте, ожидая ремонта телеграфной линии до Луисвилля, у него погасла сигара. Он тут же достал из кармана еще одну и, подойдя к ординарцу-сержанту "Марион зуав" — одной из рот ополчения, попросил прикурить. Сержант лишь мгновение назад зажег свою сигару и, сделав пару затяжек, чтобы усилить огонь, с поклоном протянул ее генералу. Шерман осторожно раскурил свою "травку", сделал пару затяжек для уверенности и, снова погрузившись в ход своих мыслей, рассеянно выбросил сигару сержанта. Генерал Руссо и несколько других офицеров в это время

стояли рядом и от души посмеялись над инцидентом; но Шерман был слишком глубоко погружен в свои мысли, чтобы заметить смех или неудачу. Три года спустя, в своей штаб-квартире в Нэшвилле, Руссо попытался вызвать в памяти Шермана этот случай. Он не смог вспомнить этого и ответил: "Я думал о чем-то другом. Не годится позволять завтрашнему дню самому позаботиться о себе. Ваш добрый купец думает не о кораблях, которые уже пришли, а о тех, которые должны прийти. Сегодняшнее зло непоправимо. Смотрите вперед, чтобы избежать бурунов. Вы не можете, когда ваш корабль находится на них. Все, что вы можете сделать, это спастись и предотвратить катастрофу. Я думал о чем-то другом, когда выбросил сигару сержанта". А потом добавил, смеясь: "Неужели я действительно это сделал?"

Публика мало знакома с личной внешностью генерала Шермана. Было сделано очень мало его фотографий в полный рост. Из многочисленных гравюр и фотографий, которые были опубликованы с тех пор, как он стал знаменитым, очень немногие имеют хорошее сходство, и ни одна не дает должного представления о его внешности в целом. Лучшая картина, которую я когда-либо видел, - это та, с которой сделана прилагаемая гравюра. Очертания черт лица переданы с большой точностью, и любой, кто знаком с физиономией генерала, назовет ее точным подобием, хотя поза, в которой сидел субъект, служит для сокрытия крайней латинизации его носа. На лице хмурое выражение, и все же это выражение Шермана в хорошем настроении. У него редко бывает такой самодовольный вид. Критичный наблюдатель рассматриваемой картины заметил бы, что Шерман сделал в данном случае то, на что у него редко уходит время или есть склонность, и предоставил художнику особую позу. Он "загримировался" специально для этого случая. Если бы критик был одним из солдат Шермана, он бы заметил отсутствие у него во рту неизбежной сигары. Следует заметить, что мундир застегнут на все пуговицы поперек груди, и это главный недостаток гравюры, поскольку Шерман редко или вообще никогда не застегивает свой мундир ни поперек груди, ни вокруг талии. Его жилет всегда застегнут только на нижнюю пуговицу и, плотно облекая талию, придает ему удобу. Сомнительно, что в настоящее время можно найти кого-либо, кроме портного генерала, кто может сказать, когда его пальто было новым. Похоже, он испытывает отвращение к новой одежде, и его никогда не видели в совершенно новом костюме и не слышали, как скрипят ботинки. Можно сказать, что он никогда не соблюдает правила в отношении цвета своего костюма; ибо униформа, которую он обычно носит, потеряла свой первоначальный цвет и приобрела тот пыльный и ржавый оттенок, а также тот недостаток блеска, который возникает после постоянного использования. Судя по ее внешнему виду, легко можно было бы предположить, что он купил свою форму из вторых рук. Шляпа, которую он обычно носит, такого же выцветшего "регламента", с тульей, неизменно надутой, а не вдавленной внутрь, в "стиле Бернсайда". Регулировочный шнур и кисточку он вообще не узнает.

За исключением глаз, ни одна из черт лица Шермана не указывает на его характер. В целом он зауряден по внешности, не чрезмерно красив и не болезненно отталкивающ. В то же время лишите его предписаний, и в толпе его лицо привлекло бы внимание и позволило бы изучить его. Его глаза, соответствующие его общему характеру, такие же беспокойные, как его тело или разум. Они довольно тусклого, хотя и светлого цвета, их беспокойство придает им все, чем они обладают, - блеск и оживление. Его губы плотно сжаты, а глубокие линии, идущие от ноздрей к обоим уголкам рта, придают нижней половине лица решительный вид, свидетельствующий о его характере. Руки у него длинные, тонкие и заостренные, как у женщины, и восхитительно гармонируют с его фигурой. Его короткие, торчащие усы, которые становятся небритыми и кажутся задержавшимися в росте, имеют тускло-красный, или то, что обычно называют

"песочным" цветом. Он очень мало заботится о своих бакенбардах и шевелюре, каждому приходится довольствоваться одним небрежным расчесыванием в день. Возможно, он настолько же пренебрежительно относится к своей внешности, насколько делает вид, что равнодушен к тому, что другие могут сказать или подумать о нем.

СНОСКИ:

[1]

"Огненная душа, которая, прокладывая свой путь,

Довел пигментное тело до разложения,

И о'эр сообщил в дом клэя.

[2] Более трудоемкой кампании, чем у Атланты, никогда не проводилось, и трудно сказать, кто из солдат заслуживает наибольшей похвалы за эти действия, Шерман или Джо Джонстон. Отступления последних были не менее замечательными, чем фланговые марши первых, и Джонстон показал такие же чистые пятки, как и Шерман на полностью защищенном фронте. Его лагеря остались опустошенными; Шерман нашел только дымящиеся костры Джонстона, но никакой добычи после себя не оставил. Офицеры армии Шермана рассматривали это как "самое чистое отступление за всю войну", и теперь совершенно очевидно, что, если бы Джонстон остался командовать и ему позволили продолжать свою фабианскую политику, Шерман никогда не смог бы совершить свой марш к морю, и взятие Атланты было бы для него кадмийской победой. Джонстон проявил себя превосходным солдатом — фактически, высшим генералом южных армий. Если бы это можно было сказать о ком-либо из повстанцев, то о Джонстоне можно было бы сказать, что на самом деле он был

"Самый благородный римлянин из всех:

Все заговорщики, кроме только его,

Сделали это из зависти к великому Цезарю.

Он только, по великодушной, честной мысли,

И общее благо для всех, ставшее одним из них".

ГЛАВА II.

ТОМАС КАК ТАКТИК.

Пока генерал Шерман преследовал Худа, когда этот доблестный, но не очень проницательный мятежник совершал свой необдуманный, но смелый марш на север, оставляя Атланту и наши армии у себя в тылу, возникла некоторая необходимость, которая заставила генерала Шермана пожалеть об отсутствии генерала Джорджа Х. Томас, которого отправили в Нэшвилл. Сейчас я не помню отчетливо, в чем заключалась эта срочность, кроме того, что она была связана с каким-то важным движением — возможно, движением к морю, - но, во всяком случае, Шерман

был настолько нерешителен и встревожен, принимая решение, что внезапно нарушил долгое молчание, во время которого он серьезно размышлял, воскликнув, обращаясь к одному из своих помощников:

- Жаль, что здесь нет старины Тома! Он мой внедорожный конь и знает, как тянуть со мной, хотя и не так, как я".

ДЖОРДЖ Х. ТОМАС.

Никогда не было более правдивого слова, произнесенного в шутку, и описание Томаса как "подходящей лошади" Шермана - сравнение отнюдь не столь неточное, сколь грубое. В главе, предшествующей этой, я попытался показать, что отличительной чертой характера Шермана

является некоторая нервозность в мыслях и действиях, порождающая беспокойную и не поддающуюся сопротивлению энергию. Лучшее представление о генерале Томасе можно получить, противопоставив его Шерману и показав Шермана как великого стратега, а Томаса - как великого тактика. Шерман не просто стратег-теоретик, как Халлек, каким был Макферсон, но человек большой практичности и энергии, которые дали практические решения его стратегическим проблемам. Томас не просто тактик-теоретик с доскональным знанием правил, но и тот, кто продемонстрировал это искусство на обширных полях сражений, и всегда с успехом. Эти двое кажутся противоположными во всех отношениях и не имеют никакого сходства. Одного можно назвать нервным человеком, а другого - человеком нервов. Шерман черпает свою силу в инерции, возникающей в результате быстроты, с которой он движется; Томас движется медленно, но с такой же непреодолимой мощью и достигает своих целей за счет одной лишь силы. Шерман, естественно, является лихим командиром легких летучих батальонов; Томас - командиром крупномасштабных колонн. Его можно назвать тяжелым артиллеристом в отличие от Шермана, которого можно сравнить с целой батареей легких ружей; или, выражаясь языком призового ринга, Шерман - легкий и быстрый боец, в то время как Томас - тяжелый боксер, каждый удар которого смертелен. Планы Шермана странны, если не оригинальны. Хотя я слышал, что ученые военные критики отрицают, что они приняли новые правила ведения войны, все же нельзя отрицать, что его кампании выбивались из общего ряда военных подвигов. Томас, с другой стороны, ничего не создает, но весьма искусно руководит своей армией по четко определенным принципам искусства. Шерман делает поспешные выводы; разум и тело Томаса действуют с равной обдуманностью, его выводы были сделаны после долгих и зрелых размышлений. Шерман никогда не задумывается о непредвиденных обстоятельствах или неудаче. Всегда есть средство от любого срыва части планов Томаса или от проступков подчиненных. Шерман никогда не медлит с ответом; Томас медлит с ответом. Один быстрый и позитивный; другой медленный, но не менее позитивный. Томас дважды думает, прежде чем заговорить один раз; и когда он говорит, его предложения выстроены так компактно и, так сказать, так экономно, что они сразу передают его мысль. Это дается как совет, но люди воспринимают его как приказ и беспрекословно ему подчиняются.

Привычки этих двух мужчин радикально различаются. Шерман является новатором в области обычаев не только армии, но и всех сфер общественной жизни, и по крайней мере на одно поколение опережает американский народ, настолько быстрым, насколько он сам о себе воображает. Томас принадлежит к прошлому поколению, и его чрезвычайно регулярные привычки относятся к "старому доброму времени". Долгая служба утвердила его в лагерных привычках, и, похоже, он никогда не будет удовлетворен, если не будет жить так, как принято в лагерях. В сентябре 1862 года его дивизия армии Бьюэлла стояла лагерем в Луисвилле, штат Кентукки, его квартира находилась на окраине города. Пока они стояли здесь лагерем, полковник Джо Маккиббон, в то время сотрудник штаба генерала Халлека, прибыл из Вашингтона и передал Томасу приказ сменить Бьюэлла и принять командование армией штата Огайо. Чтобы связаться с главнокомандующим, Томас был вынужден поехать в город и снять номера в гостинице, ближайшей к телеграфному отделению. Весь день он провел в общении с генералом Халлеком, настаивая на удержании Бьюэлла и отказавшись от предложенного повышения. Поздно ночью он отправился в свою постель. Но переход от походной койки к чистке перьев был для генерала непосильным испытанием. Он обнаружил, что заснуть невозможно, и поздно ночью был вынужден отправить капитана Джейкоба Брауна, своего начальника полиции, в штаб-квартиру за походной койкой. Реорганизация армии, убийство

генерала Нельсона Джеффом К. Дэвисом и другие события, произошедшие примерно в то же время, сговорились продержат генерала в качестве гостя или пленника в отеле в течение недели. Все это время он спал, как обычно, на своей койке, выгнал горничных из своей комнаты и возлагал обязанности, которые они обычно выполняли, на старого негра-телохранителя, который прислуживал ему много лет.

Система и метод абсолютно необходимы для существования Томаса, и ничто так не раздражает и не возбуждает его, как нововведения в его привычках или изменения в его обычаях. Он с большой неохотой сбрасывает старую куртку; и в начале войны, когда повышение по службе приходило к нему быстрее, чем он успевал изнашивать свою форму, было почти невозможно застать его в соответствующей его званию одежде. Он носил форму полковника в течение нескольких месяцев после того, как был утвержден в звании бригадного генерала, и надевал соответствующую форму только тогда, когда отправлялся в бой при Милл-Спринг. Он был утвержден в звании генерал-майора в июне 1862 года, но получил звезды-близнецы только после битвы при Стоун-Ривер, произошедшей в последний день того же года, а затем они попали к нему на плечи только благодаря уловке, на которую его телохранителя подстрекали его помощники. Эта методичная черта его характера нашла замечательную иллюстрацию в инциденте, свидетелем которого я был во время битвы при Чикамоге. После разгрома основной части корпусов Маккука и Криттендена Томасу пришлось сражаться со всей армией повстанцев одним корпусом численностью менее двадцати тысяч человек. Противник, желая захватить эти силы, двинулся тяжелыми колоннами по обоим своим флангам. Его артиллерия открыла огонь по войскам Томаса с фронта и обоих флангов; но они все еще удерживали свои позиции, пока Сидман из корпуса Грейнджера не подошел к ним с подкреплениями. Я сидел на лошади рядом с генералом Томасом, когда подошел генерал Сидман и отдал ему честь.

"Я очень рад видеть вас, генерал", - сказал Томас, приветствуя его. Генерал Сидман навел некоторые справки о том, как продвигается сражение, когда генерал Томас раздраженно ответил:

"Проклятые негодяи сражаются без всякой системы".

Вслед за этим Сидман предложил отплатить врагу его же монетой. Томас последовал его предложению. Как только Грейнджер подошел с остальной частью своего корпуса, он перешел в наступление; и пока Брэгг продолжал наступать на его фланги, он двинулся вперед против центра повстанцев, настолько рассеяв его мощным ударом, что, опасаясь рассеечения своей армии надвое, повстанец отказался от флангового движения, чтобы восстановить свой центр. Это отложило возобновление сражения почти до захода солнца, и Томас смог удерживать свою позицию до тех пор, пока наступление ночи не прикрыло отступление к Россвилл Гэп.

Томаса нелегко вывести из себя. Одинаково трудно вызвать его гнев или заручиться его энтузиазмом. Он ни в коем случае не слеп к храбрости своих людей и никогда не упускает случая заметить и оценить их поступки, но они никогда не добиваются от него ничего, кроме самых холодных слов в самом холодном, но, в то же время, самом добром из похвальных тонов. Он становится по-настоящему восторженным из-за пустяков, хотя иногда в нем может пробудиться гнев. Когда это происходит, его ярость ужасна. Во время кампании в Кентукки, преследуя Брэгга в 1862 году, Томас был заместителем командующего армией под командованием Бьюэлла. Новобранцы совершили множество грабежей против лояльных кентуккийцев. Когда армия переходила небольшой ручей близ Бардстауна, называемый

"Флойдс Форк Солт-Ривер", к Томасу подошел фермер, которого он знал как хорошего члена Профсоюза, и который пожаловался, что один из офицеров штаба генерала увел единственную лошадь, оставшуюся на его ферме. Генерал почернел от гнева из-за такого обвинения в адрес одного из своих штабных офицеров и потребовал сообщить, кто и где находится преступник. Фермер указал на офицера конной пехоты, который был приписан к одному из полков, а не к штабу генерала. Генерал подъехал к нему и потребовал сообщить, где он раздобыл лошадь, на которой ездил. Офицер ответил, что тот произвел на него "впечатление". Генерал знал, что этот человек не имеет права производить впечатление на лошадей, и, задыхаясь от ярости, обрушил на преданную голову преступника поток брани. Он выхватил свой меч и, просунув острие под погоны офицера, сорвал их, а затем заставил его спешиться и отвести животное к тому месту, откуда он его украл. Он также потребовал, чтобы тот заплатил фермеру за его хлопоты и потерю обслуживания животного.

Когда началась битва при Милл-Спринг, Томас был не в духе, и при первой же представившейся ему возможности "врезать" кому-либо он не преминул этим воспользоваться. Жертвой стал полковник Махлон Д. Мэнсон, грубый, возбудимый, но доблестный старый индеец, исполнявший обязанности бригадира, командовавшего своим собственным и двумя или тремя другими полками. При старой организации добровольческой армии не было предусмотрено адекватного обеспечения помощников действующих генералов, и единственный помощник Мэнсона, его полковой адъютант, оказался в стороне; поэтому, когда началось сражение и он разместил свои полки для отражения атаки, он поспешно поехал обратно к генералу Томасу, чтобы лично доложить о диспозиции, которую он произвел со своими силами. Случилось так, что при этом Мэнсон потерял свою шляпу и предстал перед Томасом без шляпы, с растрепанными волосами, невымытым лицом и неполным туалетом, и сдерживаемая ярость Томаса выплеснулась на него. Не успел он изложить Томасу свою позицию, как этот офицер прервал его словами:

- Черт бы вас побрал, сэр, возвращайтесь к своему командованию и сражайтесь с ним.

Каким бы взволнованным ни был Мэнсон, он уловил полный смысл и, возможно, несущественный намек в словах генерала и вернулся к своему командованию сильно огорченный. Гнев Томаса длился недолго после того, как он нашел этому выход. К концу дня он стал приятнее, был в хорошем настроении задолго до того, как разгром Цолликоффера завершился, и когда неделю спустя пришел писать свой отчет, очень высоко отозвался о Мэнсоне.

Самообладание и хладнокровие Томаса под огнем, а также среди волнений и опасностей боя абсолютно удивительны, и, пока я не увидел в Чикамоге неоднократные примеры его невозмутимости, я не верил, что человеческая природа способна на это. Рассказывая об одном из эпизодов битвы, отчет о котором я опубликовал в то время, я очень удачно, как мне казалось тогда и как мне кажется сейчас, назвал генерала "Статуей Фомы". Во время этого ужасного конфликта статуя ожила всего дважды. На рассвете второго дня, перед возобновлением сражения, генерал Розкранс проехал вдоль линии фронта, осматривая позицию, которую войска Маккука и Криттендена заняли, насколько могли, без другого руководства, кроме звука пушек, или другого руководителя, кроме суровой необходимости. Он подъехал к квартире Томаса, расположенной недалеко от левого центра поля, и задал ему несколько вопросов относительно вчерашнего сражения. Томас кратко коснулся событий сражения и, говоря о

своей блестящей атаке, довольно тепло воскликнул: "Всякий раз, когда я касался их флангов, они ломались, генерал, они ломались", - повторив последние слова с необычным пылом и явным удовлетворением. Я слушал с большим интересом и смотрел прямо на генерала, когда он поймал мой взгляд, и, словно устыдившись своего минутного энтузиазма, кровь прилила к его щекам, и он покраснел, как женщина. Его глаза сразу же опустились в землю, и остальные его замечания ограничились несколькими краткими ответами на адресованные ему вопросы.

Другой случай, свидетелем которого я был, произошел во второй половине второго дня сражения, в разгар затишья, последовавшего за отступлением Маккука и Криттендена и отступлением правой дивизии Томаса. Генерал сидел в тылу переформированной боевой линии справа от себя, занятый наблюдением за тяжелым облаком пыли вдалеке и в таком направлении, что это мог быть враг, или это могли быть резервные силы Гордона Грейнджера, которые были размещены на некотором расстоянии в тылу поля битвы при Россвилле, и которые, как надеялись, пойдут на помощь армии. Сомнение, в котором он пребывал, бросило заметное облако на настроение генерала и взволновало его нервы до необычной степени. У него не было ни малейшего желания возобновлять бой, и, опасаясь результата следующей атаки повстанцев, он стремился избежать возобновления сражения. Поэтому он с болезненным беспокойством наблюдал за развитием облака пыли вдалеке. Если она распадалась, чтобы выявить друзей, то они были вдвойне желанны, поскольку новые друзья обеспечивали безопасный уход той части армии, которая все еще держалась на своих позициях. Если бы это раскрыло врага, то день и армия были бы потеряны, и долгом тех, кто образовал это "последнее каре" при Чикамоге, стало бросить в зубы победоносному врагу вызов, столь же величественный и презрительный, как вызов при Камбронне, и умереть. Спасения не было, если войска, наступавшие с тыла, были, как и опасались, кавалерией противника. Генерал Том Вуд, услышав, как кто-то высказался по этому поводу, подбодрил его, сказав, что совершенно очевидно, что это была не кавалерия, "потому что, - сказал он, - разве вы не видите, что пыль, поднимающаяся над ними, поднимается густыми туманными облаками, а не спиральными столбами, как это было бы, если бы силы были кавалерийскими", замечание, которое указывало на пристальное наблюдение генерала Вуда. Беспокойство генерала Томаса возрастало с каждым моментом задержки в развитии характера наступающих колонн. Однажды он нервно сказал своим сотрудникам: "Возьмите мою подозрительную трубу, те из вас, чья лошадь стоит спокойно, — расскажите мне, что вы видите". В этот момент я стоял рядом с ним, глядя в полевой бинокль, и заметил, что уверен, что вижу флаг Соединенных Штатов.

- Вы так думаете? вы так думаете? - нервно спросил генерал.

Вскоре после этого капитан Г. М. Л. Джонстон из штаба генерала Негли явился к Томасу на службу, и генерал попросил его отправиться навстречу наступающим силам и узнать, если возможно, к какой армии они принадлежат. Джонстон отсутствовал некоторое время, отбиваясь от метких стрелков повстанцев, которые быстро окружали левое крыло Томаса. Во время его отсутствия тревога Томаса возрастала до тех пор, пока не стала болезненной для наблюдателя, и расслабление, последовавшее за открытием того факта, что грядущая сила была друзьями, принесло положительное облегчение присутствующим. Когда Джонстон вернулся с генералом Стидманом, нервы Томаса успокоились, и его возбуждение было едва заметно, если не считать раздражительного тона и манеры, в которой он проклинал Брэгга за то, что тот сражался без всякой системы. Во время последовавшей драки он оставался таким же пассивным и, по-

видимому, беззаботным, как будто находился в самом безопасном месте, какое только можно себе представить.

Утром второго дня того же сражения я снова был рядом с генералом Томасом, когда мятежники предприняли энергичную атаку на его брустверы. Он и один штабной офицер сидели немного позади центра линии, как раз в пределах досягаемости снарядов, которые враг бросал с большой силой и быстротой. Находясь на виду, снаряд пролетел между генералом и его помощниками, заставив их посмотреть друг на друга со спокойной улыбкой. Мгновение спустя другой снаряд пролетел тем же маршрутом. Генерал, на этот раз вместо того, чтобы улыбнуться, повернулся к нему на помощь и сказал:

- Майор, я думаю, нам лучше немного отойти. - И отступили на несколько ярдов к небольшому лесу.

В ночь после этого сражения, когда войска отступили в Россвилл, полковник Б. Ф. Скрибнер попросил генерала Томаса выпить чашечку кофе у его походного костра, что он и сделал. Скрибнер был слегка ранен в голову, и на его лице все еще виднелась запекшаяся кровь, оставленная там для того, чтобы рана не продолжала кровоточить. Томас сел рядом со Скрибнером, выпил кофе, осмотрел рану Скрибнера, полчаса говорил о банальных вещах, но ни словом, ни поступком ни в малейшей степени не намекнул на тот факт, что он только что участвовал в одном из самых важных сражений войны и спас армию от уничтожения. Из слов Томаса никто не мог знать, что бушевало сражение или что его хозяин был ранен.

Один из величайших недостатков характера Томаса связан с крайней прочностью его нервной системы. Не сделав его в точности эгоистичным или желчным, это сделало его холодным и недемонстративным в манерах и довольно нечувствительным к эмоциям. Он щедр, но без энтузиазма, и добр, но совсем не демонстративно. Его сравнивали с Вашингтоном, но сравнение было сделано генералом Роузкрансом, который, между прочим, совершенно ничего не знал о человеческой природе и не мог прочесть ее даже в лучших очках самого печального опыта; и сравнение справедливо только до тех пор, пока Томас, каким был Вашингтон, дорожен лицом и с достоинством ведет себя. Его сдержанные манеры наводили многих на мысль, что он был неспособен на сильную привязанность, прочную дружбу или благородные эмоции; и единственными врагами, которые у него были, были люди, с которыми он был в дружеских отношениях и которые, попав в немилость, тщетно ждали от него какой-либо демонстрации помощи. Есть два или три случая, неуместных для подробного изложения, которые натолкнули сослуживцев Томаса на мысль, что он был эгоистично холоден; но я не думаю, что это так, поскольку, несмотря на холодность и сдержанность, Томас никогда не проявлял ничего эгоистичного или завистливого в своем характере. Его кровь текла так же вяло, как масло по воде, но это было сделано из принципа, если такое вообще возможно, и я думаю, что так было в данном случае. Одним из подчиненных командиров армии Томаса, отличившихся при Стоун-Ривер и Чикамоге, был полковник из Индианы по имени Бен Ф. Скрибнер, храбрый офицер, который за свои действия в битве при Перривилле, штат Кентукки, получил прозвище "доблестный маленький Скриб" — прозвище, данное ему генералом Ловеллом Х. Руссо, его непосредственным командиром. После битвы при Чикамоге Скрибнер подвергся несправедливому обращению со стороны Роузкранса при реорганизации армии и пожаловался генералу Томасу, командиру своего корпуса, на несправедливость по отношению к нему. Во

время разговора полковник Скрибнер употребил выражение, означающее, что он не мог не чувствовать, что ему причинили серьезную обиду, когда Томас медленно и печально произнес:

- Полковник, я приложил немало усилий, чтобы приучить себя не чувствовать.

Это замечание дает прекрасное представление о характере Томаса и объясняет многое в его поведении, что остается загадкой для тысяч тех, кто изучал его характер.

Генерал Гарфилд обычно рассказывал историю, которая придавала довольно комичный оттенок сдержанному стилю генерала и которую, насколько я помню, я никогда не видел в печати. На самом деле, у меня был несколько сомнительный вопрос относительно того, имею ли я право рассказывать об этом, и делаю ли я это только с предупреждением: "*Соблюдайте спокойствие*". Когда генерал Томас сменил Розкранса в Чаттануге в 1863 году, генерал Гарфилд некоторое время оставался с ним в качестве начальника штаба. Однажды утром два офицера объезжали верхом город, осматривая возводимые в то время оборонительные сооружения, когда услышали, как кто-то окликнул их с криком:

- Здравствуйте, мистер! вы! Я хочу с вами поговорить.

Оглядевшись по сторонам, генерал Томас обнаружил, что он и есть тот самый "мистер", которого разыскивали, и что человек, окликнувший его, был одним из тех солдат Восточного Теннесси, которых всегда было легко отличить от солдат Севера по их характерной грубой, неотесанной лесной внешности. Он остановился, и мужчина подошел к нему и начал:

- Мистер, я хочу получить отпуск.

"На каком основании вы хотите получить отпуск, дружище?" - спросил генерал.

"Я хочу вернуться домой и повидать свою жену", - ответил житель Восточного Теннесси.

- Как давно вы в последний раз видели свою жену? - спросил генерал.

— С тех пор, как я завербовался, почти три месяца.

- Три месяца! - добродушно воскликнул генерал. - Ну, мой дорогой, я не видел свою жену три года.

Уроженец Восточного Теннесси перестал строгать палку, которую держал в руке, и на мгновение недоверчиво уставился на генерала.

- Видишь ли, Уолл, - сказал он наконец со смущенной улыбкой, - мы с женой не из таких.

Сотрясаясь от смеха, генерал пришпорил свою лошадь и ускакал, оставив изумленного солдата без ответа.

Мне бы очень понравилось слышать, как Томас громко смеется. За три года, в течение которых я видел его почти ежедневно и при самых разных обстоятельствах, я ни разу не видел, чтобы он *улыбался*, кроме одного раза, и это было при обстоятельствах настолько нелепых, что это

вызвало бы смех у Пейшенс на памятнике или даже горе, которому она улыбалась. Низкий комик по имени Альф. Бернетт из одного из театров Цинциннати пытался стать военным корреспондентом и летом 1863 года появился в лагере генерала Розкранса, расквартировавшись в Триуне вместе с полковником Джеймсом Браунлоу, сыном знаменитого пастора Браунлоу, который в то время командовал полком в Восточном Теннесси. Бернетт был очень хорош как имитатор и особенно преуспел в исполнении пародийной проповеди, в которой фраза "Он играл на арфе из тысячи струн, духи праведных людей стали совершенными" часто звучала как рефрен. Полковник Браунлоу однажды пригласил Бернетта произнести эту проповедь перед своим полком, и, в качестве шутки над капелланом командования, этого достойного попросили объявить о поводе ее произнесения, а когда придет время, открыть службу гимном. Бернетт начал свою пародийную проповедь и успел прослушать значительную ее часть, прежде чем капеллан и солдаты начали подозревать, насколько сильно они были возмущены. Как только священник понял суть представления, он подошел к Бернетту, взял его сзади за шею, вывел за пределы лагеря и, приказав "идти и больше не грешить", выгнал его из лагеря. Факты были в то же время представлены Роузкрансу, который исключил Бернетта из департамента, но, по просьбе некоторых друзей, имитатору разрешили вернуться для дачи объяснений. Выслушав объяснения Бернетта, Розкранс настоял на том, чтобы послушать "Твердолобую баптистскую проповедь", и Бернетт произнес ее в своем лучшем стиле. Роузкранс был в восторге, объявил, что это неподражаемо, и сказал Бернетту, что он должен оставаться в его квартире, доставлять это каждую ночь и взял бы его в свой штат, если бы Бернетт попросил об этом. Проповедь стала хобби Розкранса; какое-то время он не думал и не говорил ни о чем другом и однажды вечером пригласил генерала Томаса в каюту, чтобы послушать ее. Пришел генерал со своим штабом, и представление началось с песен, которые не вызвали интереса, и продолжилось проповедью, которая, к большому удивлению Роузкранса, не позабавила "старого Тома". Но после того, как фарс Бернетта был закончен, Роузкранс попросил спеть полковника Горация Портера из Департамента вооружения, и Портер исполнил комическую ирландскую песню с лучшим акцентом, аккомпанируя себе, имитируя игру на шотландской волынке. Портер был одним из самых достойных, тихих, степенных и элегантных офицеров армии в штаб-квартире Роузкранса; и нелепость его поведения, контраст с его обычной внешностью и манерами были слишком велики для генерала Томаса, и он несколько раз почти слышно "улыбнулся" во время исполнения песни. После этого я никогда не видел, чтобы в Томасе просыпалось веселье.

Контраст между Томасом и Шерманом можно распространить даже на их внешность и привычки; и в этом, как и в характере, разница наиболее заметна. Фигура Томаса очень разительна. Что-то в его росте теряется из-за грузности его фигуры. Если бы он был таким же худым, как Шерман, то выглядел бы на шесть футов два или три дюйма, которые ему невежественно приписывают. На самом деле его рост составляет около пяти футов десяти или одиннадцати дюймов, но его грузность настолько умалает видимость роста, что он не кажется таким уж высоким. Коренастый, крепкий и здоровый, он двигается тяжело и медленно, но ни в коем случае не слабо и не шатко. В начале последней войны его борода и волосы были песочного цвета, но с тех пор они посеребрены и придают его внешности еще большее достоинство. Все черты его лица крупные, за исключением носа — длинной, тонкой греческой черты, которой восхитился бы Наполеон. Его губы довольно толстые, округлые и красные. Его подбородок и челюсти, крупные и прямо очерченные, с большими, пристальными, хотя и не блестящими глазами, больше, чем какие-либо другие черты его лица, указывают на твердость и

позитивность характера. Выражение его лица всегда суровое, но не обязательно суровое. Он редко улыбается; но постоянная серьезность его лица не отталкивает. Можно сказать, что это запрещает. Это, безусловно, запрещает мелочиться. Самый простодушный человек, ищущий аудиенции у генерала, по одному взгляду на его лицо поймет, когда будет принят генералом, что он должен быть краток и по существу. В его присутствии не место бездельникам. У его посетителей, должно быть, есть дело, которое нужно завершить или удалиться, и им никогда не требуется никакого другого намека, кроме выражения лица генерала. Он серьезный человек, и не требуется много времени, чтобы это обнаружить. Возможно, он так же свободен от показухи и претензий, как и любой солдат в армии. Он никогда ничего не делает ради "эффекта". Его манеры не допускают фамильярности. В каждом жесте есть достоинство, но не обязательно грация или любовь. Его стиль жизни в лагере удобен и даже элегантен. Его беспорядок состоит из него самого и двух помощников. Его столовая посуда в основном серебряная с искусной отделкой. Я раз или два завтракал с генералом во время кампании в Чикамоге. По случаю каждого визита пожилой, исполненный достоинства и опрятно одетый темнокожий слуга одновременно объявлял о наступлении рассвета и начале завтрака, который приносил мне превосходный пунш с "наилучшими пожеланиями от полковника Флинта" в качестве закуски. Стол для завтрака был накрыт под пологом палатки, служившей кухней, и на нем стояли копченая свежая говядина, ветчина и крепкий черный кофе. На каждом серебряном блюде лежала белоснежная салфетка, искусно сложенная по последней моде первоклассных отелей, серебряный бокал для воды, фарфоровая чашка и обычные ножи и серебряные вилки. Лучшей говядины и лучшего кофе нельзя было найти в стране, в которой воевала армия, в то время как горячие булочки и картофель, запеченные в горячей золе соседнего костра, заставили бы покраснеть многих французских поваров.

Начиная кампанию при Атланте, Шерман попытался внести важное новшество в привычки своей армии, в точности выполнив свои инструкции "двигаться налегке", *то есть* без лишнего багажа. Чтобы убедить своих офицеров в необходимости подавать хороший пример солдатам, он опубликовал приказ, в котором заявил, что "общее командование намеревалось выступить в поход без палатки или багажа". Большинство офицеров не поняли намека, и среди прочих Томас, который передвигался в своем обычном тяжеловесном стиле, с полным составом и обычным количеством палаток, добавив к обычному довольствию большой фургон, заставленный столами, которые, будучи прикрытыми шириной от госпитальной палатки, представляли собой вполне полноценный кабинет генерал-адъютанта. Кампания началась, и Шерман несколько дней шел без палатки, ночуя везде, где застигала его ночь, но, прежде чем добраться до Ресаки, он был очень рад поселиться недалеко от штаб-квартиры Томаса и воспользоваться своими палатками и кабинетом генерал-адъютанта.

Никто никогда не обвинял генерала Томаса в том, что он гениален ни в военном, ни в каком-либо другом отношении. Он не планирует кампании со способностями и оригинальностью Шермана и не сражается в битвах с энергией и самоотверженностью Шеридана. Успех Томаса был достигнут благодаря долгой службе и терпеливому трудолюбию, и он является примером того, чего можно достичь неустанным трудом практичного человека. Он от природы наделен тем хорошим, ясным чутьем, которое часто неуместно называют здравым смыслом, но которое вообще не имеет общего порядка. Он никогда не был блестяще образован и не является ни блестящим мыслителем, ни собеседником. Он, несомненно, хорошо разбирается в знаниях

Вест-Пойнта и военном искусстве. Его образование было получено главным образом на основе длительного и разнообразного опыта общения с миром, который сделал его в высшей степени практичным человеком. Следовательно, его ум естественным образом, как уже было сказано ранее, тяготеет к методу, и все, что он делает, завершается (в полном смысле этого слова) методичным образом. В его планах или способе их осуществления мало что оригинально, но все они отличаются практичностью и завершенностью. Его расчеты допускают широкий диапазон непредвиденных обстоятельств, задержек и несчастных случаев, и их нелегко потревожить неблагоприятными инцидентами и неожиданным развитием событий. Он никогда не отправляется в поход или битву, не зная точно, как безопасно выйти из нее на случай, если возникнет необходимость отступления. Он не раз предоставлял средства для того, чтобы вывести чужие армии из опасности. При Стоун-Ривер, когда Роузкранс потерпел поражение и его военный совет предложил отступить, Томас показал, что безопасность армии зависит от того, останется ли она и займет оборону. При Чикамоге, когда тот же самый предводитель оставил свою армию в разгар ужасной битвы и в начале разгрома большей ее части, Томас снова пришел на помощь и прикрывал отступление таким образом, что спас положение и армию.

В своих войсках Томас - самый популярный лидер. Он пользуется глубокой привязанностью своих людей, которая не становится менее искренней из-за того, что в ней нет демонстративности. Армия смотрит на него с каким-то нежным почтением, и он в высшей степени пользуется доверием своих людей. Этому больше, чем какому-либо другому чувству, человеку или обстоятельству, нация была обязана безопасностью своей армии при Чикамоге. Это чувство уверенности в своем командире сделало больше для сплочения его корпуса в тот день — сделало больше для поддержания боевого духа его командования во время ужасных атак, которым оно подвергалось, чем вся дисциплина, которой в других случаях обучали солдат. Бойцы двух разгромленных корпусов были такими же хорошими, такими же храбрыми и такими же стойкими бойцами, как и люди Томаса, но они совершенно не верили в мудрость своих лидеров, Маккука и Криттендена, которые не обладали ни вдохновляющей внешностью, ни железными качествами. Мужчины не будут стоять и сражаться под началом офицеров, в которых они не питают ни малейшего доверия. Такое доверие присуще Томасу в полной мере и сопровождается нежным отношением, которое придает ему силы.

У солдат, как я уже имел случай заметить в другом месте, есть очень естественный способ выражать свою привязанность ласкательными названиями, указывающими на особенности объектов их восхищения. Томас был крещен десятками "прозвищ". Когда он служил в Вест-Пойнте и регулярной армии в Мексике, его называли "Старый надежный" из-за его признанной и вошедшей в поговорку преданности службе. Во время кампаний при Милл-Спринг и Стоун-Ривер он заслужил от своих людей прозвище "Безопасность старого папаши". Впоследствии это название было сведено к "Папе Томасу", и этим именем его называют чаще, чем любым другим. Его медленная походка и спокойный, полный достоинства стиль верховой езды принесли ему титул "Старого медлительного скакуна". "Дядя Джордж" и "Джордж Х." часто используются солдатами в шутку, и эти титулы всегда ложатся на язык солдат, как сладкие лакомства. И хотя эти титулы употребляются мужчинами с видом и тоном, указывающим на знакомство со своим лидером, никто из них никогда не видел, чтобы в общении с ними он хоть в малейшей степени жертвовал своим достоинством. Им нетрудно достучаться до его ушей. Они всегда находят терпеливого слушателя и здравого советника, а также добродушного и приятного директора. Он никогда не смеется и не шутит с солдатами или офицерами, но его

мягкий голос и спокойные манеры завоевывают ему больше любви подчиненных, чем могло бы принести любое мимолетное знакомство. Я знал, что он останавливался на марше и тратил десять-пятнадцать минут на то, чтобы направить отставших по их командам.

Генерал Томас - самый чистый человек, которого я встречал в армии. Он был баярдом нашей армии — "*без страха, без упрека*", и я тщетно пытался найти изъян в его характере. На его характере нет никаких пятен, и в армии он считается вне подозрений. Он прошел войну, не вызвав, по-видимому, зависти ни у одного офицера. Он настолько регламентировал свое продвижение по службе — фактически, настолько замедлил свое продвижение, что, когда в кульминационный момент двухлетней тяжелой службы он участвовал в великой битве и спас великую армию, и был провозглашен всей страной героем, не нашлось ни одного завистливого или побежденного офицера, который выразил бы несогласие с этим популярным вердиктом.

Одно время между Грантом и Томасом были некоторые неприязненные отношения, возникшие из-за аномального положения, в которое Халлек поставил обоих, когда армия осаждала Коринф, но я полагаю, что это было улажено. Генерал Грант был назначен заместителем командующего при Халлеке, а его армия была передана Томасу, который оставался действующим командующим на местах. Должность Гранта на самом деле была вообще никакой; она не признавалась правилами или обычаями использования и воспринималась им как оскорбление, нанесенное ему (как он когда-то воображал) по наущению генерала Томаса. Однако это было не так, и генерал Грант окончательно в этом убедился.

Недавнее восстание стало школой для многих наших лучших офицеров, и страна дорого заплатила своей кровью за обучение некоторых из них. Булл-ран был ценой, которую страна заплатила за то, что ее ошибочное представление о войне было насильственно исправлено. Провал первого штурма Виксбурга и атаки на гору Кенесо были страшной ценой, заплаченной за исправление определенных ошибок в суждениях Шермана. Мы заплатили за нарушение Макклелланом хорошо известного правила ведения войны, когда он разместил Чикахомини между своими батальонами. Можно было бы назвать множество подобных примеров, показывающих, как страна была вынуждена платить ужасные кровавые кары за невежество недостойных и некомпетентных лидеров; но этого достаточно. Обучение Томаса военному искусству не стоило стране ни одной катастрофы или жертвы. Напротив, он не раз спасал страну от страшного наказания, которое ей предстояло понести за невежество других лидеров. Он отличился в трех крупных кампаниях. Два из них он провел по своим собственным планам и лично. В другом он действовал как заместитель командира. Два из них, которые он спланировал и осуществил, увенчались полным успехом, а второе, по его мнению, было великолепным триумфом. Его первой кампанией в войне за Союз была кампания против укрепленного лагеря Золликоффер в Милл-Спрингс, штат Кентукки. Его план предусматривал нападение на укрепления повстанцев; но прежде чем он успел занять позицию для этого, враг выступил из своих укреплений и атаковал его в его лагере, потерпев неудачу в попытке застать его врасплох. Мятежники потерпели неудачу также в последовавшем сражении и потерпели ужасное поражение, понеся тяжелые потери и пожертвовав организацией своей армии. Только ночь, под прикрытием которой он переправился через реку Камберленд, предотвратила захват всех сил повстанцев. Четырнадцать артиллерийских орудий, полторы тысячи лошадей со всеми припасами противника и большим количеством пленных попали в наши руки. Эта победа была

полной и вдвойне приветствовалась как первый положительный успех со времен битвы при Булл-Ране. Страна приветствовала это как первый признак омоложения и реорганизации армии. О повстанческой "армии Западного Кентукки" никто ничего не слышал с того катастрофического дня; и Джордж Б. Криттенден, ее командующий, сразу же погрузился в позор и забвение вследствие своего поражения.

В кампании и битве при Чикамоге Томас был вторым по старшинству после Роузкрэнса, но во всех важных действиях он является главной фигурой. История Чикамоги часто и в одном или двух случаях хорошо рассказывалась; но всю правду о ней следует приберечь до тех пор, пока время не позволит историку рассказать ее без страха или благосклонности. Томас выступает бесспорным героем того дня — единым духом, от которого зависит все. Он - центральная фигура. Рядом с ним нет героев. Молодые и благородные люди, которые погибли, такие как Литл и Бернхэм, Ван Пелт и Джонс, и те не менее благородные души, которые отличились и выжили, чтобы быть вознагражденными, как Бэрд и Дик Джонстон, старый Стивман и молодой Джонстон, которые вели его колонны на штурм, Вуд и Харкер — все они окружают Томаса, но добавляют ему славы, как паргелий добавляет красоты солнцу. В первый день при Чикамоге Томас внес свой вклад в уничтожение великой армии повстанцев, но все было напрасно. Плоды его победы были растрчены из-за некомпетентности других. Общего наступления, когда он наступал, не было. На второй день было слишком поздно; врагу удалось переправить всю его армию через Чикамогу, и возможность уничтожить его силы в деталях была упущена навсегда. Затем обстоятельства возложили на Томаса задачу спасти великую армию, а не уничтожить ее. Долг был благородно выполнен, и армия благородно спасена; и хотя те, кто не присутствовал при битве и судит о ней понаслышке, могут быть озадачены недоговоренностью и расплывчатостью официальных сообщений, те, кто оставался в Чикамоге, очень хорошо знают, что Томас *один* предотвратил ту катастрофу и спас армию Розкрэнса.

Вскоре после того, как я опубликовал в журнале Harper's очерк генерала Томаса, это исправленное издание которого, я получил много писем от старых друзей, жалующихся на то, что я не отдал ему должное, употребив выражение "Томас ничего не создает", и приводилось множество примеров, свидетельствующих об оригинальности его ума и планов. Однако ни один из приведенных аргументов или примеров не был убедительным, и я оставил это выражение без изменений. Один из этих заявителей заявил, что генерал Томас был автором плана пройти через пролив Снейк-Крик, чтобы ударить по тылу и флангу Джо Джонстона; но я склонен считать это ошибкой. Автор повествовал, что через несколько дней после начала кампании в Атланте в мае 1864 года Шерман, тщательно разведав хребет Роки Фейс, линию обороны противника, решил, что необходимо штурмовать и удерживать позицию. Однажды, сидя на насыпи железной дороги напротив Канючьего гнезда, он поделился своим мнением с генералом Томасом.

"Это невозможно, генерал, - ответил Томас. - хребет невозможно преодолеть".

"Но это должно быть так", - сказал пылкий Шерман со своей обычной раздражительностью. Генерал Томас повторил свое замечание.

- Но тогда мы не можем оставаться здесь, - настаивал Шерман. - Мы должны идти вперед, мы не можем здесь останавливаться. Не остается ничего, кроме как штурмовать хребет".

- Вы испробовали все другие способы, генерал? Разве мы не можем обойти их? - спросил Томас, одновременно разворачивая свою карту.

- Да, да, мы испробовали все другие средства.

"Почему мы не можем проехать через Снейк-Крик-Гэп?" - спросил Томас. Голоса этих двоих, по словам моего информатора, здесь стали тише; оба генерала склонили головы над картой; и поклонник Томаса утверждает, что результатом этого разговора стала оккупация горного ущелья Снейк-Крик-Гэп. Несмотря на то, что эта история рассказана с большими подробностями и точностью, я вовсе не склонен верить ей, и я убежден, что, хотя и не без оснований, где-то здесь допущена ошибка. Другой поклонник генерала Томаса написал мне, утверждая, что ему принадлежит заслуга в том, что он придумал и спланировал "марш Шермана к морю". Он утверждает, что вскоре после оккупации Атланты, и пока армия Худа все еще находилась на фронте Шермана, генерал Томас предложил генералу Шерману взять 14-й и 20-й корпуса и пройти маршем через штат к Саванне или какой-нибудь не менее важной точке на побережье. Этот план не был немедленно реализован; была получена информация о намерении Худа обойти Атланту с фланга и продвинуться на север, и генерал Томас был направлен в Нэшвилл, чтобы организовать там силы для встречи с ним. Худ действительно двинулся на север, и Шерман решил оставить его на попечение Томаса, в то время как он сам с 14-м, 15-м, 17-м и 20-м корпусами, в два раза превосходящими силы, которые, как первоначально утверждалось, предлагал Томас, и в действительности в три раза превышающими силы, фактически необходимые для движения, совершил марш, который запланировал Томас. Я очень сомневаюсь в полной правдивости этого утверждения, хотя и не знаю, соответствует ли оно действительности в чем-то конкретном. Но планировал он это или нет, не имеет большого значения; можно сказать, что Томас из Нэшвилла осуществил это, и ему, а не Шерману, принадлежит заслуга в этом успехе. Меня всегда удивляло, как Шерман смог делегировать подчиненному Томасу с меньшей половиной армии вести основные сражения и вести настоящую кампанию, в то время как он, вышестоящий офицер, с большей половиной войск совершил обходной маневр, в ходе которого не было никакой опасности — фактически никакой опасности не предвиделось — и который можно было бы лучше осуществить с половиной сил.

Когда лондонская "Таймс" охарактеризовала поход Шермана к морю как "Анабасис Шермана" и заявила, что это было фактически отступление, лондонская "Таймс" была совершенно права, но американский народ "не мог этого видеть". Но глупость повстанцев сделала это отступление успешным, а не катастрофическим для нас. Если бы возобладала фабианская политика Джо Джонстона — если бы Атланта была сдана без боя, и если бы повстанцы удовлетворились прикрытием Мейкона своей пехотой и использовали свою кавалерию для уничтожения единственной железной дороги, которая неадекватно снабжала армию Шермана, отступление к Саванне и морю было бы вместо этого отступлением к Чаттануге. Когда Худ отвел свою армию с фронта Шермана, он предоставил этому и без того сомневавшемуся генералу вторую альтернативу, тогда как раньше у него была только одна, и позволил ему выбрать один из двух маршрутов отступления. Шерман решил, ради морального духа своих людей и всего народа, "отступить вперед" к Саванне вместо того, чтобы "наступить назад" к Чаттануге, и пошел по касательной к морю. Его неожиданный маневр не помешал планам Худа. У повстанца было не больше и не меньше врагов, с которыми ему предстояло сражаться, чем было бы, если бы Шерман последовал за ним. Шерман не смог бы сосредоточить свои силы в Нэшвилле вовремя, чтобы встретить Худа, поскольку части последних сил, которые под командованием генерала

Стидмана отступили из Чаттануги для восстановления сил в Нэшвилле, были отрезаны противником и вообще не добрались до поля боя. С такой точкой зрения, не опасаясь со стороны Шермана и веря, что он сможет победить Томаса, Худ двинулся дальше, с каким результатом, известно. Он встретил Томаса в Нэшвилле, и следствием этого стало его уничтожение. Успех Томаса сделал марш Шермана успешным, и, следовательно, первый заслуживает полной похвалы за достижение второго. Насколько велика эта заслуга, можно увидеть, сформировав в уме представление о последствиях, которые повлекла бы неудача со стороны Томаса. Если бы он потерпел поражение, Нэшвилл пал бы; Худ вошел бы маршем в Кентукки и появился бы на линии Огайо, в то время как Шерман, появившийся в тысяче лиг отсюда, на побережье Южной Атлантики, обнаружил бы, что его записали великим неудачником, а не великим полководцем.

Сражения при Нэшвилле были не более значительными по результату, чем грандиозными по исполнению, и, на мой взгляд, являются лучшими примерами грандиозной тактики Томаса. Я не могу здесь подробно останавливаться на них. Операции проводились в манере, характерной для этого человека. Отступление и сосредоточение в Нэшвилле были виртуозным представлением, проведенным без замешательства и завершенным без потерь. Битва перед городом состояла из тяжелых ударов и простых маневров, которые велись после тщательной подготовки и должного обдумывания. Колонны были тяжелыми и массированными, а линии прочными и глубокими. Действие было медленным и размеренным. В разгар сражения были многочисленные затишья — паузы, использовавшиеся для ужасной подготовки, перестановки линий и сосредоточения колонн. Было проведено множество преднамеренных штурмов укрепленных позиций, и в каждой мельчайшей детали общего плана были видны объединенные усилия каждой части армии достичь какой-либо жизненно важной точки позиций противника, ключевого пункта на поле боя. Когда это было выиграно, битва была закончена. Победа была результатом хладнокровных, обдуманных действий. Войска были орудиями в руках своего командира и стали добровольными и надежными орудиями благодаря абсолютному и безграничному доверию, которое они испытывали к нему.

В трех кампаниях при Милл-Спринг, Чикамоге и Нэшвилле карьера генерала Томаса получила наибольшее распространение. В незначительных событиях его военной карьеры нет ничего, что могло бы умалить славу, которая сопутствует ему в этих событиях.

УЛИСС С. ГРАНТ.

ГЛАВА III.

ПОЖАЛОВАТЬ В КАЧЕСТВЕ ГЕНЕРАЛА.

Наиболее ясное представление о характерах генералов Шермана и Томаса получается при их противопоставлении. Правильную оценку генерала Гранта можно получить, сформировав в воображении характер, сочетающий в себе черты как Шермана, так и Томаса; ибо в лице генерал-лейтенанта встречаются совершенно противоположные качества, отличающие остальных, и они сочетаются с исключительной грацией и счастьем. Генерал Грант не создает столь эффектного или, так сказать, драматичного образа, как Шерман, и не обладает столь достойной, то есть величественной внешностью, как Томас; тем не менее, он сочетает в себе оригинальность и энергию первого с обдуманностью, хладнокровием и настойчивостью второго. Без постоянного огня и ярости Шермана, без случайных внезапных, пламенных порывов Томаса Грант, всегда хладнокровный, спокойный и бесстрастный, также всегда тверд, всегда решителен и всегда прогрессивен. Шерман непостоянен, как француз, и демонстративен, как итальянец; Томас флегматичен, как голландец, и упорен, как англичанин; в то время как Грант по всем своим качествам, по упрямству, настойчивости, позитивности и молчаливости, насквозь американец, и больше ничего. Грант - настоящий моряк, поскольку он боится как шторма битвы, так и спокойствия бездействия, и его соответствующий девиз - "*In medio tutissimus ibis*." Томас больше всего наслаждается спокойствием — он сам всегда спокоен, даже посреди самого бурного моря. Шерман, напротив, наслаждается штормами, и сейчас от него ничего бы не осталось, если бы не шторм. Профессор Мэхан, который был наставником Гранта и Шермана, привел очень красивую иллюстрацию контраста между ними, сравнив первый из названных двигателей с мощным двигателем низкого давления, "который конденсирует свой собственный пар и потребляет свой собственный дым, и который неуклонно движется вперед, преодолевая все препятствия перед собой", в то время как "Шерман" относится к классу двигателей высокого давления, "который выпускает пар и дым с затяжкой и облаком и работает с неудержимой энергией". Грант обладает оригинальным складом ума Шермана и, как и он, выразил несколько новых и поразительных мыслей на тему восстания и его подавления, но они неизменно были облечены в полные, округлые и величественные периоды Томаса, а не в резкий, краткий и нервный язык Шермана. Он спланировал несколько кампаний с не меньшей оригинальностью, чем та, которую продемонстрировал Шерман, но они всегда проводились с обдуманностью и настойчивостью, которые являются столь характерной чертой Томаса. Шерман дал нам несколько великолепных примеров стратегии и логистики, о чем свидетельствуют его походы по Миссисипи, Джорджии и Каролинским островам, но его сражения никогда не будут цитироваться как блестящие примеры великой тактики. Томас проявил способности главным образом в тактике на поле боя и дал нам при Милл-Спринг и Нэшвилле две великолепные иллюстрации наступления, а при Чикамоге великолепный пример оборонительного сражения; но его марши, которые всегда были медленными и трудными, вряд ли когда-нибудь прославятся. Грант преуспел в обеих этих важных областях военного искусства и дал нам блестящие примеры каждой из них, доказав, что он мастер в каждой области военного искусства. Он использует стратегию Шермана, чтобы добраться до выбранного им поля битвы, а затем применяет великую тактику Томаса, чтобы одержать победу. Рискую стать утомительным в попытках запечатлеть эту идею в сознании читателя, я не могу здесь подавить желание снова привлечь внимание к естественной и необычной манере, в которой три великих

полководца войны попеременно предстают в контрасте и сравнении как великий стратег, великий тактик и великий полководец эпохи.

РОБЕРТ Э. ЛИ.

После большого успеха Гранта под Ричмондом, кульминацией которого стала капитуляция Ли, повстанцы, хотя они упорно игнорировали любое скрытое величие Гранта, были рады часто обнаруживать сходство между победителем и побежденными, и было многосравнений, которые проводились в похвалу Ли и покровительственно по отношению к Гранту. Этих двоих, как людей и как генералов, скорее следовало бы противопоставить; ибо, за исключением молчаливой, наблюдательной вдумчивости, которая отличает обоих, у них едва ли есть что-то общее. Невозможно сравнить самого позитивного человека войны с наименее решительным участником восстания; самого сильного сторонника истины с самым слабым сторонником ложного дела; самый великий характер с самым презренным; великого и успешного генерала в наступлении со слабым и неудачливым генералом в обороне. Как генерал, Грант всегда переходил в наступление и неизменно добивался успеха. В отношении Ли строго верно обратное. Первая наступательная кампания Ли в Западной Вирджинии против Макклеллана провалилась; его первые оборонительные действия против того же лидера увенчались большим успехом. Его второе наступление против Поупа провалилось, а его третье наступление, кульминацией которого стал Антьетам, обернулось большой катастрофой. Его второе и третье оборонительные сражения, Фредериксбург против Бернсайда и Чанселорсвилл против Хукера, были успешными. Его четвертая наступательная кампания потерпела явный провал при Геттисберге. Его следующая кампания была оборонительной. Война велась в стране, от природы сильной в оборонительных целях, в противовес человеку, с которым его сравнивают, где ему следует противопоставляться. Несмотря на то, что операция проводилась с энергией и упрямством, в конце концов это было крупное поражение, и армия Ли была уничтожена, как и должно было быть, его претензиями на великое полководческое мастерство. Ли считал нужным быть только солдатом и подчиняться, а не лидером, который мог бы руководить. У него не было ни одного из атрибутов революционера или величия; в противном случае, увидев и заявив, что дело лидеров повстанцев безнадежно, он, как морально самый сильный человек на Юге и практически глава восстания, как глава армии, заявил бы, что больше не должно проливаться бесполезной крови, больше не должно быть опустошения от войны для народа. Но этому человеку, по-видимому, никогда не приходило в голову, что, видя безнадежность дела и обладая властью, которая временно поддерживала это дело, он был обязан запретить его дальнейшее преследование ценой крови. Если бы Ли обладал смелостью, решительностью и позитивом Гранта, он сам был бы комиссаром мира вместо Стивенса и его коллег, и только он был бы договаривающейся стороной. По-настоящему великий и честный солдат на месте Ли и с убежденностью в безнадежности дела повстанцев, высказанной им в 1865 году, заключил бы мир, даже если бы был вынужден отправить Джеффа в отставку. Дэвис закован в кандалы, чтобы сделать это. Как человек, по сравнению с Грантом, Ли не обладает ни одной из характеристик, присущих величию; и когда он присоединился к повстанцам не ради великих принципов, включающих честь, а просто, как он заявил в письме своей сестре, потому что не хотел поднимать руку на родственников и детей, хотя и считал, что они заняты если не плохим делом, то по крайней мере таким, для которого не было подходящего повода, он утратил всякую индивидуальность и стал предателем из-за простой нерешительности характера. Если Ли никогда не повесят как предателя, это должно стать предупреждением для всех людей, у которых нет собственного разума и мнения. Этому самому слабому поступку в слабом существовании нет аналога в жизни Гранта, но есть тысяча, или, скорее, я бы сказал, один постоянный и неизменный контраст.

Сходство между генералами Грантом и Томасом во внешности и характерах более заметное, чем между первым и Шерманом. Сравнение между Грантом и Шерманом действительно должно быть ограничено их военными характеристиками. Сходство наиболее заметно в изобилии изобретательности, которая отличает обоих в большей степени, чем любых двух мужчин, которых до сих пор воспитывала война. Ни один из них никогда не испытывает недостатка в ресурсах. Грант, обладающий поистине замечательными способностями к изобретательству, выходит из любых затруднений с оригинальностью, не менее восхитительной из-за смелости, с которой осуществляются его проекты. Оригинальность его замыслов, не в меньшей степени, чем смелость, с которой он действует, добавляют уверенности в успехе. Если один ресурс выходит из строя, у него под рукой есть другой. Он создает возможности, и, хотя он не Кадм, по воле которого из-под земли появляются вооруженные люди, все же можно сказать, что он создает материалы для действий и восполняет своей энергией и духом, изобретательностью и тактикой многие недостатки, существующие в его физической силе. Его нелегко впасть в уныние, но он кажется сильнее всего в беде или в окружении трудностей. Его нелегко заставить отказаться от осуществления плана. Он тщательно изучает его достоинства, прежде чем принять решение, и полностью проверяет его практичность, прежде чем отказаться от него ради другого. То, к чему он вынужден прибегнуть по причине неудачи одного из них, не менее зрелое, чем первое. Можно с уверенностью сказать, что его никогда не заставляли отказываться от какого-либо общего плана, на который он опирался, хотя кампания против Ричмонда была изменена обстоятельствами и фактами, сложившимися в Уайлдернессе и Спотсильвании. Целью сухопутной кампании было разрушение важной железнодорожной ветки и опустошение богатой страны, благодаря которой враг смог существовать у самых дверей Вашингтона, и, таким образом, вынудив его отказаться от своей угрожающей и наступательной позиции, Грант смог разместить армию, действующую против Ричмонда, на ее единственной истинной стратегической позиции к югу от реки Джеймс. Теперь всем очевидно, что, если бы атака генерала У. Ф. Смита на Питерсбург в июне 1864 года оказалась успешной — а были все основания предполагать, что так и будет, и на самом деле не было веских причин, почему этого не произошло, — захват Ричмонда последовал бы немедленно. Существует заметное сходство между этой кампанией Гранта и кампанией Шермана против Атланты. И то, и другое преследовалось против крупных армий, размещенных и укрепленных в местности, естественно труднопроходимой, и в которой противник имел все преимущества, вытекающие из обороняемых позиций. Оба отличались блестящими фланговыми движениями, совершенными в самых зубах противника. И хотя кампания Шермана не включала в себя ни одного из отчаянных и длительных сражений, в которых участвовал Грант, она отмечена несколькими необычно отчаянными схватками, которые обычно происходили на марше и велись за позиции.

Как и Шерман, Грант - прекрасный движитель и кормилец армии. Марши каждого из них спланированы с большой точностью, а их логистические расчеты отмечены большой точностью. Если бы это было не так, опасные фланговые перемещения одного из них у Уайлдернесс и здания суда Спотсильвании, а другого через горы Аллатуна и вокруг Атланты могли бы привести к очень серьезным катастрофам. Оба генерала полностью и искренне осознают важность экономии времени при сборе и количества при распределении припасов; и ввиду того факта, что оба они всегда действовали на большом расстоянии и временами были полностью оторваны от своих баз снабжения, упорядоченность и полнота, с которой снабжались их огромные армии, удивляют и вызывают глубочайшее восхищение

административными способностями, которые каждый из них проявил. Энергия, которой обладает Грант, в степени, полностью равной энергии Шермана, однако, существенно отличается по характеру от энергии этого сумасбродного воина. В этом нет ничего нервного, и нельзя сказать, что это вдохновляет, как у Шермана, но это не менее эффективно. Энергия Шермана восполняет все, чего может не хватать его подчиненным, и исправляет их промахи и задержки. Энергичная манера работы Гранта вскоре учит подчиненных, что просрочки недопустимы. Сравнение могло бы быть расширено и на другие признаки, в то время как можно было бы упомянуть некоторые незначительные черты с противоположными характеристиками. Оба бескорыстны и недвусмысленны, или, возможно, было бы лучше сказать, что оба бескорыстно амбициозны, ставя свои собственные интересы на второе место по сравнению с интересами страны. Шерман признает, что Грант был первым, кто оценил и ободрил его после отправки в гробницу военных Капулетти, казармы Джефферсона. Грант приписывает большую часть своего неизменного успеха мастерству своего заместителя по команде. Ни один из них не устает расточать похвалы или восхищаться квалификацией другого. Среди черт характера, которыми они отличаются, - вспыльчивость: у Гранта чрезвычайно хороший характер в смысле умеренности и уравновешенности, в то время как у Шермана очень плохой в смысле раздражительности и неровности. Не может быть никаких сомнений в том, что в душе оба они хорошие, щедрые и бескорыстные люди.

Настойчивость, с которой Грант преследует цель или выполняет план, упорство, с которым он борется, его практичность, сдержанность и неразговорчивость - вот самые сильные черты сходства между ним и Томасом. Трудно сказать, кто из них превосходит нас в этих качествах. Знаменитое послание Гранта из Спотсильвании "Я предлагаю бороться на этой линии, даже если это займет все лето" было написано сжатыми губами — читатель, естественно, читает это со стиснутыми зубами - и честно и наглядно иллюстрирует настойчивость и упрямство этого человека. Это даже более убедительно, чем достопамятное сообщение Томаса: "Мы будем удерживать Чаттанугу, пока не умрем с голоду", и в лучшем вкусе, чем у Грейнджера: "Я завладел Ноксвиллом и буду удерживать его, пока ад не замерзнет". Критика Гранта в адрес Потомакской армии, которая, несомненно, является всего лишь мнением об этой армии, которое когда-либо высказывалось, иллюстрирует эту черту его характера еще более убедительно и элегантно. Вскоре после того, как он принял личное руководство армией Мида, генерал Оглсби спросил его, что он думает о ее *персонале*.

"Это очень хорошая армия, - ответил он, - и мне сказали, что эти люди сражались с большим мужеством. Однако я думаю, что Потомакская армия *никогда не вела своих сражений до конца*". Это, безусловно, помогло им выстоять в Дикой местности, Спотсильвании и на Аппоматтоксе и полностью подтвердило веру Гранта в превосходящую выносливость мужчин.

О Гранте также рассказывают, что в молодости он очень любил играть в шахматы и играл с большим мастерством, но нашел среди своих противников того, кто был его превосходящим, и кто обычно с легкостью выигрывал первые партии за один присест. Но Грант никогда не довольствовался тем, что оставался побежденным, и настаивал на том, чтобы его противник играл до тех пор, пока в конце концов не одерживал над ним верх, "утомляя его" и выигрывая в шахматах, как на войне, благодаря своей превосходной выносливости.

Следующая история Гранта может быть апокрифической. Однако, если это правда, то это прекрасный комментарий к рассматриваемой черте его характера. Если это неправда, то это

показывает, что эта особенность настолько заметна, что для ее иллюстрации были придуманы анекдоты. История гласит, что сразу после битвы при Шайло генерал Бьюэлл начал дружески критиковать то, что он назвал плохой политикой, проявленной Грантом в боях на реке Теннесси у него в тылу.

- Куда бы вы могли отступить, генерал, в случае поражения? - спросил Бьюэлл.

"Я не хотел, чтобы меня били", - был ответ Гранта.

- А если бы вы потерпели поражение, несмотря на все ваши усилия?

- Ну, там были все транспорты, чтобы перевезти остатки командования через реку.

- Но, генерал, - настаивал Бьюэлл, - все ваши транспорты не могли вместить более десяти тысяч человек, а у вас было задействовано пятьдесят тысяч.

"Что ж, если бы я потерпел поражение, - сказал Грант, - транспорта для десяти тысяч человек хватило бы на всех, кто от нас остался".

Нелегко прийти к выводу, что действия Гранта, разбившего лагерь на том же берегу реки и в радиусе тридцати миль от противника, были плохой политикой. Если бы он разбил лагерь на восточном берегу реки, мятежники превратили бы реку, а не железную дорогу в Коринфе, в свою линию обороны, что сделало бы судоходство по ней очень трудным для канонерских лодок и невозможным для транспортов. Ручей не мог стать базой операций, как предполагалось. Сомнительно, что в битве при Силоме мы потеряли больше людей, чем должны были потерять при попытке форсировать ручей. Позиция Гранта была ошибочной, потому что она не была укреплена. Его лагерь должен был быть окружен траншеями. В отсутствие работ он полагался в качестве защиты на разлившиеся ручьи, которые в определенной степени окружали его лагерь, но которые не смогли задержать продвижение повстанцев.

Склонность Гранта к упорству естественным образом воспитала в нем твердую уверенность в себе. Он очень редко созывает военные советы или просит совета в какой-либо форме. Он не боится ответственности и решает сам. Генерал Говард, сам человек с очень заметными чертами характера, заметил эту уверенность и упомянул о ней, добавив, что она сводилась почти к суеверному фатализму, в который так твердо верил Наполеон. Однако эта уверенность в себе, несомненно, является всего лишь полной уверенностью, которая является результатом привычки к независимому мышлению и действиям человека с необычайно сильной железной волей, решимостью и упорством в достижении цели. Хотя его речь часто свидетельствует об этой уверенности в себе, она никогда не вырождается в хвастовство.

Во время сражений в Дикой местности помощь принесла генерал-лейтенанту известие о серьезной катастрофе во Втором корпусе, который подвергся энергичной атаке А. П. Хилла. "Я в это не верю", - последовал быстрый ответ Гранта, вдохновленного верой в свой успех. Помощь была отправлена обратно за дальнейшими отчетами и обнаружила, что сообщения о катастрофе были преувеличены.

Одним из самых замечательных качеств ума и характера Гранта, в котором он больше всего похож на Томаса, является его практичность. Грант, как и Томас, не является образованным ученым, но поумнел на основе житейского опыта. Его мудрость - это то, что является результатом сочетания здравого смысла, приученного к логическим размышлениям, с

практической наблюдательностью. Он решает все вопросы в простой, деловой манере, без всякой показухи и в систематическом стиле, что позволяет ему справиться с большим объемом дел за очень короткое время. Его практичность делает его безжалостным в осуществлении своих планов. Когда он решает, что это необходимо, он направляет свои массированные колонны на врага и отдает приказ об опустошении и обезлюдении страны с тем же хладнокровием, если не сказать безразличием, с которым он объявил бы о заурядном событии небольшой важности. Его руководство делами Потомакской армии, ныне общепризнанное как проявление высочайших способностей, в полной мере продемонстрировало эту характеристику практичности.

Прекрасную иллюстрацию его практичности можно найти в истории, рассказанной о том, как он действовал перед фортом Донельсон. В ночь перед капитуляцией подготовка части повстанцев к эвакуации из форта навела генерала Макклернанда на мысль, что они замышляют нападение, и он сообщил о своих подозрениях Гранту, одновременно отправив ему пленного, который был захвачен незадолго до этого. Прочитав депешу Макклернанда, Грант приказал обыскать вещевой мешок заключенного. Было обнаружено, что он был набит пайками. "Если повстанцы намерены удержать форт, они не стали бы обременять своих людей пайками. Они готовятся уходить", - таково было очень мудрое и практичное рассуждение генерала; и он немедленно приказал Макклернанду перейти в наступление. В результате был захвачен господствующий хребет близ Дувра, к югу от форта, и только часть гарнизона спаслась бегством; остальные капитулировали.

Во время сражений в Дикой местности снаряд повстанцев упал в нескольких футах от Гранта и Мида, оставив борозду в земле и разорвавшись на некотором расстоянии за ее пределами. Грант, не говоря ни слова, достал из кармана маленький компас, с помощью которого рассчитал курс снаряда. Через пять минут после этого он разместил поблизости одно или два артиллерийских орудия и, открыв огонь, вскоре заставил замолчать батарею мятежников, местоположение которой было выдано направлением снаряда. Как только это было сделано, он спросил о высоте орудий, которые проделали такую хорошую работу. Получив ответ, он вскоре установил с помощью расчетов, хорошо известных каждому артиллеристу, важный факт точного расстояния линии противника от его собственной.

Другой иллюстрацией его практичности является также пример его великодушия — не менее заметной черты его характера. Условия капитуляции, предоставленные генералу Ли — увольнение захваченной армии под честное слово, были частью стратегии, которая была полностью завуалирована кажущимся великодушием завоевателя. Это был великолепный политический ход. Предложение таких условий сразу же лишило генерала Ли возможности отклонить их. Его армия не смогла бы продержаться вместе и часа после того, как узнала, что им сделали щедрое предложение и отказались. Репутация Ли требовала, чтобы он их принял. Распущенные таким образом войска повстанцев должны были добраться до своих домов, пройдя через армию Джо Джонстона. Грант знал, что рассказ об их полном замешательстве и пленении, а также о великодушном обращении с ними, будет напечатан в уши людям Джонстона, что приведет к полной деморализации и расформированию этой армии.

Условиями Гранта при Донельсоне и Висксберге была безоговорочная капитуляция. Такая капитуляция была важна для морального эффекта, который должен был быть произведен на Севере. Было выдвинуто требование о капитуляции Ли, и были выдвинуты самые щедрые

условия, чтобы произвести желаемый моральный эффект на Юге. На мой взгляд, этот поступок иллюстрирует величие Гранта ярче, чем любой другой поступок в его жизни.

Генерал Грант, как и Томас, полностью ценит философию молчания. Его сотрудники научились подражать его молчаливости, и, следовательно, в его штаб-квартире царит атмосфера деловитости, которую не может не заметить ни один посетитель. На протяжении всей своей карьеры он не публиковал никаких глупых заявлений и не давал никаких дальновидных обещаний. За его победами не последовало громких обращений к его армиям; но он ограничился простым перечислением подвигов своих людей и результатов их достижений. Более того, он прошел войну, не произнеся ни единой речи. В Лексингтоне, штат Кентукки, в январе 1864 года Грант встретил спонтанный прием граждан по прибытии из Восточного Теннесси. По просьбе населения он появился перед своим отелем, и, когда ему сказали, что из-за его небольшого роста его не могут увидеть те, кто стоит в стороне от толпы, он добродушно взобрался на стул и два или три раза поклонился людям. Требовалась речь, но он ограничился просьбой к присутствовавшему Лесли Кумбсу заявить людям, что он "никогда в жизни не произносил речей, ничего не смыслит в бизнесе и не расположен учиться".

Я в другом месте, пытаюсь показать, что Грант представляет собой комбинацию стратега Шермана и тактика Томаса, использовал выражение, что он использовал стратегию одного, чтобы достичь выбранного им поля битвы, и тактику другого, чтобы одержать победу. Собственное определение стратегии, данное Грантом, возможно, сделает эту идею более понятной. Вскоре после сражений при Чаттануге он сидел в своей штаб-квартире в Нэшвилле, удобно вытянув ноги перед камином, и наслаждался тем, что мурлыкал и жевал сигару с той полнотой покоя, которую люди, незнакомые с его привычками, называют тупым выражением лица. Генерал-квартирмейстер Мейгс сидел рядом с ним, в то время как генерал У. Ф. Смит, который незадолго до этого заработал себе неплохую репутацию у Гранта благодаря умелым операциям в Лукаут-Вэлли в октябре 1863 года, расхаживал по комнате, явно погруженный в раздумья. Мейгс, заметив это, нарушил молчание, длившееся несколько минут, спросив:

- О чем ты думаешь, "Лысый"?

Не получив ответа от поглощенного своим делом офицера, он повернулся к Гранту и со смехом заметил:

- "Болди" изучает стратегию.

Грант вынул сигару изо рта и сказал с серьезным видом: "Я не верю в стратегию в популярном понимании этого термина. Я использую его, чтобы подобраться как можно ближе к врагу с как можно меньшими потерями".

- И что потом? - спросил Мейгс.

"Тогда? "Вставайте, гвардия, и на них!" - ответил генерал с большим, чем обычно, воодушевлением, затем снова впал в свою обычную молчаливость.

Грант несколько раз "подкрадывался" к врагу в этой войне с какой-то целью и с эффектом, который доказывает, что его стратегия высшего порядка. Его стратегический поход в тыл Висксбурга уже признан иллюстрацией военного искусства, и пройдет не так много лет, прежде

чем его будут цитировать как таковую в военных академиях страны. Комбинации против Ричмонда полны прекрасных стратегических маршей и маневров. Фланговое движение вокруг здания суда в Спотсильвании и марш на Петербург, совершенные перед лицом врага, не менее блестящи, чем у Вискбурга; в то время как разгром, преследование и захват Ли, безусловно, являются самыми блестящими операциями, известными в истории современных войн. Марши генерала Гранта в общих чертах очень напоминают марши Шермана. Они выполняются со всей энергией и, безусловно, с таким же мастерством, как у Шермана, но в большем масштабе, с большими силами и перед лицом больших естественных препятствий. Ни в одной из операций Шермана он не пересекал такие реки, как Миссисипи или Джеймс-Риверс. Горы Джорджии представляют собой не более сложные перевалы, чем перевалы Вирджинии. Марши Шермана в Джорджии и Южной Каролине замечательны и блестящи, но они были совершены перед лицом врага, совершенно неспособного справиться с ним. Сражения Гранта в Миссисипи, Теннесси и Вирджинии не менее замечательны оттого, что были сделаны перед лицом сильного, бдительного врага, у которого, по крайней мере в Вирджинии, была превосходно мобилизованная армия, и потому, что сопровождалась неделями тяжелых боев.

Многочисленные сражения при Гранте - самые важные и успешные в войне. Начиная с его первой победы при форте Донельсон, через Шайло, Коринф и Иуку, Вискбург и Чаттанугу, до сражений под Ричмондом и сдачи Ли, он добивался почти одинакового успеха, и его победы были более полными и приносили более существенные плоды, чем у любого другого командира. Как его стратегия похожа на стратегию Шермана в более широком масштабе, так и его великая тактика похожа на тактику Томаса на более обширных полях сражений. Движения и маневры двух мужчин одинаковы. Движения всегда обдуманны и тяжеловесны; маневры всегда выполняются массированными колоннами, образованными глубокими линиями. Грант, как и Томас, по-видимому, самостоятельно определяет ключевую точку позиции противника и направляет свои атаки на окончательное овладение этой точкой. Он посвящает всю свою энергию, а когда это необходимо, и всю свою жизнь достижению этого успеха, зная, что это положит конец конфликту. Когда это достигается, как при Чаттануге и во время боев 2 апреля под Питерсбергом, битва выиграна. Если ему не удастся добраться до этого ключевого пункта поля, как при первом штурме Вискбурга и Уайлдернесса, он потерпит поражение. Если он выигрывает очко и одерживает победу, он немедленно преследует отступающего противника, как в Чаттануге и Питерсберге. Но если он терпит неудачу, он не покидает поле боя. Его разум слишком богат ресурсами для отступления. Перестав быть Томасом, он снова становится Шерманом и прибегает к стратегии, с помощью которой он вытесняет врага на поле боя, где у его великой тактики будет больше шансов на успех. Критический анализ кампаний Гранта покажет, что эти черты развиты во всей полноте. Он полностью понимает специализацию Шермана, стратегию, а также Томаса, великую тактику, и является мастером того и другого. В своих кампаниях, все из которых были неоднозначными, он проявил всю настойчивость и упорство Томаса в сочетании с оригинальностью замысла и сообразительностью Шермана. Но ни в одной из его кампаний эти особенности не были проиллюстрированы лучше и ярче, чем в кампании и битвах при Чаттануге и не менее замечательной кампании под Ричмондом. Первый - пример его тактики, второй - его стратегии.

Операции Хукера и У.Ф. Смита в Лукаут-Вэлли, которые были частью кампании при Чаттануге и которые привели к снятию осады этого опорного пункта, открыв речное сообщение с базой снабжения, были не менее оригинальными по замыслу или смелыми и блестящими по исполнению, чем знаменитый марш вокруг Вискбурга. Брэгг был вынужден отказаться от всякой

надежды уморить гарнизон голодом или захватить Чаттанугу, и он решил попытаться захватить Ноксвилл с частью своей армии под командованием Лонгстрита, в то время как он продолжал демонстративно осаждать Чаттанугу с остальными. Именно это движение дало Гранту возможность проявить свои тактические способности. Бернсайд, сообщая Гранту о намерении Лонгстрита напасть на него, сообщил, что он (Бернсайд) удерживал линию на реке Теннесси, от Лондона до Кингстона, обладая необычными природными преимуществами, и выразил мнение, что он мог бы легко победить Лонгстрита в любой попытке, которую тот мог бы предпринять, чтобы пересечь ручей. Грант немедленно приказал Бернсайдю не защищать линию, которую он занимал, а отступить к Ноксвиллу и выдержать осаду, пообещав освободить его через несколько дней. Результатом этого стало то, что Лонгстрит был введен в заблуждение пересечением Теннесси и, таким образом, оказался далеко за пределами дистанции поддержки Брэга. Стратегия Гранта до сих пор приводила к разделению армии повстанцев на две части. Он немедленно приступил к работе, чтобы разобрать детали в деталях.

Брэгг, узнав о приближении Шермана на помощь Гранту, попытался 23 ноября 1863 года покинуть свою сильную позицию перед Чаттанугой и удалиться в безопасное место за горы. Грант, не желая отпускать его так дешево, сделал движение, чтобы задержать его, и, начав предполагаемую операцию на день раньше, чем первоначально предполагалось, он вынудил лидера повстанцев оставаться в своих окопах и принять бой. Грант ни в коем случае не изменил свой план, установленный за шесть дней до начала операций, за исключением того, что он приступил к ним на восемнадцать часов раньше, чем предполагалось. Днем 23 ноября он сделал то, что ранее намеревался сделать утром 24-го. Это было выдвижение *корпуса* Грейнджера на позицию, откуда в надлежащее время он должен был атаковать центр повстанцев. В таком положении *корпус* был вынужден бездействовать в ожидании благоприятного момента на восемнадцать часов дольше, чем первоначально предполагалось. Эта атака, предпринятая 25-го числа и ставшая заключительной сценой сражений, была ошибочно названа одной из тех "слепых, неуверенных атак, которые привели к победе при Альме и Мадженте", хотя на самом деле Грант решился на нее за шесть дней до того, как она была осуществлена, и целых два дня наблюдал с самого переднего края в ожидании момента, когда можно будет предпринять такую попытку. Все три дня участия примечательны последовательностью, с которой выполнялся план. Генерал Халлек назвал это сражение "самым замечательным в истории", а Мейгс назвал его "лучшим срежиссированным сражением войны". Никогда еще военные операции так хорошо не иллюстрировали огромные преимущества наступления.

Несколько сражений при Чаттануге велись по чисто наступательным принципам, и с тех пор я часто думал, что секрет успеха Гранта может заключаться в том факте, что он всегда переходил в наступление. Я слышал, как люди называли его "счастливчик Грант", а газеты писали о его удаче; но это не удача — это не везение. Это "*Гений войны*". Он не зависит от обстоятельств или удачи, но контролирует и то, и другое. Одна из таких иллюстраций Гранта, увиденная в Чаттануге, более убедительно и наглядно демонстрирует огромные преимущества наступательной войны, чем все максимы Наполеона или Жомини. С того момента, как Брэгг в Чаттануге был вынужден отказаться от своих попыток организованного отступления и эвакуации со своей позиции, его передвижения были навязаны ему, и его армия действительно контролировалась Грантом и им командовал он. Можно сказать, что каждое движение противника осуществлялось по приказу Гранта. Брэгг, командовавший армией повстанцев, был всего лишь его рупором. План сражения предусматривал прорыв центра противника; но он был

настолько укреплен на почти неприступном горном хребте, что для того, чтобы сделать возможным успех, было необходимо заставить его ослабить свои силы, удерживающие центр. Это было достигнуто после двухдневного труда атаками Хукера и Шермана по обоим флангам линии повстанцев, и как только это было сделано, Грант немедленно отдал приказ о штурме центра, что привело к победе и захвату нескольких тысяч пленных и шестидесяти артиллерийских орудий. Чтобы довершить успех операций, Бернсайд примерно в то же время разгромил Лонгстрита при Ноксвилле (форт Сондерс), а Шерман подошел на помощь осажденным, повстанцы сняли осаду и отступили в Вирджинию, вскоре воссоединившись с Ли во Фредериксберге.

По замыслу, исполнению и результату заключительные операции войны - поход в тыл Ричмонду - следует рассматривать как, безусловно, самые замечательные и блестящие действия восстания. Имеются все необходимые доказательства того, что кампания, как и было намеренно спланировано, проводилась энергично. Сражения 1 и 2 апреля к югу от Петербурга были абсолютно необходимы для решения стратегической проблемы. Цель состояла в том, чтобы занять позицию на правом фланге Ли, чтобы вынудить его не только эвакуировать Петербург, но и заставить его эвакуировать его таким образом, чтобы ему пришлось отступить по дорогам на северном берегу реки Аппоматтокс. Благодаря успеху этого сражения Ли, таким образом, был оттеснен к северу от реки, и Грант получил маршрут к перекрестку Берксвилл — единственной точке, к которой Ли мог отступить, — который был параллелен маршруту повстанцев и который, хотя и был отделен от них значительной частью расстояния рекой, также был намного короче и без каких-либо естественных препятствий, подобных тем, что стояли на пути Ли. Ли пришлось отступить более длинным маршрутом, который практически стал еще длиннее из-за необходимости повторного форсирования реки Аппоматтокс. Следствием этого стало то, что Грант достиг перекрестка Берксвилл к тому времени, когда Ли добрался до Амелия Корт-хаус, и не только встал непреодолимым барьером на перекрестке Джонстон и Ли, но и постоянно представлял собой силу между Ли и Линчбергом. Удерживая эти силы таким образом, "оттесняя Ли", в то же время он постоянно атаковал его с фланга и тыла, Грант вынудил его на седьмой день преследования сдать все свои силы. С момента занятия Берксвилла Грант удерживал Ли на позиции, с которой в случае поражения в бою у него не было пути отступления. Он был вынужден занять позицию, в которой, если бы он дал бой, его вынудили бы к безоговорочной капитуляции или столь же катастрофическому рассеянию.

Представление о характере генерала Гранта, конечно, должно быть сформировано на основе событий войны. Его жизнь в Вест-Пойнте и последующая карьера в Мексике и в гражданской жизни не проявили никаких особо выдающихся черт характера, кроме умения приспособляться к жизненным практикам. В Вест-Пойнте его помнят как тихого, прилежного и неразговорчивого юношу, примечательного только решительностью, которая с тех пор стала столь характерной чертой этого человека. Он не был ни книжным червем, ни бездельником и получил высшее образование не первым и не последним, а тем средним званием в своем классе, которое дало стране нескольких самых практичных и преуспевающих людей. В Мексике он отличился только храбростью, которую проявил при Чапультепеке.

В своих манерах, одежде и стиле жизни Грант проявляет больше республиканской простоты, чем любой другой армейский генерал. В манерах он очень непритязателен и доступен, а его

разговор заметен по его непритязательному, простому и прямолинейному стилю. В его тоне или языке нет ничего декламационного или педантичного. Его риторика больше примечательна компактной структурой, чем элегантностью и завершенностью предложений. Он говорит практически и пишет так, как говорит; и его язык, письменный и устный, отличается сильным здравым смыслом. Он редко прибегает к образному языку; но когда он это делает, его сравнения выдают его привычку к пристальному наблюдению. Он одевается небрежно, но ни в коем случае не неряшливо. Хотя его форма соответствует армейским уставам по покрою и отделке, она часто, как и у Шермана, изношена до дыр. Он никогда не носит никаких вещей, привлекающих внимание своей странностью, за исключением, конечно, трех звездочек, указывающих на его звание. Его гардероб во время кампании, как правило, очень скуден, в то время как его личный состав часто самый маленький в армии. В течение нескольких месяцев войны он жил в бревенчатой хижине непритязательных размеров на реке Джеймс, спал на общей походной койке и ел за общим для всего штаба столом, на котором были просто сервированы хорошие ростбифы, свинина с фасолью, "сухарики" и кофе. Об этом генерале рассказывают, что, когда начался марш в тыл Виксбургу, он объявил своей армии о необходимости "двигаться налегке" — *то есть*, без дополнительного багажа. Он подал пример, отправив в тыл весь свой багаж, за исключением зеленой трубки из корня шиповника, зубной щетки и роговой карманной расчески. История его появления в Палате представителей Сената в феврале 1865 года все еще свежа в умах общественности. Не успел он покинуть зал, засвидетельствовав свое почтение сенаторам, как один из членов Демократической партии поднялся и попросил сенат рассмотреть то, что он назвал очевидной и грубой ошибкой, которая была допущена при назначении Гранта генерал-лейтенантом, и заявил, что, по его мнению, "не было второго лейтенанта Внутренней гвардии его штата, который не "произвел большего впечатления", чем этот человек, который только что покинул их присутствие!"

У генерала нет недостатка в самоуважении. Он очень естественно желает быть популярным, любит, чтобы о нем хорошо отзывались, но ему лучше, чем Шерману, удастся скрывать свое тщеславие. Он часто вызывает восхищение скромностью поступков, которые другие сочли бы крайне нескромными; например, посмотрите, как спокойно он принял подарок в сто тысяч долларов от жителей Нью-Йорка.

Те, кто, как и он сам, склонен быть фаталистами, могут представить себе значение фамилии Грант и способа, которым он получил свое имя при крещении, обнадеживающими предзнаменованиями его успеха и успеха дела, которым он занимается. Фамилия Грант (происходит от французского слова *grande*, великий или доблестный) принадлежит шотландскому клану, чей девиз, приведенный в "Энциклопедии геральдики" Берка, по-видимому, был принят генералом Грантом. Оно звучит следующим образом: "*Стойте твердо, стойте уверенно*". Лозунгом клана было "Не сдавайся, Крейгеллахи". Я полагаю, нет никаких сомнений в том, что генерал Грант шотландского происхождения, из рода Грантов и Даффов Абердиншира. Один из его помощников и дальний родственник, полковник Дафф, родился в Дафф-хаусе, "в тени" которого, как записывает мистер Джеймс Гордон Беннет, который первым оценил и провозгласил способности Гранта, он также родился. Настоящее христианское имя генерала, полученное им при крещении, было Хайрам Улисс; но при поступлении в Вест-Пойнт он получил, по ошибке человека, выдвинувшего его кандидатуру, имя Улисс Симпсон, которое в сокращенном виде содержит те же инициалы, которые используются для обозначения правительства, которому он служит. "Грант Соединенных Штатов" - название гораздо более распространенное, чем Улисс С. Грант; в то время как патриотически настроенные друзья

генерала присвоили этому титулу несколько шуточных вариаций, таких как "Дядя Сэм", "Безоговорочная капитуляция" и "Объединившись, мы поддерживаем гранта".

Уверенность фаталиста не обязательна для мужества. Есть мужество, превосходящее простое безразличие к опасности, и этим качеством Грант обладает в полной мере. Шерман называет его одним из самых храбрых людей, которых он когда-либо видел. Его хладнокровие и ясность ума в условиях опасности и волнения замечательны и превосходят хладнокровие Томаса, который, после Гранта, является самым хладнокровным и ярко выраженным администратором, находящимся сейчас под огнем критики в армии. Во время сражений при Чаттануге Грант и Томас расположили свой штаб на "Орчард-Нолл", непосредственно в тылу центра поля боя, откуда они могли иметь полный и близкий обзор колонны, которая должна была атаковать центр повстанцев. С того момента, как прозвучал сигнал к атаке, сцена приобрела самый волнующий характер; но в течение тех важных получаса, в течение которых победа висела на волоске, Грант и Томас оставались пассивными, хладнокровными и наблюдательными. Они стояли вместе, когда штурмующая колонна достигла половины пути к вершине Миссионерского хребта, когда часть ее была на мгновение остановлена, и когда поток раненых, отступающих вниз по склону, заставил шеренгу выглядеть неровной и слабой. В этот момент Томас повернулся к Гранту и сказал с легким колебанием, которое выдавало бушевавшие в нем эмоции:

— Генерал, я... я боюсь, что они не встанут.

Грант, продолжая пристально смотреть на колонку, помедлил с полминуты, прежде чем ответить; затем, взяв сигару, которую курил, между пальцами, он сказал, стряхивая пепел:

- О, дайте им время, генерал, - и затем так же хладнокровно вернул сигару в рот.

Пятнадцать минут спустя я встретил его на вершине холма, он ехал верхом с непокрытой головой, принимая аплодисменты людей, которые победили, но еще не обеспечили себе победу. Центр повстанцев был разбит, но правое крыло, которое только что отбросило Шермана, было еще цело и, развернувшись лицом к лицу, атаковало войска, которые удерживали центр их линии. Наша линия была сильно прорвана, и войска были до такой степени возбуждены одержанной победой, что стали почти неуправляемыми, а также появлением генерала Гранта, который, следуя в хвосте наступающих колонн, появился среди них на вершине в виде шлема Генриха IV с белым плюмажем. когда он появился в Иври, мужчины собрались вокруг него, крича "ура", хватая его за руку и обнимая за ноги. Но, хладнокровно принимая эти проявления привязанности и восторга, Грант не был слеп к опасности и прилагал необходимые усилия, чтобы привести свои войска в готовность к ожидаемому нападению, которое, как я убежден, нанесло бы нам серьезный урон, если бы не его предосторожность. Он как бы интуитивно передал свои опасения своим подчиненным, и каждый из них приложил все усилия, чтобы вывести бригаду генерала Турчина на позиции в соответствии с приказом Гранта. Смешавшись в самой гуще того, что теперь стало самым жарким пожаром дня, они погнали войска вперед и лично отдали распоряжения, как ими распорядиться. Турчин, обнаружив, что какие-то люди перебрасывают артиллерийское орудие в тыл на его пути, бесновался и ругался на ломаном английском, пока не привел своих людей к месту работ, а лейтенант Тернер так же сердечно проклинал парней, которые отводили орудие и при этом получили серьезные ранения. Генерал Мейгс, генерал-квартирмейстер, занялся подготовкой капсюлей для трофейных орудий, которые генерал Грант приказывал установить на позиции, но был так взволнован одержанной великой победой, что в отчаянии передал эту

задачу капитану Россу из штаба генерала Гранта. Генерал Турчин выдвинул вперед свои войска, и не успели они выстроиться в боевой порядок в форте, как внезапно битва прекратилась. Словно сговорившись, повстанцы прекратили сопротивление. Они сломались в полном замешательстве и бросились вниз с холма. Залп за залпом преследовали их, пока они убегали, но они не останавливались. Они мчались вперед, борясь и упираясь, не обращая внимания ни на что, кроме безопасности.

Во время осады Висксбурга Грант лично руководил установкой нескольких Колумбиад на части своей линии. Пока солдаты прорубали амбразуры на укреплениях, он стоял на погоне, и, хотя мятежники отметили его своими пулями, очень спокойно строгал поручень, пока орудия не были расставлены так, чтобы его уstraивать.

Строгание и курение - одни из любимых занятий Гранта. В этом отношении он настоящий янки. О нем записано, что во время сражений в Пустыне он был занят строганием коры дерева, под которым располагалась его штаб-квартира; и по всем поводам, большим и малым, он курил. Он более заядлый курильщик, чем Шерман или Роузкранс, но курит в другом стиле и для другого эффекта. И Шерман, и Роузкранс употребляют табак в качестве стимулятора своей нервной системы. Грант курит с вялым, поглощенным и удовлетворенным видом курильщика опиума, его разум и тело скорее успокоены, чем возбуждены действием травки. Ни Шерман, ни Роузкранс не являются аккуратными курильщиками, бархатная обивка их пиджаков и нагрудники рубашек, как правило, запачканы. Грант, напротив, очень аккуратен и курит только лучшие сигары. Он курит почти без перерыва и никогда не чувствует себя непринужденно, когда занят чем-либо, запрещающим курение в качестве аккомпанемента. Во время знаменитого интервью с Пембертоном перед Висксбургом он курил со своим обычным хладнокровием. "Мы прощаем генерала Гранта за то, что он курил сигару, когда входил в тлеющие руины города Висксбург", - сообщила повстанческая газета после капитуляции. "Небольшой сценический эффект, - добавлялось в нем, - достоин восхищения у великих капитанов". Но Грант никогда не курит драматично. Его сигара - необходимая часть его самого, и ее нельзя ни надевать, ни бросать на государственных мероприятиях. Известно, что он по забывчивости курил на смотрах, и его часто останавливали часовые или охранники продуктовых магазинов, предупреждавшие: "Здесь курить запрещено, сэр". При входе в зал заседаний Сената, чтобы быть представленным Сенату, его пришлось попросить оставить свою сигару снаружи.

Непостоянный характер Шермана привел к тому, что его заподозрили в невменяемости. Невозмутимость Гранта и его тупое выражение лица, добавленные к преувеличенным рассказам о его чрезмерном употреблении крепкого табака в качестве опиата, послужили источником распространенной одно время версии о том, что он слишком много пил. В молодости он, возможно, время от времени и позволял себе кутежи, но сейчас он вообще не пьет. Сквернословие не входит у него в привычку, и его флегматичный темперамент редко бывает настолько раздражительным, чтобы позволить себе выругаться. Он редко шутит и редко смеется. Его большая "слабость" - александрийская и заключается в его любви к прекрасным лошадям. Еще совсем мальчиком он отличался тактом в обращении с лошадьми, "ломая" их с поразительной легкостью. Когда ему было всего пятнадцать лет, люди приезжали к нему издалека, чтобы он научил их лошадей ходить шагом. Однако это не является великим и исключительным качеством мужчины, поскольку хорошо известно, что тысячи негров на южных плантациях отличались такой же сноровкой или тактом. Несомненно, это было результатом

врожденной любви мальчика к лошадям, любви, которая теперь столь же сильна в мужчине и генерале. Говорят, что он лучший наездник в армии.

В сдержанных манерах Гранта нет ничего отталкивающего. Он завоевал и сохранил много теплых друзей. Дружба между ним и Шерманом вошла в историю, и ее часто цитируют как приятный контраст с многочисленными горькими и позорными проявлениями зависти, которые слишком часто предавались огласке, но которые существуют в армии в такой степени, о которой не подозревают те, кто близко не знаком с ее тайной историей. В истории дружбы Гранта и Шермана много романтики. Она началась в 1862 году и с тех пор продолжает набирать силу. Когда армии Халлека стояли — действительно, буквально стояли — перед Коринфом, Грант, по всей видимости, был с позором отправлен в отставку. Он был вторым в команде, но тогда быть вторым в команде означало быть "пятым колесом в тренере". Грант был очень огорчен своим положением и в десятикратной степени ощущал каждое мелкое оскорбление, которым Халлек его обрушивал. Однажды генерал Шерман, командовавший одной из дивизий крыла под командованием генерала Джорджа Х. Томаса отправился в апартаменты генерала Гранта, со своей обычной резкостью ворвался в его палатку — в полевых условиях они не церемонились — и обнаружил, что генерал действительно плачет от досады. Шерман спросил о причине, и Грант впервые рассказал об унижениях, которые ему пришлось пережить, о неприятностях, с которыми он столкнулся, и о ложном положении, в которое его поставили перед страной.

- Правда в том, Шерман, - сказал он, - что я никому не нужен. Я не нужен стране, и я собираюсь подать в отставку и вернуться домой".

- Нет, это не так, - нетерпеливо возразил Шерман. - вы не собираетесь делать ничего подобного. Ты действительно нужен стране, и ты должен остаться здесь, сносить эти мелкие оскорбления и выполнять свой долг".

Он не дал Гранту времени на споры, в какой-то мере вынудил его остаться, подбодрил его и удерживал на поле боя до тех пор, пока назначение Халлека главнокомандующим не оставило командование на Западе вакантным, и Грант снова не пришел к власти.

Годы спустя, в конце войны, Шерман, возвращавшийся из похода через Каролинские острова, только что получив капитуляцию Джо Джонстона, обнаружил, что тот же самый Халлек выставил его в ложном свете перед страной. Когда он добрался до Вашингтона, он кипел от ярости из-за унижения, которому подверг его Халлек, телеграфировав, что он приказал своим войскам двигаться без ссылки на перемирие или приказы Шермана, и его от природы дурной характер стал угрожающе буйным и неуправляемым. Он осудил Халлека в неоправданных выражениях, и, если бы последний был в Вашингтоне, мог бы произойти личный конфликт. Но прежде чем эти двое смогли встретиться, Грант увидел Шермана, и сцена, разыгравшаяся в палатке перед Коринфом три года назад, была воспроизведена заново, за исключением того, что были изменены роли. Грант выступил в роли миротворца и столь же позитивно, хотя и совсем в другой манере, посоветовал Шерману игнорировать Халлека и неодобрительно отнестись к нему. Шерман был достаточно мудр, чтобы последовать совету, и "великий маршлот" войдет в историю как человек, которого эти люди могли позволить себе игнорировать.

Грант всегда был щедр к своим подчиненным. Его тщательное рассмотрение интересов своего штаба и высших офицеров вошло в поговорку, в то время как его великодушное отношение к

неэффективным офицерам, которых он был вынужден уволить, хорошо известно. В первом сражении, которым он командовал, битве при Бельмонте, его войска поначалу получили преимущество над повстанцами. Они начали грабить лагерь повстанцев, несмотря на все, что генерал мог сделать, чтобы остановить их. В конце концов Грант, зная, что приближается подкрепление Конфедерации, уговорил нескольких своих друзей поджечь лагерь, чтобы остановить грабеж. Затем он собрал свои войска так хорошо, как только мог, и отступил; но тем временем подошли подкрепления Конфедерации, атаковали и разгромили его. Под командованием Гранта было пять полковников, которые никоим образом не оказывали ему эффективной поддержки в его попытках остановить грабеж и собрать свои войска. Грант ожидал, что его лишат командования из-за поражения, и один из полковников, опасаясь такой же участи, позвонил ему, чтобы обсудить эту перспективу. Он не доставил ему никакого удовлетворения, но, когда полковник ушел, повернулся к другу и сказал: "Полковник ... боится, что я сообщу о его плохом поведении".

"Почему ты этого не делаешь?" - спросил его друг. "Он и другие виноваты в том, что не выполняете ваши приказы".

"Ну что вы, - сказал великодушный Грант, - эти офицеры никогда раньше не были под огнем; они не знали, насколько это серьезно; они получили урок, который никогда не забудут. Я отвечаю за это, что они никогда больше не совершат той же ошибки. По тому, как они вели себя в последующих действиях, я вижу, что они из нужных людей, и лучше, если я потеряю свое командование, если это необходимо, чем страна лишится услуг пяти таких офицеров, когда хороших людей не хватает". Грант не потерял своего командования, и трое из пяти офицеров впоследствии сильно отличились.

Среди людей, не знакомых с Грантом на поле боя, единственном месте, где он показывает себя с большой выгодой, в некоторой степени преобладает впечатление, что всеми своими успехами он обязан Шерману, Томасу, Шеридану и другим своим главным подчиненным. Дело в том, что задолженность лежит на подчиненных. Грант обязан им своей репутацией точно так же, как каждый школьный учитель обязан способностям, проявленным его учениками; но долг ученика перед наставником, который воспитывает его ум и направляет его талант, никоим образом не возмещается этим отраженным кредитом. Шерман был полным неудачником; на него действительно смотрели как на сумасшедшего, пока Грант не увидел, на что он способен, и не направил его огромные способности в нужное русло. Шеридан потерпел непрерывную серию поражений, пока Грант не выбрал его своим командиром кавалерии, а затем "воинственный кадет" одержал непрерывную серию побед. Уилсон также в долгу перед нами; и наибольших успехов Мид добился под руководством Гранта.

Грант - всеми любимый лидер не только с такими людьми, как Шерман, Шеридан, Логан, Ховард и другими, с которыми у него самые близкие отношения, но и со всей своей армией. Он снискал всеобщее восхищение своих подчиненных не показной болтовней или фамильярностью в ущерб дисциплине, а постоянной и бдительной заботой об их интересах. В Теннессийской армии, которой Грант лично командовал почти три года, принято хвастаться, что солдаты никогда не испытывали недостатка в еде; продовольственные запасы Гранта всегда были хорошо заполнены. Он всегда заботился о защите своих людей от навязывания маркитантов и армейских спекулянтов, обычно устанавливая цены на все товары, продаваемые в его отделе; и он безжалостной рукой пресекал бюрократическую волокиту в интересах рядового.

Когда Грант и Шерман фотографировались, они отказались от своих сигар, и в результате получился несовершенный снимок. Ни у одного из многих художников, написавших их маслом, не хватило самостоятельности восполнить недостаток фотографий и добавить сигару, которая является необходимым сопровождением мужчин и которая должна быть важной чертой каждого рисунка, который будет сделан с их участием. Добавление сигары, несомненно, умалило бы достоинство картины, но следует помнить, что художники рисуют как для потомков, так и для нынешнего поколения. История сохранит в своем представлении о Гранте его особенности, и, среди прочего, тот факт, что он был заядлым курильщиком. Почему бы художникам не сохранить такую особенность, как эта, а также очертания его фигуры и выражение его лица? Разве для потомков важнее знать, что у него были голубые глаза, чем то, что он постоянно курил?

Грант не такой высокий, как Шерман, и не такой тяжелый, как Томас. Из-за невысокого роста ему было бы трудно поступить на службу в британскую армию. Он всего на дюйм выше минимального стандарта офицеров нашей армии, но, будучи прямым и несколько худощавым, производит впечатление человека выше среднего роста. Шеридан и Логан - единственные генерал-майоры в нашей армии, которые ниже ростом, чем Грант. У него высокий квадратный лоб. Изначально его волосы были темно-каштановыми, но в сорок три года, в его нынешнем возрасте, они быстро покрываются стальной проседью. У него острые и выразительные, хотя и маленькие, глаза, которые блестяще выглядят из-под нависающих бровей. У него орлиный нос. У него маленький рот, и у него есть привычка плотно сжимать губы. Его подбородок и щеки покрыты густой бородой, которую он никогда не бреет, но держит коротко подстриженной.

Хотя война, в которой он завоевал свою репутацию, уже закончилась, будущему еще многое предстоит сделать для установления того положения, которое Гранту предстоит занять в истории. Сегодня он пользуется доверием своих соотечественников в степени, неизвестной военачальникам во время войны. Если в конечном итоге он добьется успеха — если он проложит свой курс через лабиринты политической кампании, которая последовала за окончанием войны, а также сделает военную карьеру, потомки будут восхищены и не столкнутся с трудностями, проводя сравнение между его характером и характером первого великого лидера страны. Вряд ли это подобает делать в нынешнюю эпоху; и такое сравнение, будь оно сделано в деталях, несомненно, потрясло бы скромность генерала Гранта больше, чем чувство приличия нации; но если он будет последователен в характере и добьется успеха до конца, историк будущего не удовлетворится простым сравнением, которое я не совсем точно обрисовал, но уподобит его тому, кто во всех отношениях был более великим, чем Шерман или Томас, с которыми я его сравнил, как с одним человеком. Но независимо от того, добьется успеха до конца или нет, если он останется, как сейчас, в стороне от политики и намного выше партийности, генерал Грант, как и Вашингтон, навсегда останется в памяти своих соотечественников как хороший и честный человек.

ГЛАВА IV.

ШЕРИДАН В РОЛИ КАВАЛЕРИСТА.

Очень немногие войны такой короткой продолжительности, какой была война последнего южного восстания, породили целых трех великих и самобытных военачальников такого калибра, как Шерман, Томас и Грант. Древние могли похвастаться только одним Александром, одним Цезарем, одним Ганнибалом в эпоху; современные времена - только одним Фридрихом, одним Суворовым, одним Наполеоном в эпоху. Потребовалось полвека постоянных и почти всеобщих революций, чтобы произвести на свет Наполеона и его вундеркиндов. Только эта страна во всей вселенной может сегодня похвастаться обладанием генералом, которого все считают великим военным гением, и у нее их больше, чем один. Восстание, которое с самого начала хвасталось тем, что командовало почти всеми военными талантами страны, в конце концов произвело на свет только одного действительно великого солдата — Джозефа Э. Джонстона; все остальные были посредственными - едва ли респектабельными, если не считать Стоунволла Джексона, который был достойным, хотя и неравным соперником Шермана. Правое дело, которое считалось слабым в своем руководстве, в конце концов породило всех действительно способных государственных деятелей революции и, за двумя отмеченными исключениями, всех великих военачальников. Эти последние не ограничиваются теми тремя, которых я уже обрисовал. Многие из подчиненных Гранта проявили незаурядный талант к войне и на полях тяжелых сражений завоевали славу и награды как успешные лидеры. Ни один генерал никогда не получал поддержки от такого количества способных лейтенантов, даже Наполеон; и почти все главные подчиненные Гранта снискали блестящую репутацию благодаря мастерству, энергии и отваге - трем атрибутам величия, сопутствующим успеху и необходимым для него. Когда кто-то смотрит на развитие войны в этом отношении, он вполне может безоговорочно согласиться с заявлением Гранта, сделанным недавно в его обычном скромном стиле, о том, что страна могла бы легко найти другого человека, кроме него самого, чтобы успешно завершить войну.

ФИЛИП ГЕНРИ ШЕРИДАН.

Филипа Генри Шеридана, который является одним из самых известных подчиненных Гранта, всегда следует рассматривать как одно из чудес войны, не столько из-за результата, сколько из-за характера его достижений. Если бы он не был ни великим стратегом, как Шерман, ни великим

тактиком, как Томас, ни и тем и другим, как Грант, он все равно был бы успешным лидером. В предыдущих главах я попытался показать, что генерал-лейтенант как военачальник является самодостаточным, обладающим всеми качествами полководца; в то время как Шерман, олицетворяющий нервную интеллектуальную силу, и Томас, олицетворяющий физическую мощь, созданы природой, а также выбором Гранта, чтобы быть его главными подчиненными командирами. Шеридан по характеру не похож ни на кого другого, но является оригинальным гением и лидером, достойным встать в один ряд с Шерманом и Томасом или занимать должность третьего подчиненного командира генерала Гранта. Можно сказать, что он скорее Вдохновитель, чем генерал, выполняющий свою работу в такой же степени, если не сказать больше, благодаря вдохновляющей силе своего мужества и примера, как и по правилам войны. Он привносит в армию страсть и огонь, которые подавлены в Гранте и Томасе и несовершенно развиты в Шермане. Он делает армию непобедимой скорее за счет передачи ей своего собственного мужества и огня, чем за счет какой-либо системы организации, и, по-видимому, с помощью этого привитого энтузиазма достигает всего, что является результатом дисциплины под руководством других. Когда будущий историк подытоживает характер Шеридана, подробно излагая ему все факты, которые еще скрыты, поскольку они должны быть в течение нескольких последующих лет, он вряд ли поставит Шеридана в один ряд с теми, кто тщательно и мудро все спланировал. Он скорее принадлежит к тому классу наших офицеров, которые умелым и смелым исполнением своих обязанностей заслужили звание "боевых генералов". Нельзя сказать, что он проявил какой-либо стратегический гений, и его тактика носила странный и довольно эксцентричный характер, но нельзя отрицать, что в каждом сражении, в котором он принимал видное участие, он подавал блестящие примеры своего мужества, энергии и мастерства быстрого, лихого и упрямого бойца. Он в высшей степени "боевой генерал". Он утверждает, что он никто иной, и может позволить себе основывать свои претензии на своих действиях во время восстания. Вся его карьера в частной и общественной жизни показала, что он порывистый, страстный, смелый и упрямый. Он родился воинственным. Его естественная стихия - находиться в дыму, его естественная позиция на передовой линии боя. Он сражается энергично и грубо, и когда ход битвы вызывает наибольшие сомнения, он держится наиболее сурово. В частной жизни его огромная энергия немного резка, а вспыльчивый нрав немного вспыльчив, но его резкость и воинственность слишком честны и естественны, чтобы вызывать осуждение; в то время как его манеры, когда он не взволнован и не противостоит, отличаются большой вежливостью, скромностью и любезностью. В бою самый дикий и порывистый из воинов, в мирное время он "мягчайший человек", который когда-либо топил лодки на канале Джеймс или скрещивал сабли с мятежником. Он такой же порывистый, как Шерман, и такой же настойчивый, как Томас. Он хладнокровен и собран в незначительных вопросах, из-за которых Шерман начинает нервничать, и вспыльчив и смел в больших опасностях, в которых Шерман становится хладнокровнее всего. Энергия Шермана - это энергия мозга, вдохновленная; у Шеридана - энергия крови, воспламененная. В истории Шеридан останется лидером типичного типа, даже более смелым, если не более заметным, чем Шерман, или Томас, или даже Грант. Это была его специальность — он был великолепен на особом поприще, история и романтика объединяются, чтобы сделать его типом "современного кавалера", и он будет в какой-то степени наслаждаться полумифическим существованием, которое имеют все репрезентативные мужчины в истории.

Шеридан происходит из того же класса эмигрантов с севера Ирландии, что и Эндрю Джексон и Эндрю Джонсон, за исключением того, что родители последнего были протестантами, в то

время как родители Шеридана были католиками. Поселившись по прибытии в эту страну в более густонаселенном, процветающем, образованном и свободном районе штата Огайо, они получили возможность предложить своему сыну лучшие образовательные преимущества, чем родители Джексона и Джонсона, которые поселились в менее цивилизованном районе Северной Каролины, и, следовательно, молодой Шеридан получил хорошее образование в обычной школе в своем родном городе, округе Перри, штат Огайо, где он родился в 1831 году. Относительно места рождения Шеридана было сделано множество заявлений. Некоторые авторы утверждали, что это Бостон, в то время как другие утверждали, что это был Сомерсет, штат Огайо. Он родился, согласно его собственному заявлению, недалеко от города Сомерсет в округе Перри, штат Огайо, 6 сентября названного года. Потребности семьи рано вынудили его к физическому труду, в то время как его собственная склонность привела его к учебе. Он был быстрым, хотя и несколько небрежным учеником, в то время как его большой животный дух рано сделал его довольно диким и воинственным юношей, любившим мальчишеские шалости и розыгрыши, всегда живым и всегда великодушным, иногда бездумно ранящим чувства других, но быстро исправляющим свои ошибки. Будучи совсем молодым, Шеридан по-разному работал в своем родном округе, выполняя странные "обязанности по дому", среди прочего, возил тележку с водой по улицам Сомерсета, штат Огайо, и поливал пыльные магистрали этого старомодного городка. Примерно в двенадцать лет он поступил на работу к мистеру Джону Тэлботу в Сомерсете, штат Огайо. Тэлбот был пожилым джентльменом, державшим сельский магазин, в котором продавалось все полезное и декоративное, включая галантерею и бакалею, кондитерские изделия и скобяные изделия, от крысоловок до плугов, от шерстяных носков до готовых пальто, и Шеридан обнаружил, что может узнать понемногу обо всем - по крайней мере, обо всем в линейке сельских бакалейных товаров. Мистер Тэлбот был человеком, которому нравилось, что если не другие, то, по крайней мере, он сам считал себя покровителем молодежи, и он покровительствовал молодому Шеридану и был, как он позже заявил, "покровителем молодежи". друг для него, когда друг был всем на свете. Когда Шеридан стал старше и знаменит, Тэлбот все еще продолжал покровительствовать ему и однажды сказал, намекая на своего бывшего протеже, что, взяв его к себе на службу, он "увидел, что тот умен и активен, и приложил некоторые усилия, чтобы обучить его не только продаже товаров и т.д., Поскольку это, - добавляет он с большой откровенностью, - было нашим долгом и интересом", но когда выдавалась свободная минутка, он учил его улучшать свои "небольшие знания в письме, арифметике, произношении" и т.д. Молодой Шеридан недолго пробыл у мистера Тальбота, но бросил свою службу ради джентльмена по имени Генри Диттоу, занимавшегося тем же ремеслом и в том же городе, что и мистер Тальбот. Еще находясь здесь, он привлек внимание distinguished . Томас Ричи, в то время член Конгресса от избирательного округа, в котором находился округ Перри, и, благодаря влиянию старшего брата и благоприятному впечатлению, которое он произвел на мистера Ричи, Шеридан получил, очень неожиданно для него, назначение курсантом в Военную академию Вест-Пойнт. Это было сразу после окончания мексиканской войны, когда было очень трудно получить назначения для других лиц, кроме сыновей и сирот офицеров, павших на войне.

Поэтому он попал в Вест-Пойнт, как говаривал мистер Линкольн, генерал Роузкрэнс выигрывал сражения "едва ли не изо всех сил". Дело в том, что он закончил Академию с отличием почти таким же образом. Черты характера, отличавшие его в детстве в родном городе, вскоре сделали его отмеченным в Вест-Пойнте как "добродушнейшего и самого воинственного кадета" в Академии. Фактически, его воинственный нрав замедлил его продвижение по службе в юности

и в качестве кадета настолько, насколько это продвинуло его с тех пор. Он так много сражался в Вест-Пойнте, был таким неуправляемым и "таким полным дьявольщины", что, несмотря на свои прекрасные научные достижения, будущий великий кавалерист занял столь низкое место в своем классе, что его могли назначить только в низший род войск, а не в высший, в котором он с тех пор так отличился. Как бы то ни было, он проучился на год дольше, чем девять десятых его однокурсников. Он поступил в 1848 году и должен был закончить в 1852 году, но перешел на следующий год. Мне рассказывали, что в тот поздний день ему потребовалось всего на "пять баллов" больше к числу его "черных отметок", чтобы исключить его из числа дипломированных с отличием; и если бы он к концу сессии, благодаря умелому руководству и необычному контролю над своим вспыльчивым характером, не завоевал хорошего мнения одного или двух своих наставников, будущий генерал-майор был бы вынужден покинуть Академию так же, как он в нее поступил, вместо того, чтобы иметь в кармане бrevet младшего лейтенанта пехоты. Один из его инструкторов, восхищавшийся его великодушным характером, привел аргумент, что воинственность не является недостатком солдата, и, как говорят, это во многом обеспечило ему необходимое одобрение штата инструкторов Вест-Пойнта и диплом с отличием. Аргумент был слишком весомым, чтобы ему могли противостоять образованные солдаты, и, следовательно, Шеридан был послан с полным правом быть настолько сильной стороной во время войны, насколько он того желал.

Из класса Шеридана в Вест-Пойнте вышло очень мало выдающихся людей. Трое самых способных его одноклассников, Макферсон, Силл и Террилл, погибли во время восстания. Макферсон, окончивший школу во главе класса, был блестящим студентом, замечательным инженером, но никогда не был великим лидером. В его организации преобладал студент, и ему не хватало решительности и нервов. Он очень высоко поднялся по службе в регулярной армии, но это было связано не столько с его имеющимися талантами и практичностью, сколько с заботой Гранта и Шермана, у которых он был большим любимцем. Террилл стал прекрасным солдатом-артиллеристом и завоевал заслуженную известность и продвижение по службе благодаря своему замечательному управлению батареей в Шайло. Он был очень честолобив в продвижении по службе. Я присутствовал при его смерти в Перривилле. Генерал Маккук, командир корпуса, оттеснил его бригаду в лес, где противник застал врасплох и разгромил его войска, которые были необученными новобранцами, рассеяв их во всех направлениях. Лошадь Терриля была подстрелена под ним, и, будучи, таким образом, спешенным и оставшимся без командования, он обратился — руководящая страсть, сильная смертью, — к артиллерии и принял командование парой батарей, сражавшихся на линии генерала Руссо. Таким образом, вернувшись на службу, к которой его приспособили образование и склонности, он сослужил великолепную службу. Находясь в таком бою и прицеливаясь из орудия батареи Буша в Индиане, он был смертельно ранен и скончался несколько часов спустя с незаконченным посланием своей жене на устах. Джошуа У. Силл, который, возможно, был лучшим человеком в своем классе в 1853 году, пал подобным образом в Стоун-Ривер. Враг бросился на Шеридана с огромной энергией и преуспел в том, чтобы заставить его отступить. Силл был одним из командиров бригады Шеридана, и, помогая генералу сплотить отступающие войска и поведя их в атаку, он был застрелен на месте, когда враг был временно отброшен. Силл был практичным человеком, обладавшим большими ресурсами, энергией и мужеством, небольшого роста и плотного телосложения. В армии его любили и им восхищались за его большую вежливость, доброту и здравый смысл. В классе Шеридана были и другие люди, которые стали генералами на добровольной службе во время последнего восстания. Уильям Суи Смит командовал пехотой

на протяжении большей части войны, но в 1863 году возглавил кавалерийскую экспедицию из Мемфиса, намеревавшуюся сотрудничать с Шерманом в Миссисипи, но с треском провалившуюся. Р. О. Тайлер и Б. Ф. Чемберлен были хорошо известны по службе в Потомакской армии. Генерал Джон М. Шифилд приобрел некоторую известность во время войны, хотя он больше занимался борьбой с предубеждениями, существовавшими против него в Военном министерстве и армии, чем борьбой с повстанцами. Уильям Р. Боггс, окончивший школу четвертым в классе Шеридана, потерпел неудачу как бригадир повстанцев и в конце войны обратил свое внимание, как и Ли, на обучение молодых людей стрельбе. Джон Р. Чамблис, Х. Х. Уокер и Джон С. Боуэн, которые также были повстанцами, потерпели неудачу. Худ был единственным успешным среди отделившихся членов класса. Он был обязан своим быстрым повышением от полковника до генерал-лейтенанта в армии повстанцев примерно тем же качествам, которые принесли Шеридану повышение. Худ был не менее смелым и порывистым, чем Шеридан, но ему не хватало здравого смысла и быстроты суждений Шеридана, и, несомненно, он не добился бы такого быстрого прогресса, если бы не помощь и дружба Джеффа. Дэвис. Шеридан и Худ встречались в битве всего один раз во время восстания. Это было при Чикамоге, и та встреча стоила Худу ноги, хотя Шеридан был побежден. Худ командовал дивизией корпуса Лонгстрита, Шеридан - одной из дивизий Маккука.

После окончания учебы Шеридан прошло восемь лет почти полного мира, и возможностей для продвижения по службе было мало. В мае и июне 1855 года Шеридан, затем произведенный в лейтенанты, командовал Форт-Вудом в Нью-Йоркской гавани, но в июле следующего года его отправили в Сан-Франциско во главе отряда новобранцев. По прибытии туда ему было поручено командовать кавалерийским эскортом, предназначенным для защиты и помощи лейтенанту Уильямсону и группе, участвующей в обследовании предполагаемой ветки Тихоокеанской железной дороги от Сан-Франциско до реки Колумбия, штат Орегон. Вскоре после этого Шеридану удалось отстранить себя от этого командования и получить приказ присоединиться к батальону драгун под командованием майора Рейна из Четвертого пехотного полка, который в то время находился в экспедиции против индейцев Якима и ожидал активной службы и жестоких боевых действий. В этой экспедиции он отличился храбростью в "Битве при каскадах" на реке Колумбия (28 апреля 1856 года). Хотя его поступок по этому случаю не описан, нетрудно представить, что он носил тот же характер, что и более поздние отважные поступки, которыми он отличился. Он был вознагражден за свою доблесть назначением командующим индейской резервацией на побережье. Здесь он в течение года был занят тем, что держал в надлежащем подчинении индейцев конкильо в заливе Якима и строил военный пост и форт в Ямхилле.

С этого отдаленного поста он был отозван в 1861 году, и после отставки большого числа офицеров армии южан его повысили до капитана в том, что тогда было Тринадцатым пехотным полком Шермана. Ему было приказано присоединиться к своему полку в казармах Джефферсона, и таким образом он был прикреплен к Транс-Миссисипской, или Армии Юго-Запада, в которой он прошел свою первую службу в нынешней войне. Хотя эта армия прошла кампанию под Лайоном, подготовку к другой под Фримонтом, а затем находилась под командованием Халлека, она была настолько далека от организованности, что Шеридан не смог найти действительной службы и был направлен в военную комиссию для расследования некоторых предполагаемых нарушений в управлении делами Фримонта, штат Миссури. Примерно в то же время генерал Кертис, принявший командование войсками на местах, был готов начать активную кампанию, и Шеридан был назначен исполняющим обязанности главного квартирмейстера, с которым в то время были совмещены обязанности комиссара. Он

был не на своем месте и чувствовал это, и его успех в качестве квартирмейстера был действительно очень безразличен. Много месяцев спустя он часто смеялся и говорил, что обеспечение "сухариков и свиного брюшка", как солдаты называли крекеры и свинину, составлявшие главные ингредиенты их рациона, было не совсем по его части; и он очень любил рассказывать в связи с этим замечанием о своем первом опыте ограничения контрабандной торговли солью с повстанцами. Как главный квартирмейстер, он был обязан предпринять такие шаги, которые позволили бы не только обеспечить свои собственные войска, но и лишить повстанцев контрабандных припасов. Услышав, что в то время в Спрингфилде цены на соль снижались, он использовал все средства, чтобы остановить вывоз этого товара за пределы наших границ; и, поздравляя себя с успехом, часто говорил со смешком, что "повстанцы на самом деле голодали по соли". Когда началось наступление армии и Прайс был поспешно изгнан из Спрингфилда, единственным оставленным там товаром, к большому неудовольствию Шеридана, было огромное количество соли, которая была контрабандой провезена через наши позиции. С тех пор он постоянно заявлял, что испытывает отвращение к своему квартальному начальству, и, к счастью, вскоре после этого был арестован и отправлен в тыл.

Офицеры обычно смотрят на аресты как на несчастье. Арест Шеридана стал поворотным моментом в его судьбе, поскольку после небольшой задержки он был зачислен в штат восходящего генерал-майора и получил повышение по службе. Обстоятельства его ареста небезынтересны, поскольку демонстрируют одну или две его характерные черты. Как и многие кадровые офицеры армии, организованной в 1861 году, Шеридан выступал за продолжение войны, нанося тяжелые удары организованным армиям повстанцев и щедро обеспечивая людей, которые, оставаясь дома, под защитой Соединенных Штатов, как мирные жители, все еще тайно поставляли повстанцам людей и материалы. Трудно представить, чтобы "Опустошитель долины Шенандоа" питал какие-либо из этих ложных представлений о сочувствии, но таковы были чувства Шеридана в то время, настолько строгим приверженцем военной дисциплины он был. Он преодолел это слишком деликатное и любезное отношение к интересам пособников и подстрекателей повстанцев и, как и вся страна, был воспитан войной в убеждении, что с изменой нужно бороться огнем. Испытывая подобные чувства во время кампании при Пи-Ридж, Шеридан испытывал особое отвращение к разрушениям, учиненным полком канзасских сойкохвостов из дивизии генерала Бланта, и часто осуждал их в неоправданных выражениях. Он был настолько озлоблен против полка и выступал против их стиля ведения войны, что, когда генерал Блант приказал ему собрать у горожан большое количество провизии для нужд армии, он ответил чем угодно, только не благопристойными словами, отказавшись выполнить приказ и в заключение намекнув, что он не соколиный лоточник. Генерал Блант, конечно, освободил его от должности и предпочел выдвинуть против него обвинения. Шеридану было приказано явиться к Халлеку. Письмо было направлено в качестве доказательства против него и попало в руки Халлека. Этот офицер, справедливо ценивший хорошую шутку, от души посмеялся над письмом; и, разделяя предубеждения Шеридана против "сойки-хокинга" и "бездельников" в целом, он добился снятия обвинений и в мае 1862 года приказал Шеридану работать в его собственном штате в качестве исполняющего обязанности главного квартирмейстера.

Примечательно, что Шеридан был протеже и любимцем как Халлека, так и Гранта, у которых не было общих мыслей, чувств или интересов. Чтобы одинаково понравиться Халлеку, теоретику, и Гранту, солдату—практику - Халлеку, хитрому и вежливому адвокату, и Гранту, простодушному, прямолинейному солдату — Халлеку, который пытался подняться с помощью искусства, и

Гранту, который полагался исключительно на действия для продвижения по службе, требовались очень высокие качества от такого молодого ума, как Шеридан. Секрет его успеха в угождении обоим, несомненно, заключается в том факте, что он не пытался угодить ни тому, ни другому. Шеридан был одним из самых честных наших генералов. В нем не было ничего хитрого; все его товарищи чувствовали, что он не использовал закулисное влияние, чтобы возвыситься. И все же дружбе, которую его честное и прямолинейное поведение породило у этих двух совершенно противоположных натур, Шеридан, несомненно, в некоторой степени обязан своим быстрым продвижением от капитана до генерал-майора за три года. Когда задумываешься о скорости его продвижения по службе, кажется, что для нас настали времена Франции при империи, и нелепое продвижение Бульвером своего героя в пьесе становится весьма вероятным. "Во французской армии продвижение по службе происходит быстро", - сказал старый Дамас. Воистину, не больше, чем в национальной армии Соединенных Штатов во время восстания.

Генерал Халлек во время этого происшествия находился под Коринфом, и Шеридан направился туда, где внезапно оказался переведенным с регулярной надобровольческой службой в звании полковника Второго Мичиганского кавалерийского полка вместо Гордона Грейнджера, получившего повышение. Халлек с признательностью, которую он впоследствии часто проявлял при организации армий Соединенных Штатов, заметил качества Шеридана и назначил его в ту отрасль службы, для которой он был наиболее квалифицирован: Но даже Халлек не оценил в полной мере замечательные качества своего молодого протеже и не смог, когда вскоре после этого ему была доверена абсолютная организация армий, продвинуть его на должность, на которую более быстрая оценка Гранта впоследствии выделила его, после наблюдения за его поведением только в одном сражении.

Его повышение до полковника пробудило амбиции Шеридана, который до этого скромно надеялся со временем стать майором. Теперь у него была возможность отличиться, и он немедленно принялся за работу, чтобы улучшить эту возможность, полный решимости завоевать звание и славу до окончания войны, которая, теперь изменив свой характер, также обещала быть долгой, полной приключений и поводов для каждого в его роду службы.

Его полк был объединен с полком полковника У. Л. Эллиота, который, как старший по званию, стал командиром бригады, и под его руководством Шеридан совершил свою первую кампанию в качестве кавалериста. Это был знаменитый рейд вокруг Коринфа и на коммуникации Борегара в Бунсвилле, который в то время был отмечен как одно из первых и наиболее успешных приключений нашей быстро совершенствующейся кавалерии и снискал ее командиру репутацию лихого бойца, которого лояльная пресса с весьма сомнительным вкусом постоянно сравнивала с отвагой Стюарта и Моргана в их бескровных рейдах против слабых аванпостов и неохраяемых тылов. Эти нерегулярные боевые действия кавалерии повстанцев до того времени не имели того кровавого характера, который с тех пор придавался боевым столкновениям кавалерии, и Эллиот и Шеридан были одними из первых, кто разоблачил подверженность ошибкам и слабость хваленой кавалерии повстанцев при решительном противодействии. Эллиот так ничего и не добился после этого, и есть подозрение, что Шеридан проделал работу по случаю, который сделал Эллиотта знаменитым.

Вскоре после этого случая Шеридану представилась вторая возможность отличиться на том же поле боя, и, воспользовавшись ею, он провел свое первое кавалерийское сражение.

Это сражение, хотя и носило второстепенный характер, послужило иллюстрацией его качеств быстрого, лихого, упрямого бойца, которые более блестяще проявились у Шеридана в более важных сражениях. Повстанцами командовал генерал Джеймс Х. Чалмерс, который атаковал единственный полк Шеридана с бригадой кавалерии, очевидно, ожидая незначительного сопротивления. Шеридану не требовалось ни из-за важности поста, которым он командовал, ни из-за положения армии, фронт которой он прикрывал, удерживать свои позиции, и он мог бы пристойно отказаться от сражения и отступить в линию пехоты; но в сердце "воинственного кадета" не было желания отклонять приглашение на битву от какого-либо джентльмена. Он выстроил свой полк в линию и красиво встретил атаку. Первый отпор Чалмерса научил его тому, что ему следует продолжать атаку более систематически, и он выстроил свою линию для более регулярного и общего наступления. Пока он был занят таким образом, Шеридан, проявив, возможно, больше предприимчивости, чем здоровой осмотрительности, ввиду незначительности ставки, на которую он претендовал, послал отряд в обход, в тыл позиции повстанцев. Они, благодаря напряженным усилиям, преуспели в достижении этой цели и предприняли атаку с этого направления, в то время как Шеридану, атаковавшему с фронта, удалось застать повстанцев врасплох и изгнать их с поля боя в замешательстве. Чалмерс, его противник в этом бою, впоследствии завоевал при Брэгге и Форресте воинственный характер, подобный тому, которым сейчас обладает Шеридан, но он не был столь же неизменно успешен, и его воинственность поставила его в затруднительное положение. Брэгг арестовал его за то, что он не перенес работы в Манфордсвилле, штат Кентукки, в сентябре 1862 года, когда Чалмерс напал на них без приказа. Впоследствии у него возникли подобные трудности с Форрестом, но его готовность сражаться и общие хорошие качества благополучно вывели его из затруднительного положения. В сражении при Бунсвилле его готовность сражаться была продемонстрирована, к удовлетворению Шеридана, в то же время превосходящая выносливость и предприимчивость Шеридана стали очевидны для повстанцев.

Именно этот успех сделал Шеридана бригадным генералом. Печальной особенностью организации нашей армии всегда было то, что в ней не предусмотрено продвижение достойных по службе в той отрасли службы, в которой они отличились и в которой они продемонстрировали высокую квалификацию. Полковник кавалерии показывает, что он в высшей степени заслуживает продвижения по службе своими заслугами в этом подразделении, и его повышают до бригадного генерала *пехоты*, и не только увольняют с той службы, для которой он лучше всего подходит, но, хотя и повышают в звании, отправляют командовать низшим родом войск. Из-за этой ошибки организации армия не только лишается службы человека, таким образом продвинутого за пределы своей сферы деятельности, но часто продвижение по службе приводит к разорению получателя, который может быть совершенно непригоден для этой новой службы. Есть множество примеров этого. Среди нескольких неудач, возникших по этой причине, две из наиболее заметных были связаны с людьми из собственного класса Шеридана. Я где-то уже отмечал, как Террилл, который, будучи капитаном артиллерии, приобрел большую репутацию за успешное управление своей батареей в Шайло и был произведен в бригадные генералы пехоты, потерпел полную неудачу и растратил свою молодую жизнь в своем огорчении и отчаянии. Успех Макферсона за пределами инженерного корпуса был не большим. Он закончил школу первым в своем классе, проявил себя как инженер, был быстро повышен от капитана до командира корпуса, но только для того, чтобы обнаружить свою полную непригодность для этой службы, и со временем растратил впустую, из-за своей

неприспособленности к пехоте и отсутствия решительности, богатые плоды успешного стратегического марша "Шермана" через пролив Снейк-Крик на Ресаку.

Судьба Шеридана не была прямо противоположной этой, поскольку, когда его забрали из кавалерии, к которой он был в высшей степени подготовлен, и сделали бригадным генералом пехоты, его успех поначалу не внушал оптимизма; но при различных испытаниях, которыми оказались эти обвинения, он добился большего успеха, чем любой офицер, насколько я помню, поставленный на ту же должность. Я действительно не знаю ни одного генерала, который подвергался бы стольким испытаниям, как Шеридан. Он попеременно командовал кавалерией и пехотой, затем и тем и другим вместе, постоянно переходя с одного направления операций на другое и, таким образом, подвергаясь изучению новых линий и новой топографии, помимо того, что был вынужден встречаться и преодолевать предубеждения против новых командиров, местных в каждой армии. Фактически, можно сказать, что Шеридан трижды начинал свою карьеру заново, и его окончательный успех, несмотря на эти препятствия, демонстрирует превосходство его характера.

Сразу же после своего повышения Шеридан был назначен командующим дивизией необученных войск в Кентукки, для организации которой он был не так хорошо подготовлен, как для борьбы с ними. Командование находилось под командованием генерала Нельсона. Вскоре после этого Нельсон был убит, и реорганизация его армии и ее объединение с армией генерала Бьюэлла поставили Шеридана командующим дивизией, состоящей из частично дисциплинированных ветеранов. Вскоре впоследствии армия была снова реорганизована Роузкрансом, и Шеридану была придана дивизия и приписана к корпусу генерала А. Макда. Маккук. Дивизия Шеридана потерпела поражение при Стоун-Ривер и Чикамоге. Но среди этих катастроф и поражений боевые качества "маленького кадета" проявились столь же блестяще, но не так привычно, как в его более крупных победах при Сидар-Крик, Файв-Форкс.

Битва на Стоун-Ривер была битвой, в которой выносливость солдат, а не полководческое мастерство их лидеров, обеспечили нам владение полем боя, на котором противник сохранял, пока не покинул поле боя, тактическое и стратегическое преимущество. Каждый корпус и даже каждая дивизия "сражались сами по себе"; с нашей стороны не было ни полководчества, ни плана, ни цели. Официальные отчеты очень подробно рассказывают о грандиозном плане и о том, как, несмотря на неудачи первого дня, он был доведен до блестящего и успешного завершения, но этот план был разработан после завершения сражения. Перед битвой такого плана не было, поскольку, как и все сражения Роузкранса, Стоун-Ривер велась без какого-либо определенного плана. Брэгг был тактиком Стоун-Ривер. Он принял на себя наступление и удерживал его в течение всего сражения, и наши силы постоянно находились в обороне. Станный факт, что Роузкранс был настолько неосведомлен о положении противника, настолько абсолютно не имел плана, что в то самое утро, когда Маккук потерпел сокрушительное поражение, он приказал генералу Криттендену занять город, который враг прикрывал крупными силами, заявив, что они его эвакуировали. Генерал Ти Джей Вуд протестовал против слепого повиновения, которое оказал бы генерал Криттенден этому командованию, и, в ожидании обращения с протестом к Роузкрансу, Маккук подвергся нападению и был избит кнутом. Солдаты вели битву с нашей стороны, а не генерал, командующий армией; и именно Томас, Руссо, Шеридан, Негли, Вуд и Палмер, как лидеры, спасли положение и предотвратили катастрофу, вызванную некомпетентностью Маккука и неспособностью Роузкранса из-за крайней нервозности руководить большой колонной войск.

Дивизия Шеридана была размещена слева от корпуса Маккука, который, получив удар во фланг и тыл, был очень быстро и неожиданно разделен пополам и отброшен назад на дивизию Шеридана, которая, таким образом, была вынуждена, сражаясь с дивизией во фронте, развернуться и образовать *брешь* перед всей армией, таким образом, будучи вынужденной оголять тот или иной из своих флангов. Превосходящие силы оттесняли его до тех пор, пока его боевая линия не описала три стороны квадрата, и когда они были сломлены после ужасного сопротивления, он был вынужден отступить через густой кедровый лес, в который нельзя было перебросить артиллерию, к линии, образованной резервами под командованием генерала Руссо. В то время как остальная часть корпуса была быстро оттеснена, дивизия Шеридана отчаянно сражалась в течение нескольких часов, потеряв всех командиров бригад, семьдесят других офицеров и почти треть личного состава убитыми и ранеными. Другие дивизии корпуса Маккука, под командованием Джеффа К. Дэвиса и Р. В. Джонсона, так и не были объединены, пока не достигли Нэшвилла, в то время как дивизия Шеридана отступила к линии резервов и сражалась два дня после этого. Этот результат был полностью достигнут благодаря личным усилиям, смелости и мастерству Шеридана; и его конфликт стал таким блестящим эпизодом этого плохо организованного сражения, а его способности так ярко проявились на фоне проступков других, что его сразу же произвели в генерал-майоры.

В темных кедрах у Стоун-Ривер он держал своих людей вместе, когда они были почти окружены или полностью отрезаны, только тем, что постоянно находился с ними на передовой линии боя; хорошо направленным поощрением достойных и самыми черными упреками провинившимся; попеременными призывами и проклятиями и постоянной демонстрацией смелости, которая вдохновляла и в присутствии которой ни один человек не осмеливался назвать себя трусом.

"История битвы у темных кедров никогда не будет известна", - писал единственный историк, который до сих пор по-настоящему писал о Стоун-Ривер, мистер У. С. Фьюрей из "Цинциннати Газетт", молодой человек с очень выдающимися способностями и самый добросовестный из всех военных корреспондентов, которых я встречал в армии. "Ни один человек, - добавляет он, - не мог видеть даже весь свой собственный полк, и никто никогда не сможет сказать, кто из них сражался храбрее всех, или те, кто не оправдал их доверия. Шеридану было поручено предотвратить успешное наступление врага. Никогда человек не трудился более добросовестно, чем он, выполняя свою задачу, и никогда командира не поддерживали более доблестные солдаты. Его дивизия образовала своего рода опорный пункт, на который обратилось в бегство разбитое правое крыло, и можно легко представить его опасное положение, когда бегство дивизии Дэвиса оставило ее без какой-либо защиты от торжествующего врага, который теперь обрушился на ее фронт и правый фланг; но она сражалась до тех пор, пока четверть ее численности не осталась лежать, истекая кровью, на поле боя, и пока обоим оставшимся командирам бригад, полковника Робертса и Шеффера, не постигла та же участь, что и генерала Силла".

Когда Шеридан вывел свой отряд из леса и присоединился к резервам, он подъехал к Роузкрансу и, указывая на остатки своей дивизии, сказал:

- Вот все, что от нас осталось, генерал. В наших патронташах ничего нет, а ружья пусты.

Кампания в Таллахоме, последовавшая за кампанией при Стоун-Ривер, предоставила Шеридану мало возможностей для проявления каких-либо других солдатских качеств, кроме энергии. Преследование Брэгга, которое составляло главную черту той кампании, требовало

быстрого марша, но без боев. После изгнания повстанцев из Таллахомы и Винчестера общее преследование было прекращено, так как противник достиг гор, и только дивизия Шеридана и кавалерия Стэнли получили приказ преследовать врага через горы до Теннесси. Шеридан двигался с большой готовностью, надеясь добраться до моста через Теннесси в Бриджпорте вовремя, чтобы спасти его от разрушения. Он двигался так быстро, что достиг реки раньше кавалерии Стэнли, которой было приказано действовать обходным путем через Хантсвилл. Ему удалось спасти большую часть моста. Он с большим ликованием рассказывал, что, добравшись до Бриджпорта, обнаружил, что арьергард армии Брэгга сидит на сгоревшем конце моста и спрашивает о его наступлении на противоположном берегу реки, "были ли они частью кавалерии Стэнли". Пехота так быстро двинулась в погоню, что противник все это время принимал их за кавалерию.

С тех пор Шеридан проявляет ту же энергию в движениях, но с лучшим эффектом. Капитуляция Ли, без сомнения, была результатом замечательного и энергичного выполнения Шериданом плана операций Гранта от Файв-Форкс до Берксвиллского перекрестка. Следует помнить, что Шеридан быстрыми движениями разместил свои силы в Джеттерсвилле до того, как Ли достиг Амелия Корт-хаус, и таким образом отрезал все пути отступления к Дэнвиллу. Его донесения, относящиеся к этим операциям, отражают энергичность реальных действий и прекрасно иллюстрируют его энергию.

"Я бы хотел, чтобы вы сами были здесь", — написал он Гранту - комплимент, на который маленький генерал-лейтенант может с гордостью указать. "Если на ситуацию будут давить, - добавил он, - я думаю, Ли сдастся".

"Прессуйте информацию", - таков был приказ Гранта. Другого и не требовалось. Шеридан быстро продвигался вперед, нанося удары направо и налево, наказывая врага везде, где его обнаруживали, и, наконец, вынудив Ли сдаться. Грант с интересом ответил на комплимент, написав свой заключительный отчет о завершающих операциях войны. Он описывает своим необычно убедительным языком, что накануне битвы при Винчестере и начала кампании в долине Шеридан он отправился в квартиру Шеридана, чтобы изучить его планы, силы, материальную часть и т.д., и обнаружил, что у него есть только одно указание, которое он мог дать своему лейтенанту: "Входите!"

"Нажимайте кнопки" и "заходите" - инструкции столь же лаконичные, сколь и неопределенные. Они свидетельствуют о практичности и простоте Гранта и делают честь Шеридану. Возможно, лучше быть тем, к кому обращаются в таких выражениях, чем даже их автором. Шеридан не менее прост и убедителен в своих высказываниях, чем Грант, о чем свидетельствуют его различные отчеты, приведенные выше цитаты и его мнение о Техасе. "Если бы я владел, - сказал он однажды, - Техасом и адом, я бы продал Техас и жил в другом месте".

Битва при Чикамоге, по мнению Маккука и Шеридана, была всего лишь повторением событий на Стоун-Ривер. Корпус Маккука, состоявший тогда из дивизий Дэвиса, Шеридана и Негли, снова потерпел поражение. Генерал Негли, к большому несчастью для этого доблестного офицера и джентльмена, был уволен из своей дивизии в пылу сражения и назначен командовать несколькими батареями, и дивизия сильно пострадала, в то время как другая дивизия под командованием генерала Джефферсона К. Дэвиса была рассеяна во всех направлениях.

Шеридан, который сформировал крайне правых, вел отчаянную, хотя и безрезультатную борьбу, но после того, как его отделили от остальной армии, в конце концов сам проложил себе путь к отступлению, привел свою дивизию примерно наполовину организованной и занял свое место в линии фронта у Россвилла, к которому Томас отступил ночью. В этом случае, как и при Стоун-Ривер, Шеридан был подчиненным. Катастрофа, постигшая его дивизию, была общей для его корпуса и явилась результатом неспособности других, а не его собственного плохого управления. Он был бессилён предотвратить катастрофу, он мог лишь частично устранить ее последствия. В обоих случаях он делал это умелой рукой, прилагая самые напряженные усилия и подвергаясь большому личному риску.

Именно в битве за Чаттанугу Шеридан привлек внимание Гранта, который без колебаний выбрал его на важную должность, которую он впоследствии занял. Дивизия Шеридана находилась справа от центральной колонны, которая в сражении при Чаттануге 25 ноября 1863 года атаковала Мишн-Ридж и захватила его, и, разбив центр повстанцев, обеспечила победу. Его людей держали на позициях в ожидании сигнала к штурму более тридцати шести часов, и они со своим командиром очень нервничали, отчасти опасаясь, что Шерман и Хукер выиграют битву слишком быстро и у них отнимут шанс на славу, когда, наконец, раздался желанный сигнал, и в атаку ринулись атакующие колонны. Генерал Ти Джей Вуд командовал одной колонной, и они с Шериданом стремились с высокими амбициями, в которых не было ничего, что мог бы осудить святой, достичь вершины первыми. Шеридан прославился своим поступком. Он не мог сдержаться, и все же он ехал вдоль линии фронта, наполовину ведя, наполовину направляя своих людей, с такой ясной головой, как будто перекрестный огонь двадцати батарей повстанцев, которые открыли по его людям, был направлен против зачарованных жизней, и он знал, что они бесполезны так же, как и против него. Во время атаки он взял флягу виски у своего помощника, капитана Эйвери, и, наполнив кружку, которую нес с собой, поднял ее, указав жестом в сторону штаб-квартиры Брэгга, которая была хорошо видна на гребне горы, сказав, подражая солдатам: "Как *вы* себя чувствуете, мистер Брэгг?" Прежде чем он успел выпить ликер, пуля из винтовки унесла чашку с напитком. Шеридан воскликнул: "Это чертовски невелико!" На большее не было времени, и он пришпорил коня и вскоре снова оказался в передней линии. Его лошадь была убита под ним, и он возглавил оставшуюся часть атаки пешим, достигнув вершины первым, и, поскольку лошадей на гребне было немного, он вскочил на одно из пятидесяти захваченных орудий, размахивая саблей над головой и крича от радости вместе со своими людьми, в то же время изливая ругательство за ругательством на головы мятежников, которых он не мог преследовать. Перед окончанием сражения Грант, покинув свою штаб-квартиру в Орчард-Ноб, проехал по вершине хребта и, прежде чем огонь противника прекратился, пометил Шеридана для дальнейшего использования. Чаттануга была источником его богатства, и, сам того не подозревая в то время, он в тот день заново спустил на воду свой барк. Отныне его способности не должны были быть утрачены из-за того, что он был поставлен в подчинение людям более низкого уровня. Отныне ему предстояло добиваться больших успехов, а не возмещать, в какой-то степени, великие бедствия других.

Шеридан еще несколько месяцев не знал о том, что ему повезло в тот день. Напротив, вскоре у его друзей появились основания полагать, что он снова был под покровом ночи. Прошло всего несколько месяцев после этого памятного сражения, когда Гордон Грейнджер и Шеридан были отстранены от своих командиров. Общеизвестно, что Грейнджер обидел Гранта тем, что тот задержался с переездом с Шерманом на помощь Бернсайду в Ноксвилле, и предполагалось, что и он, и Шеридан были посажены на полку. Я встретил последнего, когда он проезжал через

Нэшвилл, и он сказал мне, что тогда точно не знал места своего назначения, за исключением того, что это был Вашингтон. Однако вскоре было объявлено, что он назначен командующим всей кавалерией Гранта на Потомаке, и те, кто знал Шеридана, научились более высоко ценить ясность, с которой Грант разбирался в характерах своих подчиненных. Возвращение Шеридана на кавалерийскую службу ни в коем случае не было наименее важной из заслуг Гранта перед страной.

В рамках этой главы не предполагалось давать подробное изложение событий из жизни Шеридана. Целью было скорее познакомить публику поближе с его характером, чем с его историей. Выдающиеся моменты его дальнейшей карьеры так же хорошо известны всем, как и мне. У меня часто были причины сожалеть о том, что у меня нет личных воспоминаний о замечательной кампании Шеридана в долине Шенандоа. Я был бы особенно рад иметь возможность стать свидетелем и проанализировать чудесное воздействие присутствия Шеридана на его людей во время разгрома в Сидар-Ран. Это нельзя объяснить с помощью какой-либо теории, какой бы философской она ни была, сформулированной человеком, который не был очевидцем, в то время как это можно понять в свете подробного и наглядного описания поведения генерала в том случае. Его успех в восстановлении порядка, а затем и уверенности, несомненно, был обусловлен его решительными манерами, в то время как последующее восстановление *морального духа* было обусловлено быстротой, с которой возобновилось наступление. Контроль, который Шеридан тогда осуществлял над своими людьми, безусловно, очень примечателен, учитывая то короткое время, в течение которого он ими командовал, и то состояние, в котором он застал их в этот день. Отсутствовавший в начале битвы при Сидар-Крик, следует помнить, что он выдвинулся вперед и обнаружил, что его войска быстро отступают, и, хотя их не преследовали, они были сильно деморализованы. Деморализованный не обязательно, как я убедился по опыту более чем в одной сомнительной области, подразумевает поражение. Шеридан, по-видимому, чувствовал то же самое, поскольку, услышав от полковника, с которым он познакомился, что "армия была разгромлена", неукротимый Шеридан воскликнул: "Вы разгромлены, а армия - нет". Его присутствие, казалось, вдохновило людей на новую цель. Он владеет тайной, подобной тайне Кадмуса. Хотя он и не заставляет солдат появляться из-под земли во всеоружии, как это делал Кадм, он создает энтузиазм, который придает дополнительную мощь тем, кто у него есть. В упомянутом случае это вдохновляющее присутствие было настолько мощным, что за невероятно короткий промежуток времени он перестроил своих разбитых людей в линию и подготовил их к отражению натиска врага. Но враг, намеревавшийся разграбить захваченные лагеря, не преследовал их всеми силами, и Шеридан обнаружил, что ожидание было напрасным. Уверенность войск была восстановлена присутствием их командира, легкостью, с которой он восстановил нарушенные порядки, а также бодрым языком и ободряющим тоном его разговоров и приказов. Он полностью восстановил моральный дух солдат, когда, обнаружив, что противник не продолжает преследование, отдал приказ о наступлении. Тот факт, что он действительно вышел вперед в тот же день разгрома, свидетельствует, среди других замечательных качеств Шеридана как лидера, о его решительности и смелости. Мало найдется генералов в нашей собственной или любой другой службе, которым пришла бы в голову такая идея или на мгновение возникла бы цель немедленно возобновить наступление. Двумя годами ранее преследование после победы, не говоря уже о преследовании после поражения, считалось невозможным. Тот факт, что Шеридан смог в этом случае возобновить наступление с

полным успехом, показывает, насколько абсолютной была уверенность людей в этом сравнительно незнакомом человеке, который умолял, проклинал и запугивал летучую армию, чтобы снова привести ее в порядок. Великолепная поездка из Винчестера на поле боя, которая в то время во всех отчетах была главной особенностью битвы, становится обычным делом по сравнению с поездкой "Маленького Фила" среди разбитых масс его корпуса. Можно сказать, что он был везде одновременно, потому что его присутствие ощущалось в каждом батальоне. Его приказы, столь блестяще иллюстрированные и разнообразимые его своеобразными и многочисленными клятвами, нашли свой естественный отклик в одобрительных возгласах людей, в сердцах которых его присутствие восстановило уверенность. Быстрота, с которой он сплотил свои разорванные линии и вывел порядок из хаоса, невероятна даже для тех, кто видел "воинственного кадета" в разгар сражений; и для того, кто никогда не был свидетелем того, какой необычный эффект оказывает на людей получение приказа атаковать, все равно останется невероятным, как он настолько восстановил уверенность и моральный дух своих войск, что позволил ему в этом случае вырвать победу из поражения.

Был какой-то повод для проявления такой же личной отваги и применения такого же влияния личным примером со стороны Шеридана в битве при Файв-Форкс. Теперь все признают, что его *присутствие* на каждом участке этого спорного поля имело такое же значение, как и командование, для окончательного результата той битвы, где все зависело от настойчивости атаки на слабое место, обнаруженное Шериданом. Сомнительно, что успех последовал бы за усилиями генерала, который довольствовался тем, что *руководил* сражением. Шеридан *вел*. Он все время был на передовой, под сильнейшим огнем, размахивал мечом, подбадривал своих людей, призывал их к невероятным подвигам и, как обычно у него, попеременно ругался на врага и своих собственных подонков. Присутствующие представляют его как "олицетворение всего солдатского". Он скакал взад и вперед по рядам, находясь под огнем, постоянно размахивая мечом, лично командуя, призывая их воспользоваться представившейся возможностью и уничтожить своих врагов. О нем рассказывают, и эта история достаточно характерна, чтобы быть правдой, что в конце неудачного сражения первого дня при Файв-Форкс, расхаживая взад-вперед перед своим полевым штабом, очевидно, погруженный в глубокие и спокойные раздумья, он внезапно напугал свой штаб, разразившись серией ужасных ругательств, в которых поклялся, что на следующий день возглавит ряды повстанцев или "погрузится на бесчисленные сажени в ад".

Несмотря на несколько замечаний, которые я получил от него и его друзей, я должен сказать, что Шеридан иногда позволяет себе клятвы, но в его сердце легко найти силы простить их. Это просто акцент в его речи. Говорят, что клятвы - аргументы дураков. Шеридан бросает их друг другу в ходе дискуссии не из-за нехватки более убедительных аргументов, а из-за недостатка терпения ждать медленного процесса логических выводов. По этой же причине он искренне презирует военный совет и никогда не участвует в нем, если этого можно избежать. Он исполняет, а не придумывает планы; или, как однажды нервно выразился Роузкранс, "Он борется — он борется!" Все, что поручается Шеридану, выполняется досконально. Он не останавливается перед тем, чтобы критиковать целесообразность заказа в его деталях, и в то же время без колебаний меняет свои действия, когда обнаруживает, что те, которые заложены для него, невыполнимы. Он не отказывается от задачи из-за того, что заказанный режим становится невозможным из-за какого-либо неожиданного события. Если результат достигнут, Шеридану все равно, чьи средства были потрачены или на чью заслугу это отражено. Он оценивает результат и поздравляет себя, стратега мероприятия, и своих подчиненных с равным

удовлетворением и всеми признаками восторга. Его щедрая забота о репутации своих подчиненных, его свобода от всякой мелочной зависти, честность его целей и благородство его стремления служить стране, а не самому себе, его сердечность и общее добродушие, а также краткость его черных бурь гнева делают его, как и Гранта, не только всеми любимым лидером, но и тем, кому страна может смело доверять в защите своей чести и сохранении своего существования. Тому, кто знает любого из этих двоих — Гранта и Шеридана, — легко поверить, что за весь период, когда они обладали такой верховной властью в наших армиях, ни одна мысль о том, как они могли бы достичь величия, мощи и положения за счет страны, никогда не приходила им в голову. В мирской истории известно немного других персонажей, о которых действительно можно сказать то же самое.

Шеридан идет в гущу битвы не просто по необходимости. Первый запах пороха приводит его в возбуждение, и он бросается вперед. О нем рассказывают, что, когда началось сражение при Винчестере, он отошел немного в тыл, как сделал бы Грант, и попытался спокойно обозреть поле боя и руководить ходом сражения. Но не в его характере было долго оставаться пассивным. Когда бой разгорелся и стал всеобщим, он больше не мог этого выносить и, обнажив шпагу, воскликнул: "Клянусь Богом, я этого не вынесу!" - и ринулся в самую гущу сражения.

Воюющая сторона в организации Шеридана часто возбуждается без такого стимула, как запах пороха. В 1863 году, когда Шеридан стоял лагерем в Бриджпорте, штат Алабама, он пригласил генерала Джорджа Х. Томаса затем разбил лагерь в Декерде, штат Теннесси, чтобы осмотреть работы, возведенные в Бриджпорте, и проходящие приготовления к восстановлению моста. Я тогда был в Декерде, и меня пригласили сопровождать гостей в Бриджпорт, и я так и сделал. На одной из промежуточных станций поезд остановился на необычно долгое время, и Шеридан, спросив кондуктора, крупного, дородного шестифутового мужчину, о причине, получил несколько грубоватый ответ. Шеридан ограничился тем, что упрекнул его в поведении и приказал следовать дальше по поезду. Кондуктор не ответил и не подчинился. Подождав некоторое время, Шеридан послал за кондуктором и потребовал объяснить, почему тот не подчинился. Парень грубовато ответил, что он получал приказы только от военного инспектора дороги. Не дав ему времени закончить оскорбительный ответ, Шеридан нанес ему два или три быстрых удара, вышвырнул из вагонов и передал в руки охранника, а затем приказал поезду двигаться вперед, действуя в качестве кондуктора на спуске и обратном пути. Сев в поезд, он вернулся на свое место рядом с генералом Томасом и, не возвращаясь к теме разговора, возобновил свой разговор с этим невозмутимым сановником.

В другой раз Шеридан застал армейского газетчика за каким-то издевательством над солдатами и, не дожидаясь объяснений, схватил его сзади за шею и ударил головой о машину, хотя для этого ему пришлось встать на цыпочки.

Внешность Шеридана, как и Гранта, может разочаровать того, кто не видел его до того, как он стал знаменитым. У него нет ни одного из качеств, которые в народе приписываются воображением героям. "Маленький Фил" - это ласковое прозвище, данное ему солдатами на Западе, которое описывает его внешность. Он ниже Гранта, но несколько более плотного

телосложения и, будучи на несколько лет моложе и с другим темпераментом, более активен и жилист. О его маленьком росте быстро забывают, когда видят его верхом. Кажется, что после короткого знакомства он развивается физически так же, как и умственно. В отличие от многих наших героев, Шеридан не уменьшается при приближении к нему. Расстояние не придает ни его характеру, ни внешности никакого очарования. Он говорит чаще и беглее, чем Грант, и его быстрые и слегка нервные жесты в чем-то напоминают манеру Шермана. Его тело крепкое, но жилистое, и поставлено на короткие, тяжелые, но активные ноги. Его широкие плечи, короткие жесткие волосы и черты лица выдают милезийское происхождение, но в его голосе не слышно акцента. У него серые глаза, и, будучи маленькими, они острые и пронзительные, и полны огня. Когда он обезумевает от возбуждения или страсти, они страшно сверкают. Ему тридцать четыре года, но долгая служба в полевых условиях придала ему сорокалетний вид, и все же он один из самых элегантных молодых холостяков и полностью соответствует описанию первого Сципиона: *"И юный, и целебный, и победитель".*

ДЖОЗЕФ ХУКЕР.

ГЛАВА V.

СРАЖАЮСЬ С ДЖО ХУКЕРОМ.

Имя и слава генерала Джо Хукера, как и должно быть, дороги каждому американцу, ибо он в высшей степени национальный деятель. Родившийся в Массачусетсе, он жил во всех частях страны и является космополитом по привычкам и идеям. Природа никогда не создавала его для какой-то одной части страны. Он сражался во всех частях страны от Мэриленда до Мексики, от Потомака до Рио-Гранде, и из простого гражданина самого западного округа Калифорнии он дослужился до командования бригадным генералом регулярной армии в самом восточном департаменте воссоединенной страны. Каждый калифорниец, если не каждый американец, *is* гордится Джо Хукером, поскольку он является представителем той своеобразной расы первопроходцев, собранных из всех штатов Союза и национальностей земного шара.

Хукер по натуре боец, такой же воинственный, как и Филип Шеридан, и он настаивает на том, чтобы каждый спор решался с применением оружия. Настоящие удары удовлетворяют его лучше всего, и, исходя из самой природы его психической организации, "война на ножах" является общепринятым его девизом. Любопытная случайность дала Хукеру титул "Бойцовый Джо"; но мало кто из множества людей, читавших о нем под этим именем, и никто из тех, кто в пылу политических и пристрастных дискуссий, которые во время войны, казалось, прониклись крайней горечью, вызванной конфликтом, пытался высмеять как личность, так и выражения, подозревал, насколько точно титул описывал характер этого человека. Человек, рожденный с таким характером, естественно, стремился бы в армию. Хукер поступил в Вест-Пойнт и закончил его с рвением и прилежанием, которые, должно быть, поставили бы его выше двадцати восьми в классе из пятидесяти выпускников, если бы он, как и Шеридан, не пострадал из-за своей воинственности в глазах степенных и уравновешенных профессоров этого института. Он не был ни студентом, ни бездельником, ни в то же время трудолюбивым, туповатым ученым, который учился с большим трудом и запоминал только то, чему его учили. Напротив, он быстро учился, оригинально применял то, чему научился, и критически относился к идеям и фактам, которым его научили. В Вест-Пойнте он так же часто критиковал правила ведения войны, установленные властями прошлого века, как и на поле боя, будучи генералом, он был свободен в критике своих современников. Он с честью окончил курс в 1837 году и умудрялся, будучи еще молодым, с не вполне развитой воинственностью своей натуры, существовать на тихой должности адъютанта в Вест-Пойнте. Позже ему также удавалось терпеть монотонную работу в департаменте генерал-адъютанта в течение пяти лет, пока не разразилась война с Мексикой, когда он искал приключений, продвижения по службе и славы на действительной службе. Мексиканская война была прекрасной возможностью для многих молодых жизней, практическим обучением почти всех, кто отличился во время последней войны за Союз. Для Хукера, молодого, амбициозного и воинственного, эта возможность была очень приятной. Объявление войны было встречено им с такой огромной радостью, которая привела бы в ужас его отцов-пуритан, если бы они могли знать об этом.

О карьере Хукера в Мексике не вспоминали, когда началось восстание, иначе он пользовался бы большим доверием правительства раньше, поскольку это был один из самых блестящих успехов, достигнутых многими очень способными молодыми людьми, участвовавшими в той войне. Подняться при старой и очень несовершенной организации армии в короткой войне, в которой было мало потерь, от лейтенанта до сокращенного подполковника регулярной армии,

было немалым достижением. Хукер был последовательно произведен в капитаны, майоры и подполковники "за доблестное и достойное поведение" в нескольких конфликтах в Монтерее, в делеу Национального моста и при штурме Чапультепека. Если я правильно помню, в начале кампании он был назначен генерал-адъютантом в штаб генерала Гидеона Пиллоу, и, хотя Габриэль Рейнс и Рипли были связаны с ним по долгу службы, все понимали и чувствовали, что молодой начальник штаба обладает всеми мозгами, большей частью энергии и трудолюбия, которые можно найти в штабе дивизии. Пиллоу, Рейнс и Рипли приобрели некоторую известность во время последнего восстания как офицеры повстанческой армии. Во время войны с Мексикой межобщинные разногласия накалились по поводу поддержки администрации в ведении наступательной войны, и очень часто молодому Хукеру приходилось слышать тирады, произносимые этими офицерами-южанами в адрес его родного штата, которые оказывали лишь вялую поддержку войне за вторжение, каковой считалась война против Мексики, но он никогда не позволял им оставаться недоказанными или без комментариев. На менее положительного персонажа, чем Хукер, возможно, повлияла бы такая обстановка в лагере, состоящем почти исключительно из солдат-южан, и в штабе, где царил самый ожесточенный раскол, который затем опозорил армию. Дискуссии, возникшие из возражений молодого начальника штаба против своеобразных взглядов зарождающихся повстанцев, только укрепили его в приверженности правительству и любви к нему; и никто из офицеров старой армии не вступил в войну за Союз с большей готовностью или с более четким представлением об отчаянных целях и характерах предателей, чем Джо Хукер.

Мир, наступивший в 1847 году, застал Хукера с полностью развившейся природной воинственностью его вспыльчивого характера, разгоревшимися амбициями и возросшей неугомонной активностью ума и тела. У него не было ни малейшего желания возвращаться к монотонности должности генерал-адъютанта или к тому спокойствию гарнизонной службы, которое приходилось терпеть капитану артиллерии, которым он стал. Карьера без приключений, которую сулила профессиональная жизнь в оседлой стране среди цивилизованных людей, также не привлекала его беспокойный ум. Он оставался в армии только до тех пор, пока перспектива службы в Мексике и на Тихоокеанском побережье сулила какую-либо активность; но вскоре, обнаружив, что мир, наступивший после мексиканской войны, вероятно, будет глубоким и безмятежным, он подал в отставку и окунулся в волнующую жизнь первопроходцев во вновь открытых золотых районах Калифорнии. Он купил ранчо на другом берегу залива в городе Сан-Франциско и на короткое время заинтересовался новыми для него обязанностями фермера. Естественно предположить, что это монотонное существование вскоре стало мучительно скучным для человека с таким беспокойным нравом, как у Хукера. Ранчо было заброшено из-за других целей, приносящих больше волнения и приключений; но к 1860 году это существование утратило многие из своих прелестей, и Хукер снова ощутил на себе "ужасы покоя". Мир, это должно быть известно, имеет свои ужасы для некоторых людей, точно так же, как штиль имеет свои ужасы для моряка. Следствием этого было то, что Хукер приобрел некоторые из вредных привычек, которые следуют за бездельем. Он был "рыбой, выброшенной из воды", у него не было ничего приятного в характере, и он постоянно впадал в некоторые крайности, которые, как я слышал, его калифорнийские друзья называли процессом "пускания ко всем чертям". Пострадал его деловой характер, но не социальное положение. Его ранчо было запущено и пришло в упадок. Его здоровье несколько пошатнулось, когда, к счастью для него, вспыхнуло восстание. Он поспешил в Вашингтон, чтобы предложить свои услуги президенту.

После долгих трудностей ему удалось получить офицерский чин, и он с радостью снова приступил к действительной службе. Он изменился. Он отказался от своих дурных привычек с легкостью и готовностью человека решительного и непреклонного ума, и теперь, занявшись той профессией, которая имела для него все прелести, он всерьез приступил к достижению истинной цели своей жизни. Он верил в судьбу; верил, что сильные умы и храбрые сердца сами управляют своей судьбой; и с твердой уверенностью в себе объявил своим друзьям, которые поздравляли его с назначением, что однажды он встанет во главе армии, в которой он тогда был всего лишь командиром бригады.

Если критически проанализировать военную карьеру Хукера, то окажется, что его успех как лидера был обусловлен стремительностью, смелостью и энергией, с которыми он сражается. Можно сказать, что его присутствие на поле боя рассчитано на то, чтобы восполнить все недостатки в дисциплине войск. Его присутствие и поведение вдохновили его войска такими качествами, как мужество и отвага, которыми отличился он сам, и восстановили боевой дух разбитых колонн с таким же успехом, каким когда-либо отличалось присутствие Филипа Шеридана. Будучи командующим Потомакской армией, генерал Хукер никогда не добивался блестящих успехов. Он принял командование в то время, когда горькая зависть, опозорившая эту армию, больше всего подорвала ее энергию и замедлила ее действия. У него было мало любви или восхищения и, следовательно, мало подлинной поддержки со стороны подчиненных ему командиров; в то время как он был, по причине своего повышения, все дальше удален от непосредственного руководства своими войсками, и вдохновение от его присутствия было потеряно для тех, кто научился верить в него.

Успех с Хукером зависел от его непосредственного присутствия со своими войсками, и лишить его тесной связи с ними означало снизить его эффективность. Никто не попытается отрицать, что Хукер обладал таким вдохновляющим контролем над своими людьми, и что его присутствие среди своих солдат в бою во многом повлияло на их эффективность. Он был тем, кого называют "могущественным присутствием". Ему было предназначено стать лидером, а не командующим войсками, и поэтому он добился большого успеха в качестве лидера дробных корпусов великих армий. Его сражения на полуострове; его энергичное преследование повстанцев из Йорктауна; его поведение в течение "недели сражений на Чикагомини" и его сражение при Малверн-Хилл были деяниями, которые хорошо известны по всей стране. Его успех в качестве командира *корпуса* на Западе стал не менее известен общественности; и его достижения на Лукаут-Маунтин, Ресаке и перед Атлантой станут основой для формирования его истинного характера как военного. Я не хочу этим сказать, что Хукер не может успешно командовать великой армией. Я лично ничего не знаю о его карьере главнокомандующего, но по его душевной организации очевидно, что он лучше как лидер, чем как руководитель людьми. Мои личные воспоминания о сражениях Хукера ограничиваются несколькими, самым замечательным из которых была битва при Лукаут-Маунтин. "Битва над облаками", как назывался штурм Лукаут-Маунтин, была одной из самых замечательных операций войны. Гора, которую захватили, находится на высоте четырнадцати сотен футов над рекой Теннесси, и ее удерживали силы по меньшей мере из шести тысяч повстанцев, сильно укрепленных. Это не обычный склон от вершины Лукаута до подножия, но первые двадцать пять-тридцать футов спуска представляют собой отвесные скалы, или то, что обычно подразумевается под "частоколом". Они очень высоки и величественны, и есть только два пути, по которым их можно преодолеть. Один из них - это ущелье в двадцати милях к югу от того места на реке Теннесси, где был произведен штурм. Другой путь ведет в Саммертаун, который петляет по восточному склону горы, поднимаясь к

палисейдсу по крутому склону и узкой дороге. План операции генерала Хукера состоял в том, чтобы овладеть дорогой. Сделать это означало овладеть горой. Должно быть, это обычный альпинист, который может беспрепятственно совершить восхождение на Смотровую площадку, не останавливаясь несколько раз для отдыха; и история штурма кажется невероятной тому, кто стоит на вершине, где разместились повстанцы, и смотрит на трудный подъем, который совершил Хукер. Только генерал, в котором была в значительной степени развита склонность к сражению, мог задумать такой проект, и только войска, вдохновленные присутствием того, кого они знали как храброго и отважного лидера, могли осуществить этот амбициозный план. Это было спланировано Хукером во всех деталях и выполнено во всей полноте. Первоначальным намерением генерала Гранта, который был главнокомандующим, было атаковать Лукаут силами, достаточными только для того, чтобы занять занимающие его силы повстанцев, в то время как основная атака была нанесена в другом месте. Разрушение понтонного моста, соединявшего лагерь Хукера с лагерем основной армии, вынудило Гранта оставить ему гораздо больший корпус, чем он первоначально намеревался, и затем он разрешил Хукеру штурмовать гору всеми своими силами. Приказ был получен около полудня 25 ноября 1863 года, но еще до наступления темноты генерал Хукер спланировал и осуществил атаку, которая была столь же блестящей, сколь и дерзкой. Двухмесячное наблюдение за горой из своего лагеря в долине дало ему полное представление обо всех ее очертаниях, дорогах и т.д., и легко поверить, что план, к которому пришел Хукер, какое-то время занимал место в его голове. Это было столь же уникально по замыслу, сколь и оказалось успешным в исполнении.

Небольшому отряду под командованием генерала Остерхауса было приказано нанести ложный удар по стрелковым окопам противника на мысе (или "носу", как называет это Роузкранс) горы, в то время как генерал Хукер вместе с Гири, Айрлендом, Крафтсом и Уитакером продвигался вверх по долине к западу от горы, пока не оказался в миле позади позиции противника; затем войска поднимались по склону хребта, пока голова колонны не достигла частоколов, венчающих гору, и не построились в боевую линию под прямым углом к ним; затем они двинулись вперед. Остерхаус предпринял резкую атаку в качестве ложного маневра и, обойдя укрепления повстанцев с фланга и тыла, захватил около тысячи трехсот пленных. Преследуемый противник обогнул "нос" горы и занял позицию на противоположной стороне, где Хукер снова атаковал. После одной или двух отчаянных попыток работы повстанцев были завершены, но это было в такой поздний час (полночь), что выбить их с Саммертаун-роуд, маршрута, по которому они эвакуировались ночью, было невозможно. Хукер заработал отличную репутацию благодаря своему уникальному плану и энергии, с которой он его осуществил. Сражение на других участках линии фронта было приостановлено на этот день, и Хукер на горе стал "наблюдаемым из всех наблюдателей". Войска в долине наблюдали за ним и его Титанами с равным восхищением и изумлением; изумлением от достигнутого успеха и восхищением от проявленной смелости. Когда наши войска обогнули вершину горы, обойдя повстанцев с тыла, взяв многих в плен и быстро преследуя остальных, войска в долине Чаттануга неоднократно подбадривали их. Поскольку линии Хукера должны были продвигаться после наступления темноты, жители Чаттануги и долины могли видеть, как вспыхивают костры, разведенные резервистами, и определять местонахождение наступающих колонн. По мере того как эти костры выстраивали каждую линию, те, кто находился на горе, могли отчетливо слышать громкие приветственные крики своих товарищей внизу. Одно из выражений, употребленных рядовым, наблюдавшим за пожарами из Орчард-Ноб, сразу же приобрело значение лагерной пословицы. Увидев, что линия лагерных костров продвинулась за последнюю линию

стрелковых окопов противника, солдат под командованием генерала Вуда вскочил со своего лежащего положения на Орчард-Ноб и воскликнул:

- Посмотри на старину Хукера: разве он не борется за "пропитание"?

"Борьба за выживание" - армейский сленг, означающий смертельную схватку всерьез.

Те, кто остался в Чаттануге, описали это сражение как самое великолепное в грандиозной панораме войны, которой оказались различные сражения при Чаттануге. Генерал Мейгс наглядно описал это в тот момент, когда было достаточно темно, чтобы видеть вспышки мушкетов, и все еще достаточно светло, чтобы различать общие очертания сражающихся масс. Гора была освещена кострами людей во второй линии и вспышками мушкетного огня и артиллерии. С горы донесся неземной шум, как будто старое чудовище стонало от наказания, которому пигмеи-бойцы подвергли его, а также друг друга, и все это время все большие орудия на вершине продолжали, словно в ярости, бросать вызов орудиям поменьше в наших фортах на другом берегу реки, которые с более легким тоном и быстрее, словно насмехаясь над слабоумием своего гигантского врага, продолжали стрелять, пока день с ревом не погрузился во тьму.

Генерал М. К. Мейгс дал этому сражению название "битва над облаками". Это правда, что Хукер сражался выше облаков, но более того, он создал облака, чтобы сражаться выше них. Ночью перед помолвкой прошел небольшой, туманный дождик, а когда на следующее утро взошло холодное и тусклое солнце, над рекой повис туман и окутал гору, служа удобной маской для передвижений Хукера. Однако по мере приближения дня туман начал рассеиваться и быстро рассеивался, когда битва на западном склоне горы разгорелась с новой силой. Затем дым от выстрелов мушкетов и артиллерии Хукера начал смешиваться с туманом и облаками; они снова стали тяжелыми и опустились вплотную к горе, так что в какой-то момент образовавшиеся таким образом облака скрыли противоборствующие силы от глаз тех, кто находился в долине, и Хукер буквально вел битву над облаками, созданными им самим.

"Вдохновляющее присутствие", которым наделен Хукер и на которое я уже ссылался, имело множество иллюстраций. Макклеллан, у которого Хукер не был фаворитом, признал, что потеря присутствия Хукера из-за ранений во время битвы при Антиетаме стоила ему многих ценных плодов этого конфликта. Хотя такое признание позорит Макклеллана, который мог таким образом признать, что отсутствие одного командира корпуса из пяти могло проиграть ему битву, это в высшей степени лестно для Хукера, который, кстати, кажется, был единственным офицером в Антиетаме, сражавшимся за какой-либо определенный объект, любую жизненно важную или ключевую точку на поле боя.

Хорошо известный эффект присутствия Шеридана в Сидар-Крик был не более заметен в восстановлении боевого духа его армии, чем эффект присутствия Хукера в Пич-три-Крик, Джорджия, в устранении угрозы катастрофы, которой там угрожали. Армия Камберленда была застигнута врасплох в этом месте 20 июля, находясь на марше, и, подвергнувшись энергичной атаке, подверглась большой опасности быть разгромленной. Общеизвестным фактом было то, что присутствие Хукера повсюду на линии фронта угрожаемой и почти разгромленной армии держало людей в строю, на работе и, в конце концов, спасло положение. Если бы это входило в цель данного очерка, то лучшей иллюстрации боевого генерала нельзя было бы дать, чем

подробный отчет об этом сражении, в котором Хукер был единственной центральной фигурой. Страна в таком же большом долгу перед ним лично за победу, как и перед Шериданом за Сидар-Крик, Руссо за Перривилл или Томасом за Чикамогу.

Хукер - "злейший враг самого себя" — не в общепринятом и вульгарном понимании этого термина, который сейчас повсеместно применяется к тем, кто потакает своему аппетиту за счет мозга. Его слабость не вульгарного порядка, но была болезнью великих умов с незапамятных времен. Его великое преступление против слабого человечества заключается в том, что он родился критиком. Яго был не более критичен, чем Хукер, хотя последний не обязательно является "ничем иным, как некритичным", как злой гений Отелло. Хукер не может устоять перед искушением критиковать; и, будучи неспособным оценить тот сомнительный моральный кодекс, в соответствии с которым политика диктует, что правду не всегда следует говорить, он нажил себе врагов на всю жизнь. Он может с совершенной справедливостью приписать каждую неудачу в своей жизни этой единственной "слабости благородного ума". Это ускорило его уход со службы в 1853 году; это породило трудности, которые почти помешали его возвращению на службу в 1861 году; это замедлило его продвижение по службе, легло в основу всех его трудностей на посту командующего Потомакской армией, сделало врагами его подчиненных и разрушило все его планы, и в конце концов вынудило его сложить командование армией. Это почти свело на нет все его попытки вернуть себе командование. Это стоило ему многих трудностей в ходе мероприятия и, в конце концов, вынудило его уйти в отставку с действительного командования под командованием Шермана как раз в тот момент, когда война завершалась грандиозным *крещендо* движения Гранта. Он подвергался ожесточенным нападкам прессы и преследованиям сослуживцев-офицеров за его различные критические замечания, и даже обвинялся в неподчинении людьми, которые не знали, что с незапамятных времен приказы генералов свободно критиковались подчиненными, которые, однако, не преминули им подчиниться. Диоген был не единственным критиком Александра Македонского. Наполеон пострадал бы от критики даже больше, чем Макклеллан, если бы был таким же плохим солдатом, потому что у Макклеллана был только один честный критик, Хукер, и все маршалы Наполеона часто критиковали его действия. Критика вынудила деспотичного российского царя отказаться от главного командования своей армией перед лицом вторжения Наполеона в 1812 году и передать командование генералу, который не был одним из его фаворитов. Хукер был, действительно, единственным подлинным военным критиком, которого породила война. Шерман иногда позволял себе критические замечания, но его вспыльчивость мешала ему рассуждать здраво и делала его критику столь же абсурдной, сколь и тщетной. Фремонт был всего лишь критиком, не будучи генералом, и находил недостатки из любви к придиристичности. Генерал Мейгс, который также попробовал свои силы в критике, был просто добродушным, а не критичным. Ключере и Гуровски были просто представителями Богемы, а помощник военного министра Дана снискала репутацию всего лишь "шпионки госсекретаря Стэнтона".

Искренность критических замечаний Хукера делает их весьма приятными на вкус. Естественно, человек восхищается решением, которым они отмечены, и, хотя некоторые могут считать его рассуждения неверными, а выводы несправедливыми, они должны наслаждаться совершенной независимостью, с которой они высказаны. Его критика битвы при Булл-Ране впервые навела его на мысль о мистере Линкольне, который читал персонажей с первого взгляда. Его знаменитая критика в адрес Макклеллана, в которой он без колебаний (он никогда не стесняется ни осуждать, ни сражаться) приписал провал кампании на полуострове "недостатку

полководческого мастерства со стороны нашего командующего", принесла ему больше известности, чем его ранние сражения. Покойный президент часто отмечал, что у него никогда не было возможности изменить благоприятное мнение, которое он составил о Хукере, услышав его критику в адрес битвы при Булл-Ране. Критика в адрес Макклеллана указывает на характер критика как быстрого, решительного человека, готового взять на себя любую ответственность. Персонаж был полностью создан Хукером с тех пор, как он высказал эту удивительно свободную критику. Мнение Хукера о Макклеллане было объяснено завистью к положению последнего, но я думаю, что он сформировал свои выводы об этом человеке задолго до войны за восстание. Одно обстоятельство, произошедшее во время Мексиканской войны, навело его на мысль о Макклеллане и является настолько замечательной иллюстрацией характера Макклеллана, что у меня возникает искушение рассказать о нем здесь. Прикомандированным к штабу Пиллоу, где Хукер был начальником штаба, был молодой американец, с тех пор прославившийся как художник. Он долгое время проживал в Мексике; был заключен в тюрьму при приближении наших войск к городу, но сумел сбежать и добраться до нашей армии. Здесь он вызвался выступить переводчиком при генерале Пиллоу и сопровождал армию в этом качестве до конца кампании. Однажды, находясь лагерем в городе после его взятия, капитан Хукер попросил художника нарисовать очень совершенное артиллерийское орудие, захваченное во время штурма. Случилось так, что это ружье оказалось в лагере роты саперов и минеров, и он отправился туда, чтобы сделать набросок. Зайдя в штаб-квартиру роты, он обнаружил, что Густавус Смит, капитан, и Каллендер, первый лейтенант командования, отсутствуют, в то время как младший лейтенант Джордж Б. Макклеллан, дежурный офицер, совершал обход лагеря. Художник сразу же взялся за ружье, которое он хотел нарисовать, и был занят этим, когда Макклеллан в сопровождении вооруженного охранника, следовавшего за ним по пятам, подошел с воинственным видом человека, "облаченного в короткую форму власти", и потребовал сообщить, кто такой незваный гость и по какому праву он здесь занимается рисованием. Художник, улыбнувшись манерам молодого человека, очень спокойно передал ему полномочия капитана Хукера на выполняемую им работу. Прочитав его, Макклеллан отпустил охранника и вступил в беседу с незванным гостем, задавая ему различные вопросы и, наконец, выяснив тот факт, что он уже несколько лет является жителем города Мехико. Интерес Макклеллана мгновенно возрос, и он задал художнику бесчисленное количество вопросов — не об истории, богатстве, ресурсах, обороноспособности и т.д. города, как можно было бы естественно предположить, что молодой солдат мог бы постоянно это делать, а о состоянии, характере, богатстве, положении и т.д. Лучших семей первого общества города! Он особенно расспрашивал о самых фешенебельных, аристократических и богатых домах, и еще более подробно о ведущих дамах светских кругов. В конце концов он пожаловался своему информатору, что ему было трудно познакомиться с первыми семьями, и был очень разочарован тем, что его не приняли в лучшее мексиканское общество. История была слишком хороша, чтобы ее оставлять, и Хукер, Пиллоу и весь персонал впоследствии наслаждались частым рассказом художника об истории молодого человека, который "боролся за то, чтобы попасть в лучшее мексиканское общество". Я часто думал, что молодой Наполеон проводил свои потомакские кампании так, как будто его целью было занять такое положение, чтобы по прибытии в Ричмонд его с готовностью приняли в "лучшее южное общество". Советовать человеку с характером Макклеллана, как это однажды сделал Хукер, послушаться приказа и двинуться на Ричмонд, с ободряющим комментарием, что он "с таким же успехом может умереть за старую овцу, как и за ягненка", было все равно что бросать жемчуг свиньям.

Критика в адрес Макклеллана и его неспособности к полководчеству была ошибочно принята многими за тщеславие, а не за искренность, и пресса страны от души высмеяла тщеславие Хукера. Его называли *экзальтированным*, энтузиастом. Он, безусловно, хорошего мнения о себе, как и все великие люди, не только воины, но и философы, неизменно были о себе высокого мнения. Многие не менее известные люди кичились меньшими качествами, чем может похвастаться Хукер, и их собственное хорошее мнение о себе переняли потомки. Хукер гордится своими умственными способностями. Цезарь гордился своей внешностью и посвящал выщипыванию седых волос на голове больше времени, чем сну. Тщеславие и доблесть часто идут рука об руку. Мюрат был в равной степени храбр и тщеславен, и его знаменитые подопечные были разодеты в золотые кружева и блистали причудливыми мехами и горностаевой отделкой. Герои редко бывают неряхами. Кромвель и Шерман, в своей неряшливости, являются парадоксами природы, равно как и чудесами истории.

Увольнение Хукера из армии было ускорено, а его последующее возвращение на службу было замедлено, как уже говорилось, из-за этой привычки свободно критиковать действия армии. История его неприятностей такова: Сразу после окончания войны с Мексикой Хукера вызвали для дачи показаний в следственном суде, который должен был урегулировать разногласия между генералами Пиллоу и Уортом, возникшие в результате нападения на Чапультепек. В ходе своего допроса он очень свободно критиковал некоторые действия генерала Скотта, главнокомандующего, и с той уверенностью в собственном суждении, которая является характерной чертой Хукера и которая, как ни странно, не выдает в нем ничего эгоистичного, рассказал, как он достиг бы тех же целей, которых достиг Скотт, с меньшими потерями, с помощью других движений. Скотт, не без оснований, был смертельно оскорблен; и когда заявление об отставке Хукера попало к нему в руки по обычным деловым каналам, оно не было отложено из-за отсутствия одобрения, а было направлено с рекомендацией принять его. Когда в начале восстания Хукер пожелал вернуться в армию, генерал Скотт встал на пути; и, будучи высшим должностным лицом при президенте, он позволил Хукеру просить о приеме в течение нескольких месяцев, заставляя его безрезультатно танцевать у дверей военного министерства.

Хукер задержался в Вашингтоне на несколько месяцев, пытаясь получить командование, покинув город только для того, чтобы стать свидетелем битвы на Булл-Ран; но в конце концов устал и, не видя никакой надежды достичь своих целей, решил вернуться в Калифорнию. Однако перед отъездом он зашел к президенту, с которым никогда не встречался, чтобы засвидетельствовать свое прощальное почтение, и был представлен генералом Кэдуолладером как "капитан Хукер". Президент принял его в своем обычном любезном стиле, но уже собирался уволить, поскольку время требовало, чтобы он уволил многих, несколькими вежливыми фразами, когда был удивлен решительным тоном Хукера, выслушавшего его историю.

"Господин Президент, - начал он, - мой друг совершает ошибку. Я не "капитан Хукер", но когда-то был подполковником регулярной армии Хукером. Недавно я был фермером в Калифорнии, но с тех пор, как вспыхнуло восстание, я был здесь, пытаюсь поступить на службу, но обнаружил, что я никому не нужен. Я собираюсь возвращаться домой, но перед отъездом мне не терпелось засвидетельствовать вам свое почтение и выразить свои пожелания вашего личного благополучия и успехов в подавлении этого восстания. И я хочу сказать еще одно слово, - резко добавил он, видя, что президент собирается заговорить. - На днях я был на Булл-Ран, господин президент, и у меня нет тщеславия сказать, что я чертовски лучший генерал, чем тот, что был у вас на том поле. Президент пожал руку Хукеру и попросил его сесть; завязалась светская

беседа, которая, конечно же, привела к рассказу, а значит, и к более близкому знакомству. Президент, который впоследствии стал самым верным другом Хукера, обычно получал большое удовольствие, рассказывая об обстоятельствах и о том, какое впечатление произвела на него речь. Хвастовство было произнесено тоном не хвастуна, а твердого, уверенного в себе человека, который смотрел ему прямо в глаза и который, по словам президента впоследствии, выглядел в тот момент так, словно был полностью способен подтвердить свои слова. Он был удовлетворен тем, что тот, по крайней мере, попытается, и, впечатленный решительным видом не меньше, чем высокими рекомендациями "мистера Хукера", попросил его отложить свое возвращение в Калифорнию. Хукер остался в Вашингтоне, и среди многочисленных изменений, которые вскоре последовали за битвой при Булл-Ране и отставкой генерала Скотта, была трансформация "мистера Скотта". Хукер превратился в "Бригадного генерала Хукера".

Хукер иногда позволял себе резкую критику даже в своих официальных отчетах. Во время битвы в Лукаут-Вэлли он послал часть своего левого крыла под командованием генерала Шурца на помощь генералу Гири; но первый запутался в своей топографии и не добирался до поля боя, пока не стало слишком поздно, чтобы помочь Гири, который успешно выполнил свою задачу. Он сообщил, в оправдание своей неудачи, что обнаружил на своем пути широкое болото и был вынужден обойти его. Хукер в своем официальном отчете, изложив оправдание генерала Шурца, очень спокойно добавляет, что он тщательно обследовал местность между лагерем генерала Шурца и полем боя и что такого болота, как описано, не существовало.

Еще одна критика в адрес некоторых его подчиненных во время битвы при Лукаут-Маунтин обрушилась на Хукера в связи с тем, что он слишком деликатно выразился, а Грант - слишком широко в своем одобрении. Во время штурма этой горы генерал Уолтер Уитакер командовал второй линией атакующей колонны под командованием Гири, и поскольку справа находился эшелон, Уитакер находился на некотором расстоянии в тылу. Когда линия фронта Гири достигла позиций повстанцев и заняла их, большое количество пленных и несколько пушек были захвачены и переданы линией фронта Уитекеру. Уитекер отправил пленных в тыл, обеспечил безопасность их самих и орудий; и в своем официальном отчете представил их как своих пленников. Гири в своем отчете упомянул, на что имел полное право, что захваченные принадлежали ему, и, таким образом, в отчетах было указано вдвое большее количество фактических захватов. Хукер в спокойной саркастической манере, чья ирония едва заметна тем, кто не знаком с обстоятельствами, упомянул об этом двойном отчете и назвал полное количество захваченного оружия и людей с ироничным восклицательным знаком в конце предложения. Грант подшутил над Хукером, подкрепив свой отчет заявлением о том, что количество перечисленного трофейного имущества превысило фактический объем, захваченный всей армией!

Когда Бернсайд командовал Потомакской армией, он выполнил приказ, который впоследствии был отменен президентом, уволившим со службы нескольких офицеров своей армии по разным причинам. Среди них был генерал Хукер, уволенный, как можно было естественно предположить, за критику действий своего командующего генерала при Фредериксберге. Приказ, который был известен как "Общий приказ № 8", не был приведен в исполнение и увидел свет только благодаря предательству клерка из управления генерал-адъютанта армии. Вместо того чтобы выполнить приказ, Бернсайд вскоре после этого подал в отставку, и Хукер принял командование своей армией.

Хукер покинул армию Камберленда из-за того, что открыто критиковал действия Шермана во время наступления на Атланту. Неспособность Шермана незамедлительно развить свой успех при захвате Снейк-Крик-Гэп и исправить ошибку Макферсона, отступившего из-под Ресаки в мае 1864 года, была особенно раздражающей не только для Хукера, но и для всех других командиров, которые видели, как Джо Джонстон ускользнул от Шермана вследствие этой задержки, и Хукер очень открыто назвал это ошибкой. Естественным следствием этого и последующих случаев откровенной критики со стороны Хукера стало создание в сознании Шермана некоторого значительного предубеждения против него. Шерман обладал слишком желчным темпераментом, чтобы когда-либо жертвовать возможностью излить свою злобу, и когда он находил повод, то старался негодовать на оскорбление, в котором Хукер был повинен, критикуя его, забывая, что Курций и Александр, Жомини и Наполеон когда-либо существовали. Такая возможность представилась. Когда Макферсон, командующий армией Теннесси, был убит под Атлантой, Хукера оставили старшим генерал-майором, командующим корпусом в ведомстве Шермана, и он, естественно, ожидал, что его назначат командующим, тем более что этого желал президент. Но Шерман назначил командующим генерала О. О. Ховарда, при условии, конечно, одобрения главнокомандующего. Мистер Линкольн телеграфировал Шерману, прося его назначить генерала Хукера; и после того, как Шерман повторил свое желание назначить генерала Ховарда, президент настаивал на назначении Хукера в более решительных выражениях. Генерал Шерман был полон решимости не назначать Хукера и со свойственной Шерману дерзостью ответил, что "его отставка была к услугам президента". Если бы мистер Линкольн был опытным военным, а не добродушным и снисходительным президентом, он бы, по крайней мере, наказал Шермана за такой недопустимый ответ, но он только улыбнулся этому и полюбил Шермана, как и все остальные, еще больше за то, что выглядело как независимость, а не дерзость. Следствием этого стало назначение Ховарда. Можно было бы назначить тысячу назначений и похуже, и я не знаю, но методичный Ховард больше подходил командованию, чем сделал бы Хукер. Хукер был оскорблен назначением Говарда — оскорбление было слишком вопиющим, чтобы его можно было не заметить, — и по его собственной просьбе президент освободил его от командования Шерманом и передал ему командование Северным департаментом.

Из того, что я сказал о склонности Хукера к критике, не следует предполагать, что он мстителен по натуре. Его отвращение не бесповоротно. Он всегда готов простить ошибку, когда ее исправляет успех. Он особенно постоянен в своих дружеских отношениях. Есть несколько примеров его дружбы к мужчинам, которые запоминаются ничем не примечательным, за исключением их постоянства и как иллюстрация доброты его сердца. Много лет назад он был особенно предан интересам своего скромного друга, с которым познакомился в Мексике при довольно странных обстоятельствах. Во время битвы при Чурубуско он был послан Пиллоу с приказом к одному из командиров бригад. Будучи вынужден пересечь перекопанное поле — очень распространенное явление в Мексике, — он пошел пешком, имея при себе только саблю. Когда он пересекал поле, на него внезапно напали, но не мексиканские копьеносцы, а мексиканский бык, который неожиданно бросился на него. Он немедленно развернулся и дал бой в стиле истинного *матадора*, нанося удары саблей при каждом удобном случае и отскакивая в сторону со всей активностью испанца на корриде. Однако ему быстро надоело это занятие, когда он увидел вдалеке рядового из Конных Стрелков и попросил его пристрелить зверя. После долгих хлопот он, наконец, привлек внимание солдата, который быстро выполнил приказ, пересек канаву и застрелил быка, к большому облегчению Хукера. Солдат сразу после

этого исчез, и Хукер обнаружил, что найти его невозможно, хотя по всему лагерю были предприняты поиски спасителя его жизни, поскольку Хукер упорно рассматривал его. Он не прекращал поисков и, наконец, нашел этого человека много лет спустя в Вашингтоне. Он был в нужде. Хукер, обладая некоторым влиянием, обеспечил ему должность в одном из департаментов Вашингтона, где он и остается до сих пор, являясь закадычным другом Джо Хукера и хвастаясь тем, что пользуется дружбой "командующего лучшей армией на планете".

Как и большинство нервных мужчин, Хукер неутомимо энергичен. Он бросается на все, как на врага, с наскока. Он энергично разговаривает с вами, быстро приводит аргумент за аргументом — аргумент, который требует не менее энергичного мышления, чтобы следовать за ним и отвечать на него, — связывает факты с инвективами и завершает грандиозным зарядом несокрушимого красноречия, которое производит почти такой же эффект, как грандиозная атака резервных сил в бою. Он работает с той же быстротой, с той же нервной, неиссякаемой энергией и не знает, что такое усталость. По энергии он не уступает Шерману, а по своей организованности и привычкам чем-то похож на Шермана, хотя и более элегантен. Хукер - само воплощение мужественной грации, достоинства, деликатности - чистокровный джентльмен. Хукер обладает энергией, равной Гранту, но у него нет грантовского терпения, стоицизма или невозмутимости. Он, как и Грант, не довольствуется ожиданием результатов. Его сила заключается в инерции, Гранта - в его весе. Возможно, именно потому, что Хукер так похож на него, и потому, что Говард обладал такими противоположными чертами характера, Шерман предпочел последнего на посту командующего армией Теннесси. У Говарда и Хукера есть определенные общие качества, но они так же различны по организации, как Шерман и Ховард. Говард, как и Хукер, законченный джентльмен с королевскими манерами. Никто, встречаясь с ними, не может не заметить, что оба одинаково грациозны, одинаково красивы, одинаково полны достоинства, внимательны, мужественны и обходительны. Но Говард, в отличие от Хукера, чрезвычайно методичен, всегда спокоен, владеет собой и обладает лимфатическим, а не желчным темпераментом. Хукер всегда сангвиник. Не следует предполагать, что, поскольку он быстрый работник, он легко сдается в своей поспешной работе. Его энергия никогда не иссякает, и он такой же настойчивый, как Томас, даже больше, чем Шерман, и соперничает в этом отношении с Грантом.

Название "Боевой Джо" очень оскорбительно для генерала Хукера, но я решил использовать его в качестве заголовка для этой статьи, потому что оно точно и кратко описывает характер этого человека. Оно досталось ему случайно, но оно было счастливым; и когда история подведет итог характеристикам наших героев, она применит его как показатель характера Хукера. Обстоятельства, при которых это было дано, следующие: Агент нью-йоркского агентства Associated Press часто вынужден в волнующие времена предоставлять свои телеграфные отчеты по частям, чтобы газеты могли доводить факты до сведения общественности так же быстро, как они были получены, и, следовательно, для правильной нумерации страниц ему приходится использовать так называемые "бегущие заголовки", или заголовки, каждый из которых повторяется на каждой странице. Когда отчет о битве при Малверн-Хилл был получен агентом Ассошиэйтед Пресс в Нью-Йорке, в этом городе царил такое сильное волнение, что оно распространилось даже на телеграфистов и переписчиков, которые обычно считались устойчивыми к подобной лихорадке возбуждения. В разгар сенсации, которую произвело это сражение, один из переписчиков, восхищаясь доблестью и отвагой генерала Хукера, как подробно описано в отчете, импровизировал в качестве "бегущей головы" заголовков "Сражающийся Джо Хукер", который повторялся страница за страницей. Две или три газеты

взяли это слово вместо лучшего в качестве заголовка для печатных отчетов и объявили о битве при Малверн-Хилл под этим названием. Имя "прилипло" и закрепилось за Хукером безвозвратно. Вместо того, чтобы принять титул как предначертание судьбы, он не может этого слышать. "Мне всегда кажется, - сказал он однажды, когда прозвучал намек на это, - что оно означает "Дерущийся дурак". Это действительно нанесло мне большой вред, заставив публику поверить, что я разъяренный, упрямый дурак, стремящийся совершать яростные броски на врага. Я никогда не сражался без благой цели и со справедливыми шансами на успех. Когда я решал сражаться, я делал это со всей энергией, на которую был способен".

Одно время преобладало очень общее представление о том, что генерал Хукер был запойным алкоголиком, очень часто позволявшим себе излишества, но в последнее время это было исправлено. Насколько я могу судить, впечатление было необоснованным. Оно возникло у того отвратительного класса юмористов, которые посвящают свою энергию обновлению старых шуток ради их современного применения. Многие из ложных впечатлений, которые ходили о мистере Линкольне, происходили из привычки Джо Миллеров того времени приписывать свои истории, как остроумные, так и вульгарные, мистеру Линкольну, а не ирландской нации, как раньше. Именно от этих же людей пострадал Хукер, и у трех четвертей тех, кто объявил его пьяницей, не было лучшего основания для этого утверждения, чем история, рассказанная как исходящая от мистера Линкольна, в которой Хукеру было рекомендовано избегать округа Бурбон при его проезде через Кентукки. Стиль жизни Хукера в лагере был элегантным, больше благодаря вниманию штабных офицеров, которые приставали к нему, чем его собственному желанию, вкусу или стараниям. Он всегда был безразличен к личному комфорту, хотя и очень придирчив к своей внешности.

Возможно, именно из-за его цвета лица появились истории о его пьянстве, но каждый, кто знаком с ним, знает, что его розовый оттенок для него естественен. Цвет его лица прекрасно сочетается с красным и белым, и он выглядит таким же румяным, как самая здоровая женщина на свете. Его кожа никогда не загорает и не отбеливается, но шелушится от воздействия окружающей среды, оставляя всегда видимым тот же розовый цвет лица. Испанские женщины в городе Мехико, у которых он был большим любимцем, описывали его цвет лица прилагательным, убогим испанским словом, которое я сейчас забыл, но которое, насколько я помню, означало "единственный мужчина, красивый, как женщина".

El capitan hermoso, "красивый капитан", было таким же распространенным выражением среди мексиканских дам мексиканской столицы, как "Бойцовый Джо" сейчас среди американской публики. *Эль буэн мозо* было еще одним выражением среди них; в то время как более близкие поклонники называли его *Эль гуэро*, "светловолосый". Светло-каштановые волосы теперь сильно тронуты сединой, и до недавнего времени *Эль буэн мозо*, симпатичный юноша, несмотря на разрушительное воздействие времени, был великолепно сохранившимся молодым джентльменом лет пятидесяти. Но высокая, прямая, мускулистая фигура *Эль капитана эрмосо* согнулась и ослабла, но не из-за возраста. Его животный дух так же велик, как и тогда, когда он маршировал по Мексике, но его физическая выносливость исчезла, возможно, навсегда. Его ясные глаза сегодня так же блестят, как и тогда, когда он был простым капитаном и начальником штаба генерала Пиллоу, но он не может так же проворно вскакивать в седло при звуке начинающегося сражения. 20 ноября 1865 года, когда он помогал на приеме генералу Гранту в отеле "Пятая авеню" в Нью-Йорке, его внезапно разбил паралич, и в беспомощном состоянии его доставили в его резиденцию. Он потерял способность пользоваться правым боком, ногой и

рукой и, как опасаются, станет признанным инвалидом. Его врачи заявляют, что паралитический инсульт был результатом удара, полученного Хукером в битве при Чанселлорсвилле почти три года назад. Эта болезнь очень сильно ослабила генерала; его фигура стала согнутой и истощенной, и что-то от симметрии его черт было утрачено. Очень мало надежды на его окончательное выздоровление питает кто-либо, кроме него самого; но ничто не может убедить генерала-сангвиника в том, что его здоровье не вернется к нему со временем.

ЛОВЕЛЛ Х. РУССО.

ГЛАВА VI.

ВОСПОМИНАНИЯ О РУССО.

Все неудачи находят свои особые извинения, и некоторые любопытные из них были придуманы поклонниками Макклеллана, чтобы объяснить исключительно неэффективную политику этого офицера. Эта политика теперь широко известна как "макнаполеоновская", в отличие от политики Фабиана, от которой она отличалась только тем, что Фабиан добился ценных результатов, а Макклеллан - нет. Молодой Наполеон, по мнению его почитателей, должен был осуществить все с помощью чистой стратегии, а восстание и его армии должны были быть подавлены без кровопролития. Этот великий стратег, по мнению этих авторитетов, не имел себе равных; все остальные генералы, такие как Томас, Грант, Хукер и т.д., были, согласно теории Макклеллана, *все* "боевыми генералами". Их сражения были простой резней; Грант был мясником; они и по сей день цитируют его кампанию в дикой местности, чтобы доказать это, и заявляют, что он потерял сто тысяч человек в боях к северу от реки Джеймс, но никогда не задумываются о том, что Макклеллан потерял девяносто тысяч человек, не вступая ни в какие бои и отступая, вместо того чтобы наступать к той же реке. Шеридан, по их мнению, простой рейдер, не имеющий представления о стратегии, а Томас, Хукер, Хэнкок и все остальные были *"все* боевыми генералами".

К этому "презираемому" классу боевых генералов, блестящими выпускниками которого, как я пытался показать, вопреки теории Макклеллана, являются Хукер и Шеридан, принадлежат генерал-майоры Джон А. Логан из Иллинойса и Ловелл Х. Руссо из Кентукки. Каждый из этих четверых наделен умом и создан природой для того, чтобы быть лидером мужчин. Хукер и Шеридан по образованию были подтвержденными генералами. Руссо и Логан всем обязаны природе и интуитивно являются лидерами, а не генералами. Первые двое получили образование в Вест-Пойнте, чтобы стать хорошими руководителями вооруженных батальонов, но любому из них "не по зубам" ограничивать себя исключительно направлением сражения, и поэтому их часто можно увидеть в бою, подчиняющимися велениям природы и возглавляющими атаки, которыми они должны руководить. Руссо и Логан никогда не пользовались преимуществами Вест-Пойнта, и, поскольку природа не сдерживается в них воспитанием, тот, кто ищет их на поле боя, должен смотреть вдоль линии фронта, а не в резерв. Ни Логан, ни Руссо не удовлетворились бы — на самом деле нельзя сказать, что они компетентны — руководить сражением большого масштаба: это было бы просто невыполнимой задачей ни для того, ни для другого, поскольку они не образованы и не созданы от природы для того, чтобы быть командирами в техническом смысле этого термина. Они не являются ни стратегами, ни даже тактиками. Оба смелы, отважны, полны энтузиазма по духу; у одного властный вид, а у другого вдохновляющий взгляд, и естественное и наиболее эффективное положение каждого - возглавлять безнадежные надежды или вести отчаянные атаки к успеху.

Такой же контраст между "Дерущимся Джо Хукером", высоким, возвышающимся и всегда грациозным, и "Маленьким Филом Шериданом", низеньким, быстрым и грубоватым, можно проследить между Руссо, огромной, великолепной, тяжеловесной и красивой фигурой, и "Черным Джеком Логаном", несколько низкорослой, но грациозной фигурой, на лбу которой расположена самая прекрасная пара глаз, когда-либо принадлежавших мужчине. *Личный*

состав этих четырех воинов очень сильно отличается. Хукер и Руссо - очень разные типы высокого и элегантного "божественного человеческого облика", а Логан и Шеридан иллюстрируют изящество и бестактность в маленьких людях; но великие сердца у обоих бьются одинаково, и на поле битвы отвага каждого одинаково заметна и эффективна.

Однако из всех этих героев Руссо, естественно, является лидером. Вся его карьера, гражданская и военная, иллюстрирует его как такового; и только в такой обширной стране, как наша, с такими разнообразными и сложными интересами, существующими друг в друге, любой человек мог достичь успеха, которым он был вознагражден, не приобретая в то же время такой славы, которая сделала бы его имя таким же известным в каждом доме, как слова нарицательные, и наделила бы его национальной репутацией. Тот факт, что на Востоке есть тысячи людей, которые ничего не знают о географическом положении западных полей сражений или истории военной карьеры наиболее выдающихся офицеров западных армий, свидетельствует об огромных масштабах последней войны и о существовании различных секционных интересов, которые были второстепенными по сравнению с великим, всепоглощающим чувством преданности всему Союзу. Ситуация также обратная, и такие выдающиеся люди, как Мид, Хэнкок и Сиклс, и сотни менее известных, едва ли известны на Западе. Народы Востока, естественно поглощенные интересами, которые им наиболее близки, хорошо знакомы с историей и достижениями избранных руководителей своих сыновей и братьев потомакских армий, но мало что знают в деталях о командирах западных армий. Для жителей Востока Роузкранс - это миф, о котором они помнят только то, что он потерпел поражение при Чикамоге; а о Томасе они знают немногим больше, чем то, что он был героем того же самого поражения. Они мало знают о Макферсоне, Макклернанде, Додже, Блэре, Оглсби, Остерхаусе и других, за исключением того, что они "были с Грантом" в Висксбурге и других местах. Действительно, вся армия Запада наслаждается на Востоке мифическим существованием, а Логан и Руссо живут в нашей памяти так же неопределенно, хотя и так же прочно, как многие персонажи романтических романов. Девять из каждых десяти, кого попросят рассказать, кто и что они собой представляют, будут озадачены ответом и скажут многое из того, что является чистой романтикой и ничем не иллюстрирует их характеры. И все же не было двух более выдающихся и популярных людей в армиях, с которыми они были связаны, чем эти два восходящих человека Запада.

Генерал Руссо, о котором предлагается поговорить в этой главе, не является ни стратегом, ни тактиком по правилам Вест-Пойнта, в науках которого он необразован, если не считать практического опыта последних четырех лет войны. Он не претендует на знание инженерного дела, стратегии или великой тактики, даже не разбирается в деталях логистики; но из всех тех, кто завоевал репутацию упорных и лихих бойцов, никто больше не заслуживает своей славы, чем он. Его битвы были блестящими, хотя и короткими; отчаянные и кровопролитные сражения, в которых больше помогали мужество и энтузиазм, вложенные в людей, чем стратегия и тактика. Если изучить карьеру Руссо, то обнаружится, что он всегда был на передовой, не только при Буэна-Виста, в нашем миниатюрном соревновании с Мексикой, при Шайло, Перривилле и Стоун-Ривер, но во всех аспектах и при любых обстоятельствах своей карьеры всегда был впереди и вел свой народ как в политике, так и на войне. Самообразованный и сделавший себя сам человек, обладающий сильными интеллектуальными способностями и способностью рассуждать, быстрый в принятии решений и побуждающий к действию, он всегда проявляет благородство человека, который руководит, а не следует общественным настроениям. В юности он остался младшим членом осиротевшей семьи, в которой его привычка принимать решения

сделала его главой и главной зависимостью. Эмигрировав в 1841 году в Индиану, он благодаря своим талантам стал лидером партии, которая никогда не добивалась успеха до его прихода и так и не добила его после его ухода на пенсию. Его личная популярность сохранила ему место в Сенате штата Индиана на шесть лет. В середине срока, на который он был избран в 1848 году, он вернулся в Кентукки и начал юридическую практику в Луисвилле. Демократы из Сената Индианы настаивали на том, что он должен уйти в отставку, поскольку является нерезидентом, но его избиратели не позволили ему уйти в отставку; и Руссо пригрозил в отместку вернуться на жительство в Индиану и снова баллотироваться в Сенат. Демократы боялись именно этого, и оппозиция сохранению Руссо своего места до конца президентского срока была подавлена. Демократы ограничились тем, что попытались высмеять его, назвав "депутатом от Луисвилля".

Вернувшись в Кентукки в 1849 году, Руссо был одним из немногих ее сыновей, которые были готовы поддержать или принять взгляды, которые тогда пропагандировал Генри Клей в отношении освобождения рабов. В 1855 году, когда "Ничего не знающий" поглотил его старую партию — вигов — и временно удерживал подавляющее большинство в своем городе, графстве и штате, Руссо стал лидером небольшого меньшинства, отвергнувшего ложные доктрины "американской" партии. Его яростное осуждение его практики, его склонности к насилию толпы и его упорное противодействие его посягательствам на права личности едва не стоили ему жизни от рук толпы, которая напала на него, защищая немца при голосовании. Он был ранен в живот и на два месяца прикован к постели, но испытал удовлетворение, когда снова выздоровел, узнав, что партия, с которой он сражался почти в одиночку, больше не существует организованной. Он также сыграл важную роль в 1855 году в спасении двух католических церквей Луисвилля от разрушения от рук толпы ничего не знающих людей и приобрел популярность среди обеих партий, когда страсти и возбуждение того времени улеглись, благодаря этим демонстрациям своего огромного мужества и чувства справедливости.

Однако Руссо завоевал свою популярность и утвердил свой характер не только благодаря политическим волнениям того дня. На протяжении многих прошедших лет — по крайней мере, для двух поколений до войны — суды Кентукки были известны множеством важных и захватывающих уголовных процессов, которые в них рассматривались, и ни одна коллегия адвокатов не предоставляла лучших возможностей для молодого юриста по уголовным делам. Со времени возвращения Руссо в Кентукки в 1849 году и до периода, когда он ушел в армию в 1861 году, в судах штата Кентукки не рассматривалось ни одного важного уголовного дела, в котором он не фигурировал бы на той или иной стороне. В 1843 году старая система ведения дел в судах общего права Англии, в том виде, в каком она существовала до того, как была урезана и изменена законодательством, была в моде в коллегии адвокатов Индианы, и по прибытии в этот штат Руссо вскоре обнаружил, что ни один юрист не может вести там респектабельную адвокатскую практику без специальных ходатайств. Юрист, который не был специальным защитником, в те дни часто обнаруживал, что его дело и он сам были исключены из суда, не имея точного представления о том, как это было сделано. Поэтому он изучал специальное судопроизводство как систему само по себе, изучая древнеанглийских авторов по этому вопросу, и после нескольких лет упорного изучения и практики вскоре стал одним из лучших специальных адвокатов на Западе. Когда он вернулся в Кентукки, эта система, не так широко применявшаяся там, принесла ему несколько триумфов, которые сразу же укрепили его характер и дали ему много практики. Как юрист-присяжный заседатель, Руссо не имел

соперника в своем округе с 1855 года; и покойный генеральный прокурор Соединенных Штатов Джеймс Спид признает, что он в долгу перед Руссо за несколько своих самых серьезных поражений перед присяжными. Зная особые юридические таланты Руссо, генеральный прокурор нанял его для оказания помощи в судебном преследовании Джеффа Дэвиса за государственную измену и для оказания помощи достойному Дж. Джон Х. Клиффорд и Уильям М. Эвартс в важной работе по определению государственной измены.

В 1857 году в Луисвилле состоялся судебный процесс весьма примечательного характера, который очень интересным образом иллюстрирует юридические способности Руссо, его решение и смелость. Семья из пяти или шести человек по имени Джойс была убита, а их тела сожжены в их доме недалеко от города. Подозрение пало на нескольких негров с соседней плантации, и их схватили соседи и пригрозили повесить, если они не сознаются. Один или двое из них на несколько мгновений отключились, а затем опустили руки, почти обессиленные, но все еще упорно заявлявшие о своей невинности. Однако другой, привязанный к столбу и подожженный вокруг него хворостом, согласился признаться и, чтобы избежать смерти от сожжения, признался, что он сам и другие арестованные вместе с ним совершили убийство. Негры — четверо из них, все принадлежали одному человеку — были брошены в тюрьму в ожидании суда. Их хозяин был убежден, что они невиновны, и решил нанять для них наилучшего доступного адвоката. Это было легче предложить, чем сделать, ибо волнение среди людей было столь велико, что, распространяясь на адвокатов, нельзя было нанять никакого другого адвоката, кроме Руссо, и он был вынужден вести защиту без посторонней помощи. Он всегда был очень популярен в районе, в котором было совершено убийство, и многие из его старых друзей по соседству навещали его и убеждали не жертвовать своей популярностью у них, защищая таких униженных и жестоких преступников, как эти негры. Напрасно Руссо убеждал, что чем больше вина, тем больше необходимость в адвокате. Его друзья не могли прислушаться ни к каким доводам разума и не видели оправдания в защите негров, которые заслуживали быть повешенными по их собственному признанию. Когда Руссо намекал, что не верит признанию, и ссылаясь на способ, которым оно было вымогано, они с отвращением уходили, и многие проклинали его как "проклятого аболициониста".

Когда начался судебный процесс, жители района, в котором было совершено убийство, днем и ночью толпились у здания суда. Единственный оставшийся в живых член семьи, молодой человек, также по имени Джойс, занял место за перилами зала суда, в то время как толпа его друзей держалась снаружи бара. Чувство враждебности в толпе по отношению к неграм не переросло в ярость только благодаря уверенности в их осуждении и наказании по закону; но справедливо высказывались опасения, что какое-то развитие судебного процесса может настолько возбудить свидетелей, что негров немедленно повесят. Этот страх был полностью оправдан, и попытка повесить их была сорвана только благодаря быстрым действиям и смелости Руссо. Единственным доказательством обвинения было показание негра, который дал признательные показания, и после обычных предварительных слушаний он был вызван для дачи показаний в открытом судебном заседании. Негр продолжал, запинаясь, излагать, со множеством противоречий, историю о том, как было совершено убийство и как дом загорелся в нескольких местах. Он заявил, что после того, как дом был почти объят пламенем, младший ребенок убитой семьи, двухлетняя девочка, которую в спешке не заметили во время резни, проснувшись от света, села в постели и спросила, зовя свою мать, "готовила ли она завтрак". На этой части показаний в зале суда воцарилась мертвая тишина. Охваченная ужасом толпа, казалось, на мгновение испугалась сделать вдох, а сам негр-свидетель, казалось, полностью

осознал опасность ситуации и заколебался. Наконец один пожилой джентльмен — я думаю, это был один из присяжных, — прикрывая глаза руками, как бы желая отгородиться от этой сцены, жалобным голосом произнес сквозь стиснутые зубы звук, который я могу выразить только словами "тю-тю! тут! тут! тут!" Полушипящий звук был слышен по всему залу суда, и когда он был услышан, по толпе пробежала холодная дрожь, за которой мгновение спустя последовал пунцовый румянец страсти на бронзовых щеках. Посреди безмолвного возбуждения — ибо это было волнение, столь глубокое, что почти лишало людей дара речи, — юный Джойс вскочил на ноги и воскликнул:

"Я хочу, чтобы все мои друзья, которые считают этих негров виновными, помогли мне их повесить".

Ему ответили диким криком и щелчком сотен пистолетов. С этими словами юный Джойс выхватил огромный нож из ножен, прикрепленных к его телу, и, ободренный ответными криками своих друзей, бросился на негров. Однако в этот момент Руссо, стоявший между ним и пленниками, схватил его одной рукой за горло, а другой сжал запястье руки, державшей занесенный нож. Такому могущественному человеку, как Руссо, потребовалось всего лишь мгновение, чтобы снова усадить Джойса на его место и прижать его там, пока он поворачивался лицом к толпе, которая бросилась на негров, но была отброшена назад шерифом и одним или двумя полицейскими. Как только они увидели положение молодого Джойса, все еще удерживаемого в кресле мощной рукой Руссо, толпа бросилась в том направлении. Руссо снова был быстр и решителен.

"Мистер Джойс, - сказал он, - скажите своим друзьям, что, пока они будут вешать негров, я буду присматривать за вами".

Джойс помахал своим друзьям единственной оставшейся свободной рукой, и квайет снова преуспел. Едва ли даже эта оперативность спасла бы Руссо, если бы он лично не пользовался популярностью у толпы. Когда толпа расступилась, он отпустил Джойса и резко повернулся к судье, который приказал шерифу вызвать полицию для защиты заключенных, и сказал:

"Не делайте ничего подобного. Не делайте ничего подобного, ваша честь. Мы можем защитить заключенных и самих себя. Здесь достаточно настоящих мужчин, чтобы защитить их от ярости этого молодого человека.

"Где ваши друзья?" - кричала все еще разъяренная толпа.

"Так и есть!" - воскликнул Руссо, резко поворачиваясь к ним - я бы сказал, к ним. А затем, не колеблясь ни секунды, он начал краткую речь, в которой страстно убеждал и умолял их помочь ему помешать Джойсу, которого он охарактеризовал как "этого несчастного молодого человека", совершить поступок, который навсегда останется для него проклятием, пока у него есть память об этом, и который навсегда опозорит их как законопослушное сообщество. Пока он еще говорил, толпа успокоилась, и когда он закончил расписывать чудовищность преступления и раскаяние молодого человека, если бы ему позволили совершить столь тяжкое преступление, они приветствовали его, и по залу пронесся частый и повторяющийся шепот: "Он прав"; "Он прав"; "Руссо всегда прав!"

С тех пор суд протекал спокойно до оглашения вердикта "невиновен", когда разыгралась еще одна ужасная сцена; но поскольку на такой случай были приняты меры, негров для защиты отвели в тюрьму. Люди были удовлетворены тем, что негры виновны, и приговор (вынесенный Руссо путем демонстрации несоответствия признания обстоятельствам, угрозам и террору, с помощью которых оно было добыто) только усилил их страсть. Тюрьма была окружена, и на следующую ночь после оправдательного приговора толпа вывела негров и повесила на деревьях на территории мэрии. Во время беспорядков мэр города мистер Пилчер, пытаясь утихомирить толпу, был поражен снарядом в голову и вскоре скончался от последствий полученной травмы.

Это и несколько других судебных процессов в конечном итоге привели к росту популярности Руссо. Два или три из его наиболее важных дел касались защиты людей, обвиняемых и, несомненно, виновных в оказании помощи неграм в побеге из рабства. Вряд ли можно понять, что менее десяти лет назад это преступление считалось самым преступным деянием, которое человек мог совершить в Кентукки, или что мужчин приговаривали к пятнадцати годам каторжных работ за такие преступления, или что осужденные все еще отбывают свой срок за эти преступления в тюрьмах Юга. Выступать в защиту таких преступников несколько лет назад, даже на широте Луисвилля, значило считаться "аболиционистом", и лишь немногие из юристов Кентукки за десятилетие до войны хотели носить такой характер. Руссо, не заботясь о репутации, не боялся ее; и его мужественное поведение во всех подобных случаях и в политическом ажиотаже того времени настолько подняло его в глазах общественности, что в 1860 году он был избран в Сенат штата Кентукки без оппозиции и в качестве кандидата от обеих партий, чье единственное соперничество по отношению к нему заключалось в том, какая из них первой обеспечит принятие его кандидатуры. Именно занимая этот пост сенатора штата, Руссо начал свое смелое противодействие нейтралитету Кентукки, который выдвинул его на столь видное место в стране и открыл ему ту карьеру, в которой он завоевал столько почестей и такое высокое звание.

Подлинная история нейтралитета Кентукки - один из самых романтических эпизодов войны. Дальновидные интриганы, спланировавшие Южную Конфедерацию, были виновны в десятках химерических и ошибочных планов, поверхностность которых сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос, как они вообще могли обмануть южан. Лидеры повстанцев заявляли — и заявляли это так часто, что на самом деле сами в это верили, — что северяне не будут сражаться. Они хвастались, и хвастались так часто, что через некоторое время начали верить, что один южанин действительно может побить пятерых янки. Они столько лет обманывали себя доктриной прав государств, что лидеры и люди начали верить, что часть корпоративного тела может существовать без помощи остальных, и предложили современному и просвещенному веку национальную иллюстрацию басни Эзопа о безумии желудка. Когда планы лидеров повстанцев достигли кульминации и они обнаружили, что население Приграничных штатов не склонно, в отличие от жителей Хлопковых штатов, спешно втягиваться, невзирая на последствия, в войну, в которой им нечего выиграть и все можно потерять, они с проникательностью, достойной славы юриста из Филадельфии, разработали не менее дальновидные схемы, согласно которым закон может существовать без власти, и что часть тела, и эта часть сердца, может приостановить свою деятельность, пока остальная часть подвергается жестокому возбуждению. В Теннесси, где первый названный план оказался успешным, повстанцы обманом заставили членов Профсоюза пропагандировать доктрину "отказа от принуждения". В Кентукки, где их полному успеху в осуществлении второго плана

помешала только проницательность Руссо, повстанцы обманом заставили юнионистов отстаивать доктрину "нейтралитета". Дважды жители Теннесси голосовали против сотрудничества с мятежными штатами; и когда повстанцы снова осмелились проверить этот вопрос на выборах, они воплотили в соревновании принцип, согласно которому "правительство в целом не может принуждать суверенное государство", и в поддержку этой доктрины глупо согласились антисецессионисты. Первый акт президента, призвавший войска для обеспечения соблюдения законов, был истолкован как принуждение, и штат отделился. Трижды штат Кентукки подавляющим большинством голосов голосовал против отделения, но повстанцы не отчаивались, и, не сумев заставить людей отделиться или заявить против права на принуждение, они пытались, хотя и с частичным успехом, обязать власти и юнионистов соблюдать так называемый "строгий нейтралитет".

Повстанцами в Кентукки руководил персонаж, похожий на Кассиуса, по имени Симон Боливар Бакнер. Он был посвящен в тайны и представлял интересы лидеров диссоюза за годы до того, как был совершен первый открытый акт отделения, и в течение трех или четырех лет, предшествовавших 1861 году, был вовлечен в планы по выведению государства из состава Союза и по снабжению войсками будущей повстанческой армии. Основным из этих планов была организация самого нерегулярного ополчения штата в сильный орган, известный как "Государственная гвардия". Бакнер всеми доступными ему средствами — и его сообщники по государственной измене, которые также были у власти, оказывали ему большую помощь — поощрял этот план. Он создал боевой дух среди молодежи Кентукки и с помощью Тилмана, Ханта, Хэнсона и других, которые в конечном итоге стали генералами повстанцев, распространил этот дух на все части штата. Он был человеком, в высшей степени пригодным для выполнения такой задачи, и своим двуличием и мастерством подорвал веру в Союз и любовь к Нему, существовавшие среди молодых людей, формировавших Государственную гвардию. За годы до того, как большинство из них заподозрило, что когда-либо будет предпринята попытка отделения, они привыкли смотреть на институты, доктрины и даже на флаг Союза с безразличием, если не с презрением. Флаг Кентукки стал флагом гвардии, и Бакнер даже попытался исключить флаг правительства из организации. Различная униформа различных ополченческих организаций разных округов была заменена по приказу Бакнера униформой серого цвета, которая в конечном итоге оказалась униформой повстанческой армии. Различное вооружение разных компаний было заменено оружием одинакового калибра. Организация, которая первоначально включала только роты, была распространена на дивизии и полки, а бригады формировались и муштровались в лагерях как таковые. Фактически, почти за год до отделения Южной Каролины государственная гвардия Кентукки, которой командовал Симон Боливар Бакнер в качестве генерального инспектора, была просто группой новобранцев для зарождающейся повстанческой армии. Это немного чуждо теме, но я могу также добавить сюда тот факт, о котором я никогда раньше не слышал, что в то же время и, несомненно, с той же целью поощрялся боевой дух молодежи всех Южных штатов. Организация ополчения различных штатов была тщательно перестроена и систематизирована, приобреталось лучшее оружие, такого же рода обмундирование, и, судя по всему, повстанческая армия в том виде, в каком она существовала впоследствии, набиралась в 1858-9 и 60 годах.

Эта организация под руководством Бакнера существовала, когда был установлен нейтралитет, и новые доктрины придали ей и возглавлявшим ее предателям дополнительную силу, в то время как это служило прикрытием их замыслов. Огромное количество ведущих профсоюзных деятелей штата присоединились к лидерам повстанцев в поддержку этой доктрины, какой бы

нелепой и непоследовательной она сейчас ни казалась. Подавляющее большинство людей, голосовавших против отделения, также стали привержены доктрине визионеров, пока она не стала общепринятой политикой государства; так что, когда Ловелл Руссо в Сенате в мае 1861 года осудил нейтралитет как маску сепаратистов, с одной стороны, и позорную уступку юнионистов - с другой, он нашел мало тех, кто согласился с ним, и еще меньше тех, кто поддержал его в его общепризнанной цели отмены нейтралитета и постоянного помещения государства в надлежащее положение как независимого государства. истинный член Союза, как среди бедствий войны, так и в условиях процветания мира.

Общественность не была готова последовать за ним, и он был вынужден принять нейтралитет как компромисс между союзом и отделением, между правильным и неправильным, но делал это под публичным протестом в Сенате штата и заявлял при каждом удобном случае, что это унижительная позиция, от которой он намеревался отказаться, как только сможет побудить штат последовать за ним. Он не нашел большой поддержки в этой почетной войне за нейтралитет, пока сепаратисты под предводительством Бакнера не пошли на шаг дальше и не предложили, после того как военные действия практически начались, превратить нейтралитет Кентукки в "вооруженный нейтралитет", настаивая на том, чтобы войска штата были вооружены для противодействия посягательствам либо повстанцев, либо войск Союза. В этом предложении Руссо увидел возможность для прямого конфликта с повстанцами, и он быстро воспользовался этим. Он увидел в этом реальную помощь восстанию. Против этого плана, который предполагал выделение трех миллионов долларов на вооружение "гвардии штата Кентукки", он сразу же начал крестовый поход, столь же серьезный, сколь и неутомимый. Он осудил Государственную гвардию и ее лидеров как сепаратистов и предателей, набросился на них в залах заседаний Сената и на the stump и не только провалил законопроект, но и очень удачно преуспел в разделении Государственной гвардии на две соперничающие организации, известные как "Ополченцы" (юнионисты) и "Государственные гвардейцы" (повстанцы). В то время он называл это "отделением овец от козлов". Это было самое удачное достижение, ибо оно не только спасло тысячи молодых людей, принадлежащих к Государственной гвардии, от невольного вовлечения в армию повстанцев, но и ускорило замыслы повстанцев и ускорило дезертирство, которое было неизбежно. Это было достигнуто в условиях личных трудностей, противодействия и опасностей, что только делало труд более приятным для человека с темпераментом Руссо. Он наслаждается оппозицией; чувствует себя в своей стихии только тогда, когда находится в меньшинстве, и ему решительно противостоят; а его воинственный нрав привел к тому, что он с радостью принимал не только многочисленные тупиковые и уличные дискуссии и диспуты, но даже уличные ссоры и драки с сепаратистами. Сторонники повстанцев редко осмеливались нападать на него открыто, его смелый фронт всегда поддерживался, из-за чего они предпочитали применять против него свою стратегию и хитрость, а не вступать в открытую войну. На него, как на главу и передовицу преступной группы, они обрушили все свои оскорбления и поношения, но не осмелились сделать ничего большего.

Этот раскол в Государственной гвардии вскоре стал серьезным делом, и "дезертирство", как предатели называли отставку членов Профсоюза, стало довольно массовым. Каждый инцидент усиливал это чувство; с каждым днем разногласия и брешь становились все шире. Однажды Бакнер проводил смотр гвардейскому полку, который был расквартирован в Лексингтоне, Кентукки. Чувства между партизанами, входившими в состав полка, стали весьма

демонстративными, и по этому случаю капитан Сондерс Д. Брюс, офицер союза полка (впоследствии полковник Двадцатого пехотного полка Кентукки, ныне проживающий в Нью-Йорке и редактор газеты "Филд, дерн и ферма"), появился в строю с двумя маленькими флагами Соединенных Штатов в качестве ориентиров для своей роты. Бакнер, заметив их, подошел к капитану Брюсу, приказал ему выйти вперед на виду у всего полка, объяснил ему, что Кентукки соблюдал нейтралитет в продолжавшейся тогда "неудачной борьбе", и приказал ему заменить флаги штата. Брюс, не отвечая, повернулся к своей роте, и, словно собираясь подчиниться, отдал приказы: "Внимание, рота"; "Руки на плечи"; "Направо лицом"; "Марш вперед", - и "Лексингтонские егеря" вышли из строя и, если уж на то пошло, из состава государственной гвардии. Не было предпринято никаких попыток остановить компанию или призвать Брюса к ответу за его "неподчинение".

Как только работа по разделению государственной гвардии была таким образом завершена, Руссо поспешил в Вашингтон, чтобы получить разрешение президента на набор войск в штате для службы в Соединенных Штатах. По пути в Вашингтон он побеседовал в Цинциннати с генералом Макклелланом, в то время командовавшим Западным департаментом, и обнаружил, что тот настроен против его плана. Макклеллан направил в Вашингтон своего помощника, полковника Ки (впоследствии уволенного из службы за нелояльных высказываний), чтобы представить план Руссо как опрометчивый. В то же время "кроткие" юнионисты послали в Вашингтон других, чтобы убедить президента не давать Руссо разрешения на ввод войск, утверждая, что это сразу же ускорило бы вторжение повстанцев в штат. Руссо, следовательно, столкнулся с большими трудностями в получении требуемых полномочий, но смело подошел к вопросу.

Он был представлен президенту и кабинету министров госсекретарем Чейзом, который был его энергичным другом в этом вопросе и который впоследствии оказал ему материальную помощь в преодолении возражений президента против проекта. Прежде чем он закончил пожимать руку рослому кентуккийцу и солдату, президент добродушно сказал: "Руссо, я хочу, чтобы ты рассказал мне, откуда ты взял эту шутку о сенаторе Джонсоне от твоего штата".

Упомянутая "шутка" была одной из самых изящных из многочисленных сухих шуток мистера Линкольна и заключалась в следующем: сенатор штата Падука, Кентукки, по имени Джон М. Джонсон, который приобрел печальную известность как сепаратист, написал мистеру Линкольну в мае 1861 года очень торжественный и решительный протест от имени суверенного штата Кентукки против оккупации и укрепления Каира, расположенного на Иллинойской стороне реки Огайо. Мистер Линкольн ответил письмом, написанным в его собственном характерном ключе, принося извинения за движение, обещая этого не следует делать снова, и заявил, что если бы он хоть наполовину подозревал, что Каир, штат Иллинойс, находится в сенатском округе доктора Джонсона в Кентукки, он бы дважды подумал, прежде чем посылать туда войска. Руссо слышал эту историю и повторил ее в речи в Сенате, и объяснение того, как она получила огласку, было тем, чего потребовал президент. Руссо объяснил.

- Шутка была слишком хороша, чтобы оставить ее себе, сэр, и поэтому Джонсон рассказал ее сам.

Интервью, столь благоприятно начавшееся, оказалось неудачным. Кэмерон и Чейз были единственными в кабинете министров, кто выступал за ввод войск в Кентукки; и когда они высказали это мнение, президент посоветовал им не торопиться, заметив:

- Вы знаете, что сегодня мы видели еще одного мужчину из Кентукки.

"Я не прошу вас говорить, кто был этот человек, господин президент", - сказал Руссо, подозревая, что это был полковник Ки, и стремясь опередить его, поскольку он заявил о своем намерении выступить против плана. "но полковник Ки не кентуккиец и не знает и не понимает наш народ. Если вам нужны войска в моем штате, я могу и наберу их; и я думаю, что ваш долг перед нашим народом в Кентукки начать работу по призыву там, потому что, если повстанцы наберут войска, а мы нет, естественно, многие молодые люди будут уведены от службы из-за своих симпатий к родственникам и соратникам; в то время как если вы начнете работу по призыву, у лояльной молодежи будет что-то, что направит их в нужное русло".

Таким образом, Руссо представил президенту, что он сделал, чтобы сорвать планы повстанцев вооружиться за счет Кентукки и разделить ополчение штата на два класса. Он внушил верным ополченцам *корпоративный дух*, который уберег бы большую их часть от какой-либо связи с сепаратистами; но он также показал, что в штате были тысячи молодых людей, которые не решили следовать ни за повстанцами, ни за лояльным знаменем, и что, зная это, повстанцы набирали рекрутов в каждой части штата. Тысячи молодых и безрассудных будут, и сотни уже вовлекаются таким образом в армию повстанцев, и он утверждал, что правительство должно проводить набор в этом нейтральном государстве в качестве поощрения молодых людей вступить в лояльную армию.

Но Президенту потребовалось время на раздумья, и Руссо удалился. На следующий день мистер Чейз оформил в обычной форме полномочия, о которых просил Руссо, и Камерон подписал их и присвоил ему звание полковника, датируемое 15 июня 1861 года. И Чейз, и Кэмерон пообещали приложить все усилия, чтобы получить санкцию президента на этот закон, чтобы Руссо мог чувствовать себя совершенно свободно и приступить к работе. Руссо было предоставлено еще одно интервью с президентом, который после некоторого дальнейшего разговора на эту тему одобрил первоначальное ходатайство Руссо о разрешении набрать войска следующим образом:

"Когда судья Пиртл, Джеймс Гатри, Джордж Д. Прентис, Харни, Спида и Балларды сочтут уместным собрать войска для службы Соединенным Штатам в Кентукки, Ловелл Х. Руссо уполномочен это сделать".

Это он протянул Руссо и спросил: "Это подойдет?"

Руссо внимательно прочитал его, а затем ответил, несколько разочарованный:

"Нет, господин президент, так не пойдет".

"Почему нет, почему нет, Руссо? Эти люди - хорошие профсоюзные деятели".

"Да, сэр, хорошие люди и лояльные, мистер Линкольн, но почти все они расходятся со мной во мнениях по этому вопросу, привержены отвратительной доктрине нейтралитета, и будет слишком поздно, когда большинство из них придет к выводу, что было бы уместно собрать

войска. Тогда, боюсь, штат отделится. Я надеялся, сэр, что то, что Военное министерство сделало в моем случае, будет приемлемо для вас".

"Что сделал Кэмерон?" - спросил президент.

- По совету мистера Чейза он уполномочил меня сформировать два полка в Кентукки.

"О! - воскликнул мистер Линкольн, прочитав документы. - Если Военное министерство действовало в этом вопросе, мне нечего возразить".

Руссо, испугавшись, что может быть сказано слишком много, сразу же встал, пожал президенту руку и исчез.

По возвращении в Кентукки Руссо, уважая пожелания президента, как это подразумевается в одобрении его документа, проконсультировался с Джеймсом Спидом и через него созвал собрание названных джентльменов, а также других лиц в городе Луисвилл и внутренних округах штата. К большому удивлению мистера Спид, только он сам, его брат Джошуа, Блэнд и Джон П. Баллард, Сэмюэл Ласк, Морган Вэнс и Джон Х. Уорд, меньшинство участников собрания, едва ли внушительное по численности, высказались в поддержку проекта. Пиртл, Гатри, Прентис, Харни, Брамлетт, Бойл и другие решительно выступали против этого и в конце концов приняли резолюции о том, что время еще не пришло; что тогда было бы неapolитично, неразумно и неприлично набирать войска на службу в Соединенные Штаты в Кентукки; но добавив, что, когда время действительно придет, все они хотели бы, чтобы Руссо, которому они выражали полное доверие, возглавил движение. Руссо решил, что таков будет результат их обсуждения (от которого он отказался перед окончательным действием), и определился со своим курсом; так что, когда Джошуа Спид на следующий день вручил ему резолюции, Руссо не был ни удивлен, ни огорчен, но испытал сильное отвращение. Через несколько минут после ухода мистера Спид по этому поводу он встретился с Брамлеттом, впоследствии губернатором штата, и этот джентльмен начал защищать большинство участников собрания накануне вечером за их действия по этому вопросу, когда Руссо прервал его, спросив, было ли сказано что-либо против ввода им войск в других штатах. Брамлетт ответил отрицательно, когда они расстались, и Руссо немедленно начал набор жителей Кентукки, но разбил свой лагерь и привел к присяге новобранцев в Индиане. Быть вынужденным делать это было очень унижительно для Руссо, но это не обескуражило его, и он энергично взялся за свою работу. В то время на его пути стояли более серьезные препятствия, чем простое противостояние людей относительно времени и места. Когда он начал работу по вербовке, у правительства в Кентукки не было кредита, и расходы по вербовке и прокорму двух тысяч новобранцев покрывал он сам и джентльмен, живущий в Индиане, по имени Сэмюэл Паттерсон, чье имя, за его преданную преданность, заслуживает того, чтобы войти в историю. Несмотря на эти препятствия, несмотря на то, что каждая газета штата высмеивала проект и потешалась над проектантом, тем не менее новобранцы Руссо — повстанцы называли их "оборванцами Руссо" — увеличивались в численности и дисциплине, пока не стали грозными и в конце концов не спасли город от оккупации повстанцами.

С того времени, как начался набор лояльных, проблема между юнионизмом и отделением стала прямой, а нейтралитет стал практически мертвой буквой. Маска повстанцев была сорвана, и люди больше не были обмануты замыслами сепаратистов. По всему Кентукки, и особенно в Луисвилле, где проблема была представлена наиболее ярко, результатом сложившейся

ситуации были необычные сцены; и с этого времени и до оккупации штата противоборствующими армиями Луисвилл находился в любопытном состоянии. Вербовочные пункты повстанцев и Профсоюзов были расположены на одних и тех же улицах и имели одинаковый внешний вид, за исключением того, что повстанцы не осмелились водрузить свой флаг и демонстрировали только флаг Кентукки. Отряды новобранцев из Профсоюзов и повстанцев ежедневно встречали друг друга на улицах *по пути* в свои лагеря и приветствовали друг друга стонами, шипением и насмешками, но не предпринимали попыток насилия. День прошел шумно под "ура повстанцев" в честь Джеффа. Дэвис и Конфедерация", и ночь, ставшая отвратительной из-за повстанческих песен, срывающихся с мятежных глоток, у которых не было жалкого оправдания в виде того, что они охрипли от алкоголя. Многие из их песен были написаны на очень красивые мотивы, и часто большие толпы восторженных молодых людей собирались в главных питейных заведениях города и присоединялись к этим припевам, создавая очень красивую мелодию, но произнося дьявольски скудные сантименты. Часто эти песни были вдохновлены появлением какого-нибудь хорошо известного члена Профсоюза, вокруг которого они собирались, как ведьмы в "Макбете", и которому они пели свои песни, словно бросая вызов. Эти сцены и песни часто приводили к опасным столкновениям и беспорядкам. Разделение чувств, вызванное таким положением дел, проникло в семьи и распространилось даже на церковные собрания. Я вспоминаю один печальный случай в семье полковника. Генри Клея, сына мудреца из Эшленда, и того, кто так славно пал при Буэна-Виста. В 1861 году двое его сыновей, Томас и Генри Клей, жили в Луисвилле. Один из них, Томас, был очарован манерами и проникся идеями Бакнера и последовал за ним в Конфедерацию, и, как оказалось, на разорение и в могилу. Генри, младший брат, более вдумчивый, тихий молодой человек, менее восторженный, но более настойчивый, чем Томас, вступил в армию Союза и до своей ранней смерти служил в штабе генерала. Ричард У. Джонсон. Один из самых забавных примеров воздействия преобладающих настроений произошел в одной из церквей Луисвилля, где по случаю молитвенного собрания известный сепаратист и видный профсоюзный деятель устроили то, что в то время называлось "молитвенным поединком". Во время молитвенного собрания священник попросил брата-отщепенца помолиться, что тот и сделал, прося, среди прочего, "отстранения наших злых правителей". Он не объяснил, кого он имел в виду под "злыми правителями", но прихожане знали; поэтому, не дожидаясь вызова, профсоюзный брат попросил прихожан присоединиться к его молитве и помолился о "правителях, поставленных над нами, и смещении с места его власти предательского губернатора Кентукки". Это был настоящий вызов; склонный к бунту брат считал своим долгом ответить и сделал это в обычной молитве за отделение, прося благословения небес на "правительство Конфедерации, правителей и народ" и "замешательство в советах северных аболиционистов и вандалов". Чтобы завершить поединок и положить конец словесной перепалке, юнионист ответил обычной молитвой true blue Union, прося, чтобы Бог благословил и способствовал процветанию дела Профсоюза, улыбнулся ее рукам, привел ее солдат к победе, поразил предателей и вернул им верность наших заблудших братьев с Юга; и завершил кульминацию, которой он достиг, произнеся гимн, начинающийся

"О, победи эту мятежную волю".

Сепаратист не ответил, и таким образом юнионист одержал свою первую победу. Он был выпускником Вест-Пойнта, но я не уверен, что то, чему он там научился, сильно помогло ему в его молитвенном поединке.

Накал этого конфликта идей и страстей достиг своей кульминации в Луисвилле на следующий день после битвы при Булл-Ране и вызвал одну из самых замечательных сцен, свидетелем которых я когда-либо был. Первое телеграфное сообщение о сражении, опубликованное на следующее утро после сражения, носило в высшей степени благоприятный характер, и юнионисты Луисвилля завтракали и переваривали радостную весть о первой великой победе с твердым убеждением, что мистер Сьюард был прав и что война закончится через девяносто дней, если не раньше. В то утро все было *в розовом цвете* даже для менее оптимистичных натур, чем мистер Сьюард. Около полудня того же дня начали поступать плохие новости, но люди не знали ничего определенного относительно окончательного результата сражения примерно до трех часов дня, когда появились дневные выпуски газет. Затем весть о победе повстанцев распространилась со скоростью лесного пожара, и через полчаса — в то время казалось, что это произошло мгновенно — весь город превратился в настоящее столпотворение. Флаг повстанцев, который до тех пор скрывался от света, развевался на зданиях и жилищах, из окон вагонов в руках женщин, на омнибусах, телегах, грузовиках и повозках в руках обезумевших от возбуждения мужчин. Мужчины на лошадях, с развевающимся флагом повстанцев, бешено мчались по главным улицам, крича хриплыми голосами: "Ура Джеффу. Дэвис". Улицы были полны пьяных и шумных повстанцев, которые улюлюкали в адрес членов профсоюза, подбадривали сепаратистов, обнимали друг друга и до хрипоты кричали "браво" в честь "Джейфа Дэвиса". Почти на два часа мятежники полностью овладели городом и столпились вокруг своего главаря, печально известного парня по имени Джон Томпкинс, всячески выражая свой восторг. Было решено, и Томпкинс объявил о своем намерении, поднять флагшток и вывесить флаг повстанцев на крыше редакции газеты "Курьер", и чтобы помочь ему в этом, повстанцы собрались вокруг него. Но так было predetermined, что этот подвиг не должен был быть совершен. Один из полицейских города по имени Грин, получив приказ подавлять все шумные демонстрации, в которых Томпкинс был виновен, восхваляя Дэвиса и Конфедерацию, подошел к нему и приказал прекратить. Единственным ответом было повторение правонарушения. Грин снова повторил свой приказ, объяснив, что таковы были его инструкции, когда Томпкинс выхватил пистолет и, отступив на несколько шагов, выстрелил в полицейского. Одновременно Грин отступил на несколько шагов, одновременно выхватывая пистолет, и, в ответ на безрезультатный огонь противника, выстрелил бунтовщику прямо в сердце, мгновенно убив его. Никогда еще бунт не подавлялся так дешево и так мгновенно. Через десять минут после смерти главаря бунтовщики разошлись, флаги повстанцев исчезли, возгласы в поддержку Дэвиса стихли: на улицах не осталось ни одного мятежника, не было видно ни одного развернутого флага, не было слышно ни единого возгласа, и Луисвилл спал в ту ночь крепче, чем за последние месяцы.

Сепаратисты Луисвилля, однако, не отказались полностью от своих усилий по оказанию помощи повстанцам, но 17 августа они созвали митинг сочувствия Югу. Ночью, следуя призыву, они рано собрались с силами в здании суда. Их лидеры находились на трибуне, красиво украшенной белыми флагами или флагами "мира", ожидая, когда зал заполнят их друзья, и несколько встревоженные появлением многочисленных известных юнионистов, или "аболиционистов", как их тогда называли сторонники повстанцев. Все было готово к открытию мирного собрания, и Джеймс Трабу, главный лидер сепаратистов, поднялся, чтобы призвать собрание к порядку, когда Джеймс С. Спид, покойный генеральный прокурор Соединенных Штатов, спокойно взошел на трибуну и приблизился к столу, приготовленному для председателя. Он привлек внимание палаты представителей, постучав тростью по столу, с

презрительным видом отбросил в сторону флаги "мира" по обе стороны от себя и собирался заговорить, когда его прервали крики лидеров повстанцев, которые настаивали на том, что палата принадлежит им и что на собрании должны выступить они. Среди всеобщего возбуждения, перекрывая поднявшийся шум, был слышен громовой голос Руссо, предлагавшего судью Спид в качестве председателя собрания. Он немедленно поставил вопрос на голосование. Оглушительное "Да!" заглушило "Нет" мятежников, и, совершенно спокойный и хладнокровный, мистер Спид протянул руку вперед, снял белые флаги с подставки и развернул вместо них два маленьких звездно-полосатых транспаранта. В одно мгновение, словно по предварительной договоренности, в разных концах зала были развернуты большие и малые флаги Соединенных Штатов, и через десять минут сепаратисты покинули зал под стоны лояльных граждан. Судьи Спид и Харлан, а также господа. Вулф, Руссо и другие выступили с резкими выступлениями против нейтралитета Профсоюза, и собрание приняло несколько очень решительных резолюций. После создания Руссо Профсоюзного вербовочного лагеря напротив Луисвилля это дело стало первым решительным шагом, предпринятым юнионистами Кентукки, чтобы сохранить штат в Союзе.

Тем временем Руссо тихо, но быстро пополнил свои два полка, как было разрешено, и они были приведены к присяге. Фремонт в то время испытывал нехватку войск в Миссури и послал своего помощника, Ричарда Корвина из Огайо, проинспектировать силы Руссо и, если их сочтут пригодными для полевой службы, подать заявку на это в Вашингтон. Руссо стало известно, что его отправят в Миссури (ему все больше хотелось поступить в любой департамент, где активная работа дала бы ему возможность добиться продвижения по службе и репутации), и он решил хотя бы раз вторгнуться на территорию Кентукки, прежде чем отправиться туда, и поэтому объявил о своем намерении провести свой корпус парадом по улицам Луисвилля. К нему явилась делегация мятежников и нейтральных граждан, которые умоляли его отказаться от своего намерения, представляя, что возмущенные граждане восстанут в своем гневе и нападут на его солдат.

"Клянусь небом! — воскликнул Руссо. - Проклятые негодяи получают достаточно, прежде чем я покончу с ними".

Марш бригады по городу прошел спокойно, и она вернулась в лагерь, не получив более смертоносного залпа, чем несколько проклятий от нейтралов и сепаратистов. Одним из последствий парада и объявления о намерении отправить Руссо в Миссури стало представление президенту обращения, подписанного руководителем Профсоюза, протестующего против удаления Руссо из окрестностей города. Копия этого протеста была показана другом полковнику Руссо. Когда он прочитал это, он пришел в ярость, проклиная протестующих людей как группу марплотов, которые выступали против него на каждом шагу, и он немедленно предпринял шаги, чтобы свернуть лагерь и отправиться в Миссури до того, как поступит приказ об отмене приказа. Однако он был остановлен в разгар своих приготовлений и по приказу президента Линкольна оставаться в лагере "Кэмп Джо Холт", название, данное его лагерю, в честь военного министра полковника Джозефа Холта, ныне генерального судьи-адвоката армии. Это был удачный заказ для прекрасного "Города Водопадов".

Бакнер все это время не сидел сложа руки, и набор в "Кэмп Бун", лагерь повстанцев Кентукки, действительно шел под его руководством, но якобы вопреки его желаниям; и несколько тысяч жителей Кентукки и большие силы жителей Теннесси и других южных войск собрались на

южной границе штата с целью захвата Луисвилля и других мест и создания оборонительной линии вдоль реки Огайо. Если бы этот проект не был сорван позицией и силой Руссо, судьба Конфедерации не была бы решена так быстро, как это было сделано. Линию Огайо, оккупированную повстанцами, было бы очень трудно прорвать. Если бы река Огайо была блокирована орудиями повстанцев, силы Союза вдоль нее получали бы питание и передвигались с большим трудом. Впоследствии, к разочарованию этого проекта Руссо, Кентукки предоставил девяносто тысяч человек в армию Союза, немногие из которых или вообще ничего не получили бы в штате в условиях оккупации повстанцами, и многие из них были бы призваны в армию повстанцев. Таковы были бы некоторые из результатов оккупации Огайо, и они стали бы серьезными бедствиями для дела Союза. Осуществляя этот план, Бакнер трудился с усердием, которого можно было с уверенностью ожидать от человека его пропорций, подобных Кассиусу. Для осуществления этого плана он отправился в Вашингтон, представился представителем Профсоюза и получил от генералов Скотта и Макдауэлла много ценной информации. Собираясь возвращаться в Кентукки, он зашел к генералу Макдауэлли и, прощаясь с ним, положил обе руки на плечи Макдауэлли, пристально посмотрел ему в глаза и сказал:

- Мак, я возвращаюсь в Кентукки, чтобы набирать войска для своей страны.

Макдауэлл пожелал ему "Божьей скорости" в этом начинании, и они расстались. Бакнер вернулся в Луисвилл, задержался всего на день и поспешил на юг, в лагерь повстанцев "Кэмп Бун", чтобы снять с себя нейтральную одежду для конфедератов Грей. Нельзя сказать, что перемена была необходимой, поскольку, поскольку повстанцы придерживались нейтралитета в Кентукки, это было *настоящее* восстание, и внешне они носили ту же одежду. Через три ночи после отмены приказа Руссо о походе на Миссури Бакнер вторгся в Кентукки и занял Боулинг-Грин. На следующий день, 17 сентября 1861 года, он двинулся с большими силами на Луисвилл, и Руссо, отвергнутый, с "Ополчением", которое он сохранил от дезертирства, охватившего Государственную гвардию, были единственными защитниками города, которых удалось найти. В ночь на 17 сентября 1861 года Руссо пересек реку Огайо и прошел маршем по шумным улицам возбужденного и находящегося под угрозой исчезновения города навстречу захватчику. С этим маленьким отрядом он проник на сорок миль в глубь штата, ежечасно ожидая встречи с врагом и намереваясь сразиться с ним всякий раз, когда и где бы он его ни встретил. Он переправился через реку Роллинг-Форк и занял высоты Малдрауг-Хиллз, где, по сообщениям, находился Бакнер, но обнаружил, что мятежник отступил в Грин-Ривер.

Начиная с этой памятной эпохи, Кентукки упорно демонстрировала себя по каждому важному поводу как принадлежащую к среднему полу штатов, и ее незавидное положение по нескольким вопросам, представляющим национальный интерес, в течение последних пяти или шести лет было обусловлено влиянием того же класса политиков, что и те, кто выступал против действий в 1861 году. Несколько независимых, энергичных людей, со своим собственным мнением и духом прогресса, созвучным духу Союза, таких как Руссо, Сайрус Х. Бернхэм и один или двое других, вряд ли смогли найти закваску для коррумпированного целого. Многие из тех, кто сохранял нейтралитет, когда успех отделения был сомнителен, когда ожидалась поправка к конституции, теперь хотели бы представить другой отчет; и один или двое из этого класса написали мне после публикации этого очерка в "Harper's Magazine", чтобы доказать, что они не были нейтральными в 1861 году. Я не счел их заявления заслуживающими внимания. В Кентукки есть немало людей, которые сейчас хотели бы, чтобы казалось, что они были на стороне Руссо в

1861 году, но утверждать это было бы фальсификацией истории. Я написал здесь правдивую историю нейтралитета Кентукки и не собираюсь ее изменять. Спонсор этого нейтралитета — редактор Louisville Journal - подтвердил эту историю в том виде, в каком я ее рассказываю. Вечером 17 июня 1862 года, ровно через год после того, как они отвергли Руссо и вынудили его расположить свои войска лагерем в другом штате, члены Союза Луисвилля приветствовали его с поля битвы при Шайло на грандиозном банкете, на котором Джордж Д. Прентис, редактор Журнала, таким образом рассказал об испытаниях и усилиях Руссо и осудил как ошибочных его самого и его нейтральных товарищей, выступавших против Руссо:

"Мы собрались вместе, - сказал он, - чтобы почтить память человека, патриота, героя, которого мы едва ли можем чтить слишком сильно. Наш город, наш штат, наша нация в большом долгу перед генералом Руссо. От рук Луисвилля он заслуживает гражданского венка и мраморной статуи. Он стоял между ней и опустошением. Мы все знаем, с какой ожесточенной враждой с одной стороны и с какими глубокими опасениями с другой ему пришлось бороться, когда он предпринял смелое предприятие по созданию бригады для сопротивления восстанию. Лучшие патриоты среди нас сомневались, колебались, колебались и пытались отвлечь его от его цели, и он даже был вынужден их призывами отправиться за реку и водрузить на земле другого штата славный штандарт, вокруг которого он призвал сплотиться жителей Кентукки. Осужденный, оклеветанный и проклинаемый всеми повстанцами, он получил в лучшем случае холодную, неохотную и робкую поддержку от масс наших верных людей. Когда однажды он вернулся из своего лагеря с двумя полками в полном составе, чтобы провести один час в нашем городе, городе своего дома и своей любви, он провел свои сверкающие колонны по нашим улицам среди почти мертвой тишины, его враги были в благоговейном страхе замолчали перед ужасающим зрелищем, представшим перед ними, а его друзья едва ли сочли благоразумным выражать энтузиазм, втайне бушующий в их сердцах. Должно быть, с острым чувством разочарования, если не несправедливости и неблагодарности, он вернулся на берег Индианы. Но вскоре для всех нас наступила ночь таинственности и ужаса. Внезапно электрический телеграф между нашим городом и Нэшвиллом перестал подавать сигналы, а железнодорожный поезд, которого с нетерпением ждали несколько часов, так и не пришел. В каждой верной душе жило глубокое предчувствие надвигающейся беды. Оно пронизывало и отягощало атмосферу. Храбрые люди смотрели друг другу в лица и шепотом делились своими страхами. Именно тогда все преданные глаза и сердца мгновенно обратились к генералу Руссо и его бригаде. Сигнал предупредил его о предполагаемой опасности, и за невероятно короткий промежуток времени, менее чем за два часа, он пересек Огайо и прошел со своей бригадой так бесшумно по нашим улицам, что даже наши граждане, живущие в радиусе тридцати ярдов от его маршрута, не услышали его, и еще до полуночи он был далеко на пути к ожидаемым захватчикам. Он занял позицию между Луисвиллем и армией повстанцев, которая захватила бы и ограбила ее. Он был ее щитом и ее мечом. Он был ее спасением. За это, среди прочего, мы выражаем ему нашу благодарность сегодня вечером; за это мы выражаем ему нашу благодарность навеки".

Этот эпизод нейтралитета навсегда должен остаться самым замечательным событием в карьере Руссо. Очень немногие жизни имеют две такие возможности, и половина заслуг, причитающихся Руссо, была потеряна для него из-за того факта, что это произошло на фоне революции, которая ознаменовалась многими более поразительными событиями. Только члены Профсоюза из внутренних районов штата Кентукки, казалось, ценили масштаб его службы и при каждом удобном случае выражали, в своей странной манере, свое восхищение и благодарность этому человеку. Армия Огайо под командованием Шермана и Бьюэлла была им известна только

как "Армия Руссо". Они никогда не говорили и почти никогда не слышали о Шермане, или Бьюэлле, или Томасе; и Руссо никогда не мог ясно дать им понять, что он не был верховной властью. Его популярность среди союзного народа штата получила довольно приятную иллюстрацию в октябре 1862 года, когда он был в походе на Перривилл. В Максвилле горцы из округа в большом количестве собрались вокруг его квартиры, и почти в каждой семье из множества, посетивших генерала, был с собой младенец, названный в его честь либо "Ловелл", либо "Руссо". Когда был представлен первый младенец, вместо того, чтобы благословить его в обычном патриархальном стиле, генерал выбрал одного из имевшихся у него серебряных полдоллара и отдал матери ребенка. Несколько других младенцев Руссо получили еще по полдоллара, пока генерал не начал подозревать, что младенцы будут появляться на свет до тех пор, пока хватит денег, и поэтому он объявил о приостановке выплаты наличными. Дети, однако, продолжали появляться, пока не стало очевидно, что это название, скорее всего, никогда не вымрет среди горцев. Руссо с большим ликованием рассказывал, как два слепых и глухих брата явились к нему домой и сказали, что они "прошли пять миль, чтобы *увидеть* Руссо и *услышать*, как он говорит". Демонстрации бедных горцев Чаплин-Хиллз, как назывался этот регион, сильно повлияли на генерала, и в качестве своеобразного способа выражения своего удовлетворения он всегда настаивал на том, чтобы называть битву при Перривилле, в которой он участвовал на следующий день в окрестностях Максвилла, "битвой при Чаплин-Хиллз".

Хотя военная карьера Руссо была самой большой заслугой для него, ничто в ней не отражает такой чести для солдата и не иллюстрирует так благородно характер человека, как его поведение во время операций, которые я в общих чертах описал. Тем не менее, его военная карьера принесла ему такую же большую популярность в армии, какую его действия по разрушению нейтралитета принесли народу. Его главными достижениями были битвы при Шайло, Перривилле, Стоун-Ривер, преследование и разгром Уилера в Теннесси, защита крепости Розкранс и превосходно проведенный и весьма успешный рейд в Алабаму. В Шайло его должность была второстепенной, и он не займет первого плана в картинах, которые история нарисует об этой области, хотя он заслужил признание Шермана, Макклернанда и Гранта за свою храбрость. В Перривилле слава принадлежит исключительно ему, в то время как невозможно правдиво написать историю о Стоун-Ривер, которая не воздавала бы ему должного за тот отчаянный бой в "грубой драке", когда, удерживая резервную линию, он послал сообщение Роузкрансу, что, "хотя правое крыло было уничтожено", он "не сдвинется ни на шаг - ни на один чертов дюйм, сэр".

Не имея образования, Руссо обладал военным инстинктом, который разжигает огонь и вдохновляет других, и каждое его сражение выставляет его в этом свете. Во время сражения при Перривилле он проявил большое мужество и вдохновил своих людей таким же духом. Он не претендовал на тактические способности и не пытался маневрировать своими войсками, но своим присутствием рядом с ними поддерживал их сплоченность и сохранял свою организацию в течение всего дня, хотя и противостоял одной дивизией неоднократным атакам дивизий Читема, Бакнера и Андерсона армии Брэгга под личным руководством последнего. Возможно, как безрассудный генерал, но, безусловно, как храбрый человек, он всегда был на передовой, и когда он ехал среди солдат, подбадривая их, они приветствовали его восторженными возгласами. Однажды во время сражения, видя приготовления повстанцев к повторной атаке на бригаду Харриса, которая только что была отбита, Руссо подбежал к командиру Второго Огайо,

майору Энсону Маккоку, который пешим сражался со своим полком, и предупреждал его о приближающейся атаке, когда солдаты полка с криками "ура" собрались вокруг него, обнимая его ноги и хватая за руки, подбрасывая в воздух свои фуражки и клянясь умереть вместе с ним. Это была одна из самых необычных сцен, когда-либо наблюдавшихся на поле боя, и впоследствии на нее ссылались офицеры повстанцев, которые были свидетелями этого и которые заявили нашим пленным, взятым днем, что они часто видели и узнавали Руссо, разъезжающего взад и вперед по линии фронта во время сражения.

Руссо был сильно предрасположен, в силу своей психической организации, к возбудимости под огнем, но это не умаляло его административной власти. Он был таким же очевидным администратором, находящимся в опасности, как более флегматичный Томас или Грант, но по-другому. Руссо очень мало пользовался своими помощниками, если вообще пользовался ими. Если ему нужно было отдать приказ, он скакал галопом через поле и отдавал его сам. Если ему нужно было отдать приказ о наступлении, он лично руководил войсками. Во время этой битвы при Перривилле генерал Маккук послал меня сообщить Руссо, который находился на крайнем левом фланге, что его правый фланг поворачивает и отступает. Руссо галопом подскочил к находящемуся под угрозой участку фронта и заставил войска отступать, избивая и проклиная их, выстроив в линию и фактически сломав свой меч о голову одного деморализованного человека, который таким образом был поставлен в тупик. Противник, однако, продолжал наступать, и Руссо был вынужден оглядываться в поисках дальнейшей помощи. Увидев батарею капитана Чарльза О. Лумиса на позиции, в резерве, господствующую над небольшой долиной, в которой развернулся противник и по которой они быстро продвигались, он подъехал к капитану Лумису и приказал ему открыть огонь из канистры. Лумис не заметил наступающего противника и объяснил Руссо, что генерал Маккук отвел его в резерв и приказал приберечь огонь для ближней стрельбы.

- Отличная работа! - воскликнул Руссо. - Как, черт возьми, вы это называете, капитан Лумис?

Он указал вниз, на долину, и Лумис в одно мгновение увидел приближающегося врага и свою собственную опасность. Лумис был минутчиком - одним из самых сообразительных и ясноглазых людей, которых я когда-либо встречал, - и через секунду его шесть орудий обрушили разрушительный перекрестный огонь на ряды повстанцев, который одновременно посеял хаос во враге и ободрил наши собственные силы. Наступающий таким образом противник обошел бригаду Лайтла с фланга, и теперь она отступала к позиции Лумиса, но личное руководство Руссо и его появление (Лайтл был оставлен умирать на поле боя), а также открывшиеся орудийные залпы Лумиса вскоре успокоили отступающих, и строй восстановился. Примерно в то же время генерал Бьюэлл приказал бригаде Шеридана наступать слева, и враг был быстро и кровопролитно отброшен.

Его поведение в этом сражении принесло Руссо повышение до генерала-майора. Комиссия гласила: "повышен за выдающуюся доблесть", и была первым из многочисленных повышений за доблесть, выданных во время войны за Союз. Можно сказать, что с этого дня началась его большая популярность в войсках; и она еще больше возросла после битвы при Стоун-Ривер, где, хотя он и командовал резервами, он был одним из первых, кто вступил в бой. Любовь мужчин стала настолько сильной, что проявлялась при каждом удобном случае. На марше, в лагере, на параде их восхищение становилось все более демонстративным, и повсюду, куда бы он ни шел, его встречали радостные возгласы. Зимой 1862-63 годов, когда войска стояли

лагерем в Мерфрисборо, огромное количество кроликов часто выпрыгивало из своих нор, когда целый полк с громкими криками пускался в погоню. Демонстрации восхищения Руссо и эти шумные погони за кроликами стали настолько частыми, что всякий раз, когда раздавались одобрительные возгласы солдат, было обычным замечанием, что они охотятся либо за "Руссо, либо за кроликом".

Я уже говорил, что Руссо был явно административным при любых обстоятельствах. Известно, что однажды, и только однажды, он проявил значительную нервозность под огнем критики. Это было во время короткого сражения на станции Чех-Хоу, когда он совершал свой знаменитый рейд в Алабаму. Он послал вперед полковника Томаса Харрисона из Восьмого кавалерийского полка Индианы (более известного как Тридцать девятый конно-пехотный), чтобы разрушить часть железной дороги у него в тылу — экспедиция тогда возвращалась, выполнив свою главную цель. Полковник Харрисон неожиданно вступил в бой с силами повстанцев под командованием генерала Джеймса Х. Клэнтон. Руссо находился на некотором расстоянии в тылу сражения, и масштабы сражения были известны ему только по количеству стрельбы и количеству раненых, доставленных в тыл. Один из его помощников — капитан Элкин — заметил, что нервозность Руссо постепенно нарастала, о чем свидетельствовало то, что он подкручивал свои длинные черные усы и повторял вслух, но, очевидно, разговаривая сам с собой:

- Мне не следовало ввязываться в это дело. Я очень боюсь, что это неразумно.

Элкин проник через болота к фронту Харрисона и вернулся с информацией о том, что враг отброшен и что результат несколько не вызывает сомнений.

"Нет причин, - сказал он, - беспокоиться о Харрисоне, генерал".

"Беспокоюсь за Харрисона!" - воскликнул генерал. "Том Харрисон может разгромить все ополчение в Алабаме. Но что мне делать с моими бедными ранеными мальчиками? Мы за тысячу миль от дома, и нет возможности нести их с комфортом?"

Ему пришлось оставить своих раненых, и он прибегнул к довольно странным, но эффективным средствам, чтобы обеспечить им хороший уход. Преуспев в захвате роты кадетов Монтгомери, членами которой были все молодые парни моложе семнадцати лет, он выстроил их возле своей квартиры и безоговорочно отпустил, предложив следующее:

"Мальчики, - сказал он, - идите домой и скажите своим родителям, что Руссо не воюет с женщинами и детьми; и, заметьте! *ты* видишь, что они не воюют с ранеными пленными?"

Кадеты были достаточно скромны, чтобы радоваться, что с ними считались и над ними смеялись как над мальчишками при условии их освобождения; и по возвращении домой выразили свою благодарность Руссо, проявив настолько хорошую заботу о его раненых, насколько им было позволено.

Когда Шерман отправил Руссо в этот рейд в тыл армии Худа (это был рейд Джо Джонстона, когда Руссо начинал), он не ожидал его раннего возвращения и не ожидал, что он и его силы избежат плена. Когда Руссо доложил ему о своем возвращении из рейда, Шерман был не столько удивлен, сколько обрадован, он заставил Руссо подробно описать работу по разрушению, которую тот выполнил. После того, как он это сделал, Шерман сказал:

- Молодец, Руссо, молодец, но я не ожидал увидеть тебя снова.

"Почему бы и нет?" - несколько удивленно спросил Руссо.

"Я ожидал, что ты разнесешь дорогу, но я думал, что они тебя сожрут".

"Вы славный малый, - со смехом сказал Руссо, - что отправляете меня в такое путешествие".

- Вы сами предложили это, - возразил Шерман. - Кроме того, я знал, что они не причинят вам вреда, и думал, что вы заплатите за себя.

По случаю прохождения Роллинг-Форк-оф-Солт-ривер произошел инцидент, который иллюстрирует мое представление о характере Руссо как прирожденного лидера. Отдавая приказ переправляться через реку, которая в то время была полноводной — к тому же утро было очень холодным, — Руссо вскочил в седло и крикнул своим людям: "Следуйте за мной, ребята! Я не ожидаю, что ни один солдат не подвергнется лишениям, которые я не разделю!" он спрыгнул с лошади, вошел в брод и перебрался вброд на другой берег. Его люди последовали за ним с радостными криками и "браво", и бригада последовала за ними, вскоре исчезнув на обсаженной лесом дороге, ведущей на вершину холмов Малдрауга.

У меня нет здесь места вдаваться, как мне бы хотелось, в подробности военной карьеры Руссо. Он всегда должен оставаться представителем одной из особых фаз последней войны, и каждое событие, о котором я мог бы рассказать, в будущем будет ценным; но в настоящее время невозможно продолжать ссылаться на его военную карьеру. Он покинул армию вскоре после битвы при Нэшвилле (во время которой он занимал левую позицию линии Томаса в крепости Розкранс, недалеко от Мерфрисборо) и вернулся в Луисвилл по просьбе своих друзей, чтобы побороться с Робертом Мэллори, эсквайром, за место последнего в Конгрессе. Эта гонка в конгресс была не чем иным, как крестовым походом против остатков рабства, оставшихся после войны в Кентукки, вероятно, в наказание за ее попытку нарушить нейтралитет. Это был еще один блестящий триумф, одержанный благодаря тому же решительному действию, которое всегда было для него характерно. Конвент, выдвинувший кандидатуру Руссо, был, выражаясь политическим языком, всего лишь "карманным конвентом", и его кандидат, покинув военное поле, чтобы изучить политический курс, обнаружил, что на самом деле у негонет партии, которая могла бы его поддержать. Ему нужно было создать партию, и без колебаний он решил, что это должна быть партия, открыто выступающая за отмену рабства по своим принципам и целям. Он начал с объявления, что выступает за принятие штатом Кентукки поправки к конституции, отменяющей рабство, и осудил рабство как несправедливое, неразумное и невежливое — проклятие и порчу штата. Когда он впервые произнес речь, в которой заявил об этом, люди дико уставились на него, а когда он закончил, они объявили его сумасшедшим. Они были настолько полностью ослеплены своими предрассудками, что не могли или не хотели видеть истинность его аргументов, и в конце концов он прибегнул к насмешкам с большим эффектом.

"Я хочу еще раз сказать, - сказал он однажды, - что рабство, слава Богу, умерло. Его уничтожили его собственные друзья. Они положили это в основу правительства Джеффа Дэвиса и пригласили, нет, вынудили нас напасть на это. Они вынудили весь либеральный мир объявить ему войну и представили нам альтернативу: уничтожить рабство или увидеть гибель нашего правительства. Наш долг был прост: покончить с рабством и мятежом вместе с ним и оставить правительство в живых. Обе эти вещи являются совершившимися фактами, и во всем

христианском мире осталось только три рабовладельческих государства — *Куба, Бразилия и Кентукки*.

Эта кульминация, столь нелепая для каждого жителя Кентукки, в душе которого есть хоть капля государственной гордости, приветствовалась повсюду взрывами смеха; и Руссо однажды заметил, что любопытно, что смех обычно начинался с вернувшихся солдат-повстанцев, у которых меньше предубеждений против рабства, чем у повстанцев, оставшихся дома. Руссо обычно сопровождал эту эффектную насмешку тем, что он называл своим "особым аргументом против рабства". "У нас в Кентукки, - говорил он, - принято обсуждать вопрос о рабстве скорее с экономической, чем с моральной точки зрения", - и затем он продолжал показывать, как этот институт подорвал процветание Кентукки и Юга. "Но, - добавлял он, - я хотел бы привести свой собственный небольшой аргумент. Я хочу сказать вам, почему рабство не окупается. Это потому, что у нас есть Бог на небесах, который устроил дела людей таким образом, что зло и несправедливость не окупаются и не оплачиваются. Разве Юг не потерял больше в результате разрушения домов, заборов, железных дорог, урожая и другого имущества, а также расходов на военное снаряжение и т.д. За последние четыре года восстания, продолжавшегося в интересах рабства, чем выжал из пота рабов за сорок предшествующих лет? Добавьте к этому полмиллиона ее храбрых сыновей, погибших или покалеченных в битвах и лагерях, половину всего вооруженного населения мятежных штатов, и скажите мне, было ли рабство для них платным институтом? И как вы думаете, это можно восстановить сейчас и не привести к более кровавой и ожесточенной войне? И почему это так? Просто потому, что Бог в своей мудрости устроил мир так, что в долгосрочной перспективе система неправоты не будет и не может расплачиваться".

После четырех недель активной агитации в округе Руссо подавляющим большинством голосов был возвращен в Конгресс, хотя оппозиционная партия, выступающая за рабство, наняла бывшего офицера Соединенных Штатов для участия в гонке, чтобы разделить голоса за Профсоюз или поправку. План провалился. Личная популярность Руссо и его позитивная, решительная и патриотическая позиция помогли ему успешно пройти через это, и вскоре после этого он был выдвинут кандидатом в Сенат, которого, несомненно, достигнет. В этих крестовых походах против нейтралитета и рабства Руссо проявил твердость и настойчивость, которые сделали его самым популярным лидером и первым человеком своего штата; и он уже признан истинным преемником принципов, целей и патриотизма покойного великого лидера Кентукки Генри Клея.

Очень тесная близость, существующая между Шерманом и Руссо, является прекрасной иллюстрацией правила, согласно которому противоположные натуры часто являются родственными душами. Трудно представить себе две натуры, более контрастирующие. У Руссо нет нервозности мысли или действия Шермана, в то время как у Шермана нет ничего от возбудимости Руссо под огнем. Руссо лично является самым заметным — возможно, *the* самым заметным офицером в армии Соединенных Штатов, в то время как Шерман является одним из самых заурядных по внешности. И все же их дружба, начавшаяся в начале войны, едва ли менее примечательна, чем та, что существует между Грантом и Шерманом, и гораздо более демонстративна, потому что Руссо и Шерман склонны к нежности и демонстративности, в то время как Грант довольно холоден и формален. Шерман очень любил цитировать речь Руссо о нем, произнесенную на банкете в честь последнего в Луисвилле в 1862 году. Руссо тогда сказал о Шермане:

"Из всех мужчин, которых я когда-либо видел, он самый неутомимый, бдительный и терпеливый. Ни один из когда-либо живших мужчин не мог удивить его. Его враги говорят, что он был удивлен при Шайло. Я говорю вам, что нет. Его не удивили и не выпороли, потому что он сражается каждую неделю. Лишенный честолюбия, неспособный к зависти, он храбр, галантен и справедлив. В Силоме его старый легион встретил его сразу после окончания битвы и при виде его, возложив шляпы на штыки, троекратно прокричал "ура". Это был трогательный и достойный комплимент доблестному вождю. Я благодарен за возможность отдать должное храброму, честному и благородному джентльмену".

Когда Шерман впервые прочитал эту речь сразу после битвы, когда он все еще находился под следствием по обвинению в невменяемости, он вскочил со своего места, обежал свои апартаменты от палатки к палатке, читая речь всему своему штабу и клянясь, что в стране есть "один разумный человек, который его понимает".

Как можно справедливо предположить из этой статьи, Руссо - скорее мой герой. Он обладает многими из самых замечательных человеческих качеств, и за долгие годы общения с ним я видел много такого, чем можно восхищаться, и мало такого, что можно осудить. Я бросаю вызов любому мужчине, искренне любящему смелую, хотя и грубоватую честность, узнавать человека и не восхищаться им. Он был верным, правдивым и любящим до глубины души. Он держался за своих друзей до последнего и только тверже переносил невзгоды. Сильное пожатие его могучей руки не внушало страха перед тем, что может натворить сжатый кулак, а вселяло уверенность. Возможно, он был слишком доверчив, слишком полон надежд и жизнерадостен: таковы были недостатки его характера, если они у него были, поскольку мошенники часто навязывались ему под видом честной бедности, и его оптимистичная натура иногда заставляла его обещать своим друзьям больше, чем у него были силы, но не больше, чем он был расположен выполнить.

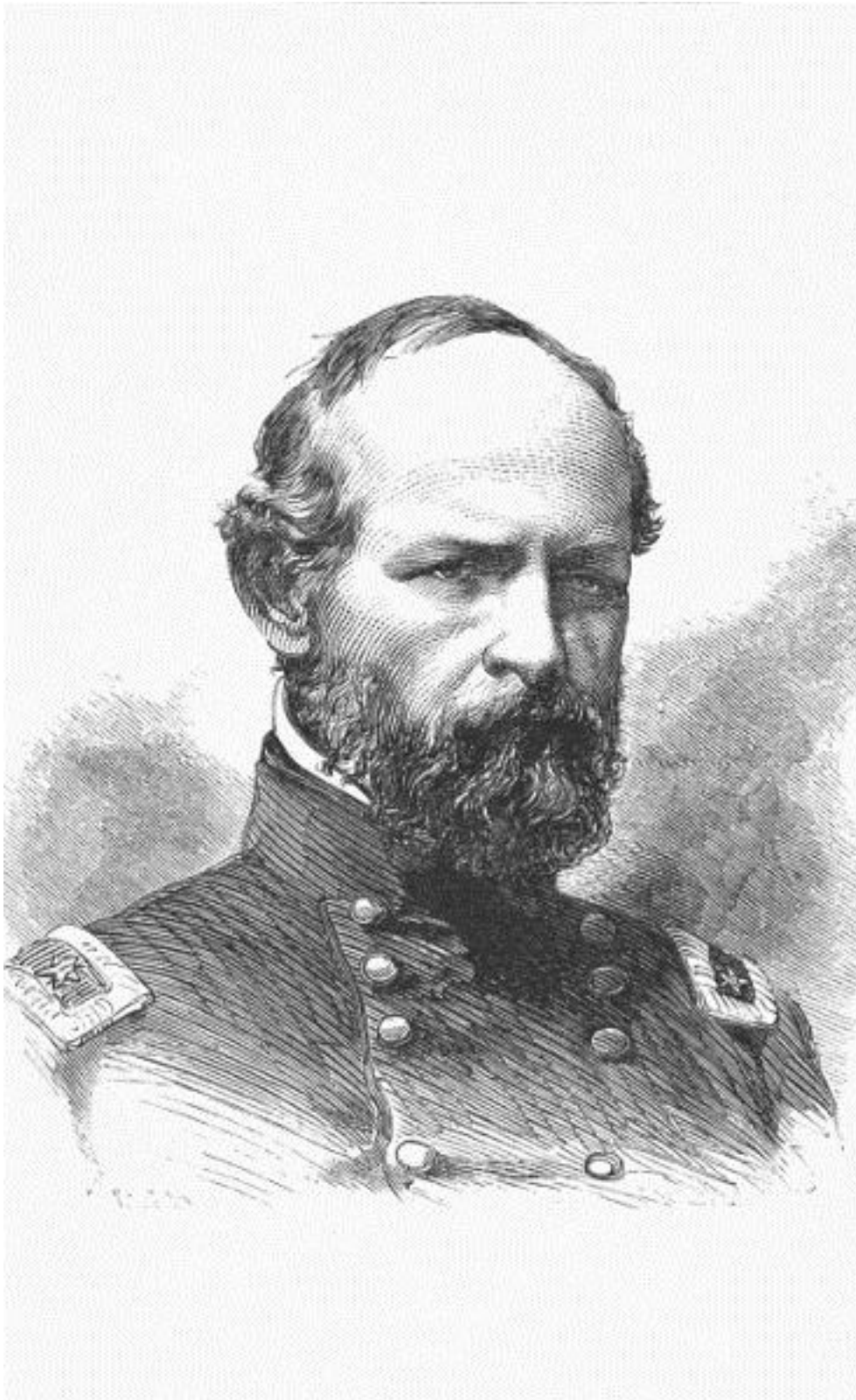
Рост Руссо - полных шесть футов два дюйма, возможно, три дюйма, а в остальном - Геркулесово телосложение и сила. Сидя верхом — он всегда ездит на больших, тяжеловесных и неизменно чистокровных лошадях — он демонстрирует себя с большим преимуществом, и невозможно представить себе более грациозную и впечатляющую фигуру, чем Руссо верхом. Он родился джентльменом, и его элегантные манеры столь же естественны, сколь интуитивны его храбрость и высокое чувство чести.

ГЛАВА VII.

ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГЕНЕРАЛОВ.

Мне особенно повезло во время войны, что я часто общался с четырьмя великими личностями, которые произвели самое глубокое впечатление на общественное сознание и заняли первые позиции в истории той эпохи. Шерман, Томас, Грант и Шеридан были самыми способными и, в конце концов, самыми успешными из наших лидеров, и их слава теперь стала частью славы страны. Хукер и Руссо также были типичными солдатами, и потомки будут приводить их в пример и рассматривать не меньше, чем других, как персонажей, иллюстрирующих то время и

его события. Из многих других генералов, с которыми я встречался и о которых у меня осталось много интересных и приятных воспоминаний для рассказа, ни один не был так ярко отмечен прочной славой, как те шестеро, которых я подробно описал. И все же многие из тех, о ком я сейчас предлагаю поговорить, займут место в будущей истории и прочно запечатлеются в сознании потомков как личности, достойные подражания или памяти, как и остальные. Обстоятельства сговорились лишить некоторых из тех, кого я знал, их справедливой славы; временное величие было навязано некоторым, совершенно недостойным такого отличия, в то время как большинство других были *посредственностями* и могли всплыть на поверхность общества только в результате общего потрясения великой революции, подобной той, через которую эта страна недавно имела счастье пройти к большей безопасности и более великому будущему. Те, кого я подробно описал, были наделены безошибочной чертой величия; большинство из тех, кого я помню, обладали лишь особенностями, и их репутация была местной.

ДОН КАРЛОС БЬЮЭЛЛ.

И все же некоторые из них не испытывали недостатка в способностях или трудолюбии, энергии и мужестве, которые создают возможности и завоевывают известность. Один из тех, кого обстоятельства лишили его заслуженной славы, и кто сейчас обычно рассматривается как один

из величайших неудачников войны, был, на мой взгляд, одним из наших самых способных солдат и как тактик не уступал Гранту или Томасу, или любому из их подчиненных. Генерал Дон Карлос Бьюэлл был совершенным солдатом — совершенными манерами, выправкой, хладнокровием, мужеством, энергией - физически и умственно совершенным солдатом, — но он потерпел неудачу. Если у него и был какой-то недостаток, то он был результатом воспитания, и из-за этого недостатка произошла эта неудача. "Небольшая ученость - опасная вещь", - как, к своему сожалению, обнаружили Поуп, Бульвер Литтон и любой другой человек, пытавшийся распространять знания из вторых рук; но существует также такая вещь, как слишком большой глоток "Пиерианского источника". Быть выпускником с прощальной речью довольно часто означает быть неудачником; и больше сигнальных неудач было у выпускников первого отделения (инженеров) Вест-Пойнта и выпускниц Йельского университета и Хартфорда, чем у менее блестящих, менее прилежных, но более практично образованных классов тех же учебных заведений. Ни один из выступавших с прощальной речью в Вест-Пойнте с тех пор, как впервые было установлено классное звание — по—моему, в 1820 году, - никогда не добивался больших успехов в практической жизни, и лишь немногие из них когда-либо были известны за пределами армии. Несомненно, они образованны и способны, но им не хватает практичности, и, когда они вступают в борьбу с миром, оказываются плохо приспособленными к этой борьбе. Инженерный корпус армии, в который зачисляются высшие выпускники Академии, дал нам меньше успешных солдат, чем пехота, которая считается низшим родом войск. Все инженеры, как генералы, испытывали заметное влияние своего образования на управление, стратегию и тактику и предпочитали больше полагаться на глинобитные стены, чем на живые фаланги, а их стратегические марши были скорее правильными в математических расчетах, чем успешными в исполнении. Бенхэм, Стивенс, Франклин, У. Х. К. Уайтинг, Макферсон, Макклеллан, Ли и десятки других, которых я мог бы назвать, в конце войны доказали, что это правда; а Куинси А. Гилмор оказался едва ли не единственным исключением из правил, несомненно, из-за того факта, что после окончания учебы он ушел из Инженерного корпуса в артиллерию.

Бьюэлл не совсем произносил прощальную речь и не служил в Инженерном корпусе, но, тем не менее, он был тем, к кому применимо все, что я сказал и привел на примере. Ученичество не сделало его непрактичным, но сделало слишком методичным. Его погубило не слишком много знаний, но слишком много рутины. Он был не слишком книжным червем, но чересчур красноречивым. Его Альма-Матер была не Вест-Пойнт, а более безжалостная школа - управление генерал-адъютанта. Тринадцать лет постоянной службы в этом подразделении армии сделали его слишком систематичным — погасили огонь в его сердце, импульсивность в его натуре, и, подобно Томасу, он приучил себя "не чувствовать". Это придавало ему хладнокровия перед лицом опасности, хотя и не лишало его готовности в чрезвычайной ситуации, но, к сожалению, это также сделало его настолько систематичным, что нанесло ущерб оригинальности его концепций. Должность генерал-адъютанта сделала его слишком постоянным сотрудником, так что, когда он стал командовать большим добровольческим отрядом, он тщетно искал и стремился достичь совершенства в назначении, организации, муштре и всех тех рутинных обязанностях, к которым он привык в старой армии. Бьюэлл был хорошо образованным солдатом, как стратег и тактик равным Гранту; но он был слишком большим организатором, и это, учитывая, что ему предстояло командовать добровольческой армией, действительно умаляло его заслуги. Хорошим организаторам больших армий редко удается использовать их для достижения преимущества. Бьюэлл был слишком хорошим организатором. Эта простая рутинная обязанность поглощала слишком много его ума; его ум

слишком привык заикливаться на этой специальности, и он придавал ей слишком большое значение. Разум Бьюэлла настолько проникся важностью придания добровольческим армиям четкой организации регулярных войск, что, прощаясь с армией, которую он сформировал из "шайки Шермана", он поздравил солдат, которые спасли нам Шайло, во-первых, как более важные в его глазах, чем их победы, с их превращением "из необразованных рекрутов в мощную армию, которую все уважают за дисциплину и эффективную организацию, а также за ее дух корпуса".

И все же эта армия, которую поздравляли таким образом, была самой слабой по организации из всех когда-либо существовавших великих армий. Она не была несовершенной в деталях; напротив, в этом отношении она была очень достойна восхищения, но, конечно, ни одна армия никогда не была так слаба в своих корпусных командирах — Маккуке, Криттендене, и Гилберте. Обстоятельства вырвали организацию из рук Бьюэлла. По прибытии армии в Луисвилл в погоне за Брэгом в сентябре 1862 года генерал Халлек, тогдашний главнокомандующий, пришел к выводу, что Бьюэлла следует убрать. Халлек был одним из тех людей, которые, вместо того чтобы аргументировать себя на основе множества фактов в пользу правильной позиции, сначала пришли бы к выводу, что дела обстоят именно так, как он желал или опасался, а затем убедили бы себя в том, что они, несомненно, были таковыми. Он пожелал бы, чтобы его враг занял определенное положение, и фактически заставил бы себя поверить, что он это сделал. Слишком хороший юрист, чтобы когда-либо стать хорошим солдатом, он полагался на уловки на войне так же, как на придирки в законе. В 1862 году он пришел к выводу, что армия Бьюэлла деморализована из-за отсутствия доверия к своему командующему, и принял решение о его смещении. Командование было передано генералу Джорджу Х. Томас, который не только отказался, но и немедленно настоял на сохранении генерала Бьюэлла. Затем другие командиры корпусов присоединились к этой просьбе, и Бьюэлл был оставлен. Он был вынужден спешно организовать свою армию, чтобы продолжить преследование Брэга, и, объединив армию Нельсона, выбрал три корпуса, которыми командовали Нельсон, Маккук и Криттенден, в то время как генерал Томас исполнял обязанности заместителя при Бьюэлле. Это последнее соглашение было очень ошибочным. Томас был лучшим человеком в армии, и это соглашение фактически лишило армию его услуг и сделало его всего лишь генеральным инспектором. Перед началом кампании Нельсон, который был очень превосходным солдатом, был убит, и на его место был назначен — однако это действительно смешно говорить так — генерал К. К. Гилберт. Никогда ни в одной армии не было трех таких слабых корпусных командиров, как Александр Макдауэлл Маккук, К. К. Гилберт и Томас Л. Криттенден. Они, несомненно, были храбры и галантны — таковым должен быть каждый солдат; они, несомненно, выполняли свой долг в полную силу — каждый солдат делает это и не ожидает за это особой похвалы; но эти люди по природе или образованию не были пригодны для занимаемых ими должностей. Ни у одного из них не было ни капли железа в натуре — ни глубоких мыслителей, ни положительных персонажей. Они принадлежали к тому классу людей, которые "намеревались поступать хорошо", но которые, не имея какого-либо определенного и непоколебимого принципа, который руководил бы ими, колебались и медлили до тех пор, пока великий мотив и благоприятное время для действия не прошли, оставив их творцами только позитивного зла или негативного добра, что столь же плохо. Маккук был школьником-переростком, лишенным достоинства (Шерман, однажды намекнув на него, назвал его "малолеткой"); Криттенден был сельским юристом с небольшими юридическими и военными способностями, а Гилберт был солдафоном, не имеющим представления о дисциплине или системе - худшим из солдафонов. Было бы

чудом, если бы Бьюэллу это удалось. Его кампания провалилась, когда обстоятельства смерти Нельсона и вмешательство Халлека сделали Томаса "пятым колесом в карете", а Маккука, Криттендена и Гилберта непосредственными руководителями корпуса, формирующего Армию Огайо.

Бьюэлла сняли с должности за неудачу в Перривилле и фактически отдали под трибунал за преступление Маккука и Гилберта. Дело в том, что сражение велось вопреки прямому приказу Бьюэлла; и Маккук, командир корпуса, руководивший им, хвастался во время сражения капитану Джеймсу С. Стоукс (ранее служивший в регулярной армии, но в то время командовавший батареей Чикагской торговой палаты) сказал, что у него в кармане приказ генерала Бьюэлла не сражаться, и добавил, что если генерал Бьюэлл предположил, что "Алек Маккук приближался к врагу, не вступая с ним в бой, он сильно ошибся в своем человеке". Факт в том, что Перривилл был ненужным сражением, и оно велось только из-за ревности, существующей между нашими командирами. Великое благословение последней гражданской войны в этой стране — я не собираюсь сейчас останавливаться, чтобы сказать, насколько это было великим благословением, принявшим, как это в конечном итоге и произошло, форму крестового похода против невежества и рабства — крестового похода за знания и свободу, к которому весь христианский мир этого просвещенного века должен был присоединиться с тем же рвением, с каким в более темные века он присоединился к крестовому походу против Полумесяца за Гробницу — это великое благословение принесло с собой определенные пороки, и самым низменным из них была зависть. Эта самая унижительная страсть существовала в наших армиях в самой удивительной степени — действительно, до такой степени, что благородные поступки, вместо того чтобы рассматриваться как примеры, достойные подражания, часто — в девяти случаях из каждых десяти — когда актер выживал, становились средством выставления его на посмеище среди его ближайших соратников. Великие люди были ущемлены в своих перспективах — храбрые люди были лишены справедливой награды в виде продвижения по службе - да, и даже великие кампании были замедлены и загублены ревнивым вмешательством завистливых и злонамеренных. Важные соединения армий были предотвращены, необходимые подкрепления сдерживались, и многие храбрецы были принесены в жертву ревности и зависти командиров, которые были бы великими, но которые не могли видеть других великими. Ревность нанесла больше реального ущерба делу во время войны, чем некомпетентность, и я не думаю, что могу выразить этот факт более убедительно, чем сказав это.

Перривилл был битвой, выросшей из ревности, и проигран из-за ревности. Первое движение, предпринятое нашими войсками, и то, которое спровоцировало атаку повстанцев, которые были бы рады залечь на месте и избежать конфликта, который мог бы только помешать их отступлению, было результатом зависти генерала Джеймса С. Джексона к генералу Руссо, на линию фронта которого обстоятельства поставили одну из бригад первого. Джексон пошел к Маккуку и попросил перевести его на позицию в другой части поля, где он мог бы беспрепятственно сражаться со своей командой. Чтобы удовлетворить это желание, Маккук выдвинул его почти на милю вперед и, как это случилось, прямо на врага, который атаковал и застал его врасплох. Джексон был убит, а бригада разбита. Несмотря на обратное, Маккук был уверен, что сможет выиграть бой и снискать славу без посторонней помощи, и он так завидовал Гилберту, что не стал просить помощи, хотя Гилберт лежал со всем своим корпусом в двух шагах, с интересом наблюдая за отчаянной битвой дивизии Руссо, которая была всем, что осталось от корпуса Маккука после разгрома Джексона. А Гилберт был таким солдафоном, что

не стал бы оказывать помощь без просьбы, и так завидовал Маккук, что смотрел на свое вероятное поражение с явным удовольствием. И хотя генералы Стивдман и Шеридан умоляли разрешения отправиться на помощь Руссо, Гилберт отказался дать им разрешение, потому что генерал Маккук не просил и не будет просить о помощи. Увы! из-за тщеты человеческих расчетов! В то время как Маккук и Гилберт, таким образом, предавались преступной ревности друг к другу, Руссо, подчиненный обоим, но более могущественный, чем любой из них, вмешался и увел лавры, спасая ту часть армии, которой их ревность подвергла опасности. За этот провал Миссоок's Бьюэлл был смещен, а командование принял Роузкранс. Последний улучшил ошибочную организацию, только вернув Томаса к непосредственному командованию своим корпусом. Ему повезло, что он так поступил, поскольку этот корпус под непосредственным руководством Томаса при Стоун-Ривер и Чикамоге дважды спас армию Розкранса от полного уничтожения.

Если бы военный гений Бьюэлла проявился в 1863 году, а не в 1861-м, этот офицер завоевал бы блестящую репутацию в глазах общественности и прекрасное положение в армии. В 1861 году народ жаждал успехов, пусть даже кровавых; в 1863 году он быстро поумнел и требовал положительных преимуществ за каждую каплю крови. Бьюэлл был одним из первых достижений, принесенных в жертву незнанию войны нацией. Его политикой можно было бы восхищаться в 1864 году, но она погубила его в 1862 году. Затем его политика была представлена в ложном свете, его характер очернен, и даже его лояльность подвергнута импичменту, и он предстал перед судом, один из членов которого, генерал Шеопфф, был открыто осужден за то, что заявил, что он "считал генерала Бьюэлла предателем". Были и другие члены того же суда, которые придерживались схожего мнения, но в конце концов суд не смог полностью привлечь Бьюэлла к уголовной ответственности. Он был оправдан и привлечен к исполнению обязанностей. Генерал Бьюэлл считал, что Эндрю Джонсон, тогдашний губернатор Теннесси, а ныне президент Соединенных Штатов, был главным зачинщиком этого преследования его, и всегда питал к этому офицеру очень горькие и враждебные чувства. Губернатор Джонсон считал, что полезность Бьюэлла в Теннесси иссякла, был категорически против его возвращения к командованию в этом департаменте, и когда командование им снова было передано Бьюэллу, он телеграфировал в Вашингтон с протестом против этого назначения. Прежде чем Бьюэлл смог принять или отклонить командование, он получил уведомление о том, что приказ изменен и что он примет на себя командование Департаментом Персидского залива, сменив генерала Бэнкса. Генерал Бьюэлл вскоре после этого также отказался принять последнее назначение, не дав никаких объяснений. В то время я был очень заинтересован в изучении характера Бьюэлла и написал ему письмо с вопросом о причинах. Его ответ мне касался нескольких других моментов его управления, о которых я спрашивал в предыдущем письме, и там был всего один абзац, объясняющий причины его отставки. Он заявил, что, получив уведомление о том, что его перевели из Теннесси в департамент по делам Персидского залива, он навел неофициальные справки в Вашингтоне и обнаружил, что изменение было произведено по приказу президента Линкольна сразу же после получения протеста губернатора Джонсона. Узнав об этом, Бьюэлл подал в отставку. Вскоре после этого он опубликовал письмо, в котором в качестве основания для отставки указал, что офицеры, перед которыми ему было приказано отчитываться (Шерман и Кэнби), были его младшими по званию. Я не могу не пожелать, чтобы он мотивировал свою отставку высшими мотивами, на которых он действительно действовал, какими бы необоснованными ни были его предубеждения против губернатора Джонсона; ибо, хотя сомнительно, что последний действовал из личных

предубеждений, несомненно, генерал Бьюэлл был бы оправдан, отказавшись служить правительству, которое сместило, перевело и предало его военному трибуналу по представлению одного человека.

Многочисленные искажения были сделаны в связи с предполагаемой ссорой между Бьюэллом и Джонсоном, к большому ущербу первого и отвращению второго. Среди других рассказанных историй были две о том, что губернатор Джонсон вынудил генерала Бьюэлла укрепить Нэшвилл, а во-вторых, разместить гарнизон вместо того, чтобы эвакуировать город. Летом 1862 года губернатор Джонсон убедился, что укрепление Нэшвилла окажет благотворное влияние на мятежных граждан Нэшвилла, как свидетельство намерения армии удержать это место. В отсутствие генерала Бьюэлла губернатор нанес визит майору Сайделлу, который был генерал-адъютантом Бьюэлла, расквартированным в Нэшвилле, и, затронув тему, увлекся ее разработкой и произнес получасовую речь. Когда он удалился, Сиделл пришел к выводу, что губернатор предназначил то, что он сказал, для ушей генерала Бьюэлла, и немедленно написал краткое изложение речи в письме генералу и переслал его ему. Последовал ответ: "Проконсультируйтесь с губернатором Джонсоном и приступайте к работам". Майор Сиделл обратился к губернатору, и они вдвоем объехали город и, наконец, приняли решение о возведении частокола на холме, известном как Сент-Клауд-Хилл. Это было началом той серии работ, которые сейчас так угрожающе окружают Нэшвилл, и которые образовали такой неприступный барьер на пути продвижения Худа в 1864 году. История об эвакуации, получившая широкую известность, является очень грубым преувеличением потенциальных, но ошибочных друзей губернатора Джонсона. Когда армия двигалась через Нэшвилл в сентябре 1862 года в погоне за Брэгом, это, конечно, очень походило на то, что вот-вот должна была начаться эвакуация, и многие граждане Союза занервничали из-за этой перспективы. Губернатор Джонсон в сопровождении единственного помощника посетил генерала Бьюэлла и застал его в своих покоях за изучением карты. Губернатор Джонсон сразу же обнародовал свой бюджет — отметил, что передвижение войск вызвало у части людей страх, что намерение состояло в том, чтобы оставить Нэшвилл врагу, и если такова была цель, граждане Союза должны быть проинформированы, чтобы они могли уйти с армией. Поэтому он попросил генерала Бьюэлла сообщить о его намерениях в этом отношении. Генерал Бьюэлл отложил в сторону свои карты и с тем достоинством и обдуманностью, которые отличали каждое его слово и действие, ответил:

"Губернатор, по всем правилам военного искусства я должен покинуть этот город, ибо его захват зависит от исхода битвы, которая должна состояться с Брэгом в Кентукки, куда он сейчас продвигается и где я преследую его. Удержание этого города лишает меня не только больших сил, доступных для сражения, но и ставит в невыгодное положение из-за необходимости следить за двумя важными пунктами одновременно, Луисвиллем и Нэшвиллом. Если Брэгг будет атакован и разбит (а силы, необходимые для размещения гарнизона в этом городе, могут существенно способствовать такому результату), я могу вновь оккупировать Нэшвилл в любой момент. Если Брэгг нападет и победит меня, оставшиеся здесь силы окажутся в опасности, я буду бессилен помочь им, и в конечном итоге они будут принесены в жертву вместе с городом. Но моральный эффект от удержания Нэшвилла будет очень велик для моей армии и для народа Севера, хотя это может помешать моему наступлению на Брэгг; и по этой причине я решил удержать его и оставляю командовать генерала Томаса с его корпусом в качестве гарнизона".

На эту речь губернатор Джонсон ответил, выразив свое удовлетворение, и немедленно удалился. Командование было оставлено за генералом Томасом, но, достигнув Галлатина и обнаружив, что Брэгг все еще опережает его, двигаясь на север, на Луисвилл, генерал Бьюэлл отдал приказ генералу Томасу оставить генерала Джеймса С. Негли командовать гарнизоном и присоединиться к нему с остальной частью его корпуса. Именно против этого движения возражал губернатор Джонсон, и по его представлению генерал Томас до сих пор не подчинялся приказам Бьюэлла, оставив генерала Джона М. Палмера и его дивизию, а также дивизию генерала Негли удерживать Нэшвилл.

Речь генерала Бьюэлла губернатору Джонсону охватывала весь его план кампании, и он верно и успешно ему следовал. Он внимательно следил за Брэггом, но отказался драться с ним, прикрывал Нэшвилл и защищал Луисвилл, и в конце концов вынудил Брэгга отступить из штата через горы Восточного Теннесси. Если бы он настаивал на сражении и потерпел поражение или даже был выведен из строя, генерал Негли был бы вынужден отступить, преследуемый на каждом шагу, к реке Огайо, в Падуке. Как бы то ни было, Брэгг ничего не добился, и, если бы Бьюэлл остался командовать, он никогда бы больше не продвинулся к северу от Чаттануги. Бьюэлл, изгнав Брэгга из Кентукки, предложил форсированным маршем дойти до Мерфрисборо, штат Теннесси, выбить оттуда Брекинридж и вновь оккупировать богатую страну Средний Теннесси. Но он был очень неразумно заменен Роузкрансом, который задержался до тех пор, пока Брэгг не двинулся на север, к Мерфрисборо, и фактически продвинулся вперед, чтобы взять Нэшвилл. Эта задержка привела к необходимости участия в битве при Стоун-Ривер и стоила нам десяти тысяч человек.

В манерах и привычках, а также в скромности и суровости генерал Бьюэлл мало чем отличается от Томаса, обладая таким же достоинством поведения, сдержанностью и невозмутимостью, столь характерными для последнего офицера. Он также обладал такими же постоянными деловыми привычками и был образцом сдержанности и скрытности. Он, если уж на то пошло, слишком холоден в проявлениях, и в результате, находясь в армии, заслужил репутацию грубоватого человека, которой он не заслуживал. Он улыбался так же редко, как и Томас. Однажды утром, во время перерыва в заседании суда, рассматривавшего его поведение в Нэшвилле в декабре 1862 года, он необычайно оживился в шутливой полемике с юной дочерью генерала Руссо и отпустил несколько довольно комичных шуток. Мисс Руссо, крайне пораженная такой неожиданной живостью со стороны генерала, выразила свое удивление восклицанием: "Ах, генерал Бьюэлл, я никогда раньше не знала, чтобы вы громко смеялись".

- Ах! дитя мое, - ответил генерал, внезапно становясь серьезным, - ты никогда не знала меня, когда я мог так свободно смеяться, как сейчас.

Несмотря на очень маленький рост, генерал Бьюэлл обладает почти геркулесовой силой и, как известно, часто поднимал свою жену, даму весом не менее 140 фунтов, на расстояние вытянутой руки и ставил ее на каминную полку почти такой же высоты, как он сам. Его тело, компактно сложенное, состоит из одних мышц и сухожилий.

Когда Бьюэлл сменил Роузкранс, армия в восторге приподняла шляпу, а страна вторила их одобрительным возгласам. Никогда радость не была столь неуместной — никогда смена командиров не была столь опрометчивой, и на это потребовался всего год времени, но, увы! много человеческих жизней, чтобы доказать, насколько это было преступно. Ни политика, ни война никогда не навязывали нации более некомпетентного лидера, чем Уильям Старк

Розкранс. У него не было ни одного из качеств полководца. Он не был ни стратегом, ни тактиком, и все, что он знал об искусстве войны, — это его уловки - уловки, в которых больше всего преуспел каждый индеец и все нецивилизованные народы. Он внушал страх своим врагам только своей репутацией плута и был известен во вражеском лагере как "этот коварный голландец Розекранс". По натуре и образованию он был в высшей степени приспособлен для того, чтобы быть маршалом-провостом и начальником шпионов в великой армии, подобной той, которой он командовал, но не более того.

Природа не приспособила его к задаче командования великой армией, заставив его чрезвычайно нервничать. Его нервозность, в отличие от нервозности Шермана, была слабостью. Его возбудимость не только делала его выполнение невозможным, но и делала его бессвязным, и он не мог руководить другими. Я знал, как он, просто приказывая ординарцу отнести депешу из одного пункта в другой, впадал в такое возбуждение, ярость и бессвязность, что совершенно сбивал посыльного с толку. Как в большой опасности, так и в незначительных вещах, эта нервозность лишала его возможности внятно руководить своими офицерами или эффективно выполнять свои планы. Он не обладал никаким контролем над собой и, следовательно, не был способен направлять других.

УИЛЬЯМ С. РОУЗКРАНС.

Роузкранс не был впечатляющим человеком. Было слишком очевидно, что все, что он делал, было сделано для "эффекта" в театральном смысле. В нем было очень мало достоинства, и он ужасно тускнел по мере того, как вы узнавали его ближе. Он не "ладил" даже с войсками,

которые были последними из армии, отказавшимися от своего преклонения перед генералом. Подчиненные офицеры недолго восхищались им, и, хотя он был большим любимцем своих солдат, они никогда не проявляли к нему той глубокой преданности, которую испытывали к Томасу и которая редко выражалась в шумной демонстрации. У Роузкранса была система, с помощью которой он завоевывал расположение своих людей, совершенно отличная от системы Томаса или Гранта. Однако это была ложная система демагога. Он никогда не проезжал мимо полка, не сказав приятного слова в адрес солдат. Он свободно и даже шутливо болтал с ними. Он винил офицеров во всем — солдат ни в чем. Если рюкзак надевался небрежно, он говорил капитану виновного, что тот "не знал, как пристегнуть рюкзак". Если флаги не хватало, он высмеивал солдата, который думал, что может сражаться без воды, и ругал своего офицера. Все это доставляло удовольствие солдатам, нисколько не оскорбляя офицера, и вся армия от души смеялась над каждой такой сценой и испытывала все большее восхищение генералом. Но это восхищение угасло после первого очевидного провала кумира и перешло к преемнику, который завоевал их доверие, спасая их бывшего кумира и их самих. Вскоре после отступления из Чикамоги в Чаттанугу, и пока вся его армия была занята укреплением этого места, Роузкранс в сопровождении Томаса объехал линию фронта, чтобы осмотреть работы. Случилось так, что это было также первое публичное выступление генерала Томаса после битвы при Чикамоге, и всякий раз, когда эти двое появлялись, войска бросали лопаты и кирки, собирались шумной толпой вокруг Томаса, хватали и целовали его руки и обнимали его ноги, к полному пренебрежению Роузкранса и большому отвращению последнего и замешательству Томаса. Различие было слишком заметным, чтобы остаться незамеченным, и Роузкранс увидел в этой демонстрации свое приближающееся падение.

Непосредственной причиной удаления Роузкранса стал его провал в Чикамоге. В его вину были вменены и другие правонарушения, но этого было достаточно, чтобы осудить его; и он был бы освобожден от должности сразу после этого события, если бы, по мнению мистера Линкольна, не было необходимости удерживать его на этом посту до окончания выборов губернатора штата Огайо. Люди так мало понимали и так мало ценили их глубокую серьезность, что нашлись мудрые советники президента, которые верили, что смещение Розкранса в то время укрепит Валландигема и, возможно, обеспечит его избрание вместо Броу. Однако, как только выборы завершились, Роузкранс был смещен, и очень правильно, поскольку вся его предвыборная кампания была чередой грубых ошибок, которые обстоятельства помогли скрыть от общего наблюдения. Я в какой-то мере несу ответственность за ложные впечатления, сложившиеся об этой кампании, поскольку я занимал такое положение — как корреспондент ведущей газеты страны, — что мог бы опубликовать их, но грех заключался всего лишь в упущении. Небольшое обстоятельство помешало мне в то время рассказать всю правду о битве при Чикамоге или даже все, что я собирался рассказать. Как бы то ни было, половина газет страны осудила, оскорбила и высмеяла меня за то немногое, что я сказал, и в течение нескольких недель я чувствовал себя самым обиженным человеком в стране. Только после того, как Роузкранс, Маккук и Криттенден почувствовали облегчение, люди начали понимать, что я был прав, а я почувствовал, что совершил ошибку, не рассказав всю историю полностью. Обстоятельство, побудившее меня поступить иначе, заключалось в следующем: за неделю или две до битвы при Чикамоге помощник военного министра Чарльз А. Дана прибыл в штаб-квартиру Роузкранса, и армия приняла его так, словно он был птицей, предвещающей недоброе предзнаменование. В штабе шептались, что он прибыл как шпион Военного министерства и для того, чтобы найти оправдание предполагаемому удалению Розкранса; слух распространился по лагерю; офицеры

смотрели на него с хмурыми взглядами, а солдаты высмеивали его, притворяясь, что принимают его за сатлера, и кричали ему вслед, когда он проезжал мимо вслед за Розкрансом: "Эй, старый сатлер! когда вы собираетесь открыться?" Положение мистера Даны, должно быть, было ему очень неприятно, поскольку он, очевидно, был объектом подозрений в глазах всех, и о его миссии "разорить Роузкранс" говорил весь лагерь. На следующее утро после битвы, собираясь выехать из Чаттануги в Нью-Йорк, чтобы написать отчет о битве для "Геральд", я зашел к генералу Розкрансу, чтобы получить его одобрение на депешу, которую следовало переслать по телеграфу. Генерал, Гарфилд, Дана и один или два помощника были на ланче. Пока генерал Гарфилд читал и одобрял депешу, генерал Розкранс задал мне, среди прочих вопросов, что я предлагаю рассказать о последнем сражении. Я ответил: "Надеюсь, чистую правду без прикрас". Вскоре после того, как я ушел, мистер Дана встал и последовал за мной на телеграф. Здесь он очень официально велел телеграфистам проследить, чтобы моя депеша прошла без задержек, и в остальном почти слишком явно демонстрировал желание услужить мне. Прежде чем я успел выйти из дома и сесть на лошадь, чтобы ехать на ближайшую железнодорожную станцию, я услышал, как два оператора говорили о сговоре между мной и мистером Даной, в то время как третий очень прямо сказал мне, "что было очевидно, что мистер Дана и я оба были склонны обвинять Rosecrans в поражении". Написать то, что я намеревался, значило бы оправдать это подозрение, и поэтому многое из того, что я хотел бы рассказать о битве в то время в "Геральд", я был вынужден отложить до настоящего времени и настоящей книги.

Во-первых, я хотел бы сказать тогда, что битва при Чикамоге была бесполезной; что не было ни малейшей необходимости сражаться в ней, и, несмотря на все, что было сказано, и написано, и искажено обратное, показать, что войска можно было легко сосредоточить в Чаттануге, не вступая в сражение какого-либо масштаба. Кампания хорошо управлялась до занятия Чаттануги, и переход через Лукаут-Маунтин взволновал Розкранса настолько, что он потерял самообладание, когда совершил грубую ошибку, отправив свои три корпуса в погоню по сильно расходящимся линиям за противником, сосредоточенным непосредственно перед его центром. Генерал Томас обнаружил эту позицию противника и, не посоветовавшись с Розкрансом, который находился на некотором расстоянии, приказал Маккуку, находившемуся уже в пятидесяти милях по пути в Рим, немедленно возвращаться. В этом Роузкранс сначала обвинил Томаса, но позволил убедить себя подтвердить приказ, и этот приказ действительно спас Маккука, поскольку еще двадцать четыре часа задержки помешали бы ему добраться до основных сил. Тем не менее, отступив к западу от Лукаут-Маунтин, Маккук был в безопасности и мог продолжить свой путь к Чаттануге, куда Томас и Криттенден тоже могли бы отступить, если бы не дождались, пока Маккук пересечет гору и сосредоточится на западном берегу Чикамоги. Сорок восемь ценных часов были потеряны из-за этого движения, и битва при Чикамоге стала не только необходимостью, но и провалом. Если бы был реализован надлежащий план, кампания Розкранса закончилась бы успешной осадой и битвами при Чаттануге, без их ужасного предшественника Чикамоги.

Само сражение было самым плохо организованным сражением войны. Общественность обвинила Роузкранса, и президент освободил его от должности за то, что он покинул поле боя и уехал в Чаттанугу, но не всем известно, что Роузкранс никогда не видел поля битвы при Чикамоге; тем не менее, это факт; и он по сей день ничего не знает о дорогах или конфигурации этого поля из личного осмотра. На самом деле он не видел, чтобы по этому полю стреляли из пушки, за исключением того момента, когда Лонгстрит разбил корпус Маккука и прорвался через казармы Розкранса, которые находились в задней части этой части поля. В первый день

его квартира находилась в миле справа и сзади от линии сражения и в двух милях от основного сражения, которым руководил Томас. Во время этого дневного сражения Розкранс расхаживал взад и вперед по своей каюте, в то время как его инженер сидел поблизости с картой, карандашом и компасом, пытаясь определить на карте направление сражения по его звукам! Никогда еще не было ничего более нелепого, чем эта сцена. Деревенская женщина по имени Гленн, проживавшая в этом доме, была вызвана в качестве помощницы и, стоя рядом с инженером, в ответ на его вопросы "угадывала" место обстрела как "примерно в миле от дома Джона Келли" или "где-то недалеко от моста Рейда". Стрельба была отчетливо слышна, и когда в одном или двух случаях канонада и ружейный огонь усилились, я услышал, как Розкранс, потирая руки и буквально дрожа от возбуждения, воскликнул: "Ах! вон идет Брэннин!" или "Это входит Негли!" и на самом деле понимает в реальной ситуации не больше, чем бедная женщина, которая помогла Гарфилду и Сент-Клеру Мортону найти линию на карте. Тем временем на поле боя каждый командир корпуса сражался "сам по себе", и таким образом Криттенден, который никогда на поле боя не имел собственного мнения и никогда не брал на себя никакой ответственности, которой он мог бы избежать, не смог продвинуть свой корпус, когда корпус Томаса атаковал и вытеснил врага. Если бы он это сделал, все силы, которые Брэгг в тот первый день сражения располагал на нашей стороне реки Чикамога, неизбежно были бы сброшены в этот поток. Как бы то ни было, правый фланг наступающего корпуса Томаса оказался незащищенным и повернутым, и он был вынужден уйти с выигранного поля, плоды его победы были растрачены негативом Криттендена. Все это, несомненно, произошло из-за отсутствия Роузкранса на поле боя. Вся история этой ужасной ошибки была рассказана той ночью генералом Джоном М. Палмером в эпизоде, который очень красиво это иллюстрирует. Я встретил его днем, когда его войска были несколько рассеяны. Следующей ночью я сидел за столом телеграфистов в квартире Розкранса и писал депешу, когда вошел генерал Палмер.

"С тех пор как я увидел вас сегодня утром, - сказал он, обращаясь ко мне, - я снова собрал свои войска. Они в хорошем настроении и готовы к новой битве. Я без колебаний заявляю вам, — в этот момент он увидел помощника военного министра Дану на другом конце стола и хотел бы остановиться, но зашел слишком далеко, поэтому добавил: - и я без колебаний заявляю вам, мистер Дана, что эта битва проиграна, потому что у нас на поле боя не было верховного главы армии, который руководил бы ею".

Никогда не было ничего более правдивого, чем это. Все, что в свое время было необходимо для того, чтобы обеспечить нам великую победу, - это чтобы кто-нибудь сказал Криттендену, что его очевидный долг - атаковать вместе с Томасом. На следующий день было слишком поздно; Лонгстрит был уже за рекой; Маккук был разбит; он, Криттенден и Роузкранс были в Чаттануге (последний уже телеграфировал в Вашингтон, что его армия полностью разбита и обращена в бегство); и все, на что Томас мог надеяться со своими остатками армии, - это прикрыть отступление. Это ему удалось сделать благодаря своевременному появлению резервного корпуса и двух его очень способных руководителей, Грейнджера и Сидмана.

Грейнджер была персонажем, Сидман - замечательным человеком из этих двоих, и оба они были нужны Томасу в критической ситуации. Они привели с собой резервный корпус численностью в двадцать пять тысяч человек — пятнадцать тысяч из них были рядовыми, остальные десять тысяч составляли сами Сидман и Грейнджер. Каждый из них был человеком, которому их войска безоговорочно доверяли, и это удваивало их силу, или, скорее, составляло

их силу, поскольку нельзя сказать, что ни одна армия не обладает какой-либо силой, если она не доверяет своим лидерам.

ГОРДОН ГРЕЙНДЖЕР.

Гордон Грейнджер - грубый и выносливый солдат, и уверенность его людей была вызвана не столько знанием его способностей, сколько восхищением его храбростью. Его способности как режиссера невелики, но он хороший лидер среди мужчин. Грейнджер - человек, лишенный всякого чувства страха, он более безразличен к опасностям битвы, чем любой другой мужчина, которого я когда-либо встречал. Он не был самым хладнокровным человеком, которого я видел на поле боя; напротив, он был тем, что можно было бы назвать суетливым, чтобы не сказать, что он был легковозбудимым, что было бы неправдой; но настолько тотальным и абсолютно бесстрашным, что это было не просто очевидно, но и примечательно, и вызывало частые упоминания со стороны его товарищей-офицеров и постоянное восхищение его людей. Это качество его натуры делало его лидером, поскольку внушало доверие его людям, и эта уверенность формировала дисциплину и моральный дух его командования. Грейнджеру следовало бы быть скорее артиллеристом, чем пехотинцем, потому что он был предан артиллерии, и самым большим недостатком его характера как лидера было это пристрастие к артиллерии. Нередко Грейнджер оставлял командование корпусом, чтобы командовать батареями. В Чикамоге он оставил Сидмана командовать своим корпусом, а сам смонтировал батарею на фронте генерала Вудса и открыл по врагу огонь, вызвавший ответный огонь, от которого в квартире Томаса стало слишком жарко, чтобы быть комфортным даже для этой старой саламандры. В первый день сражений при Чаттануге, в ноябре 1863 года, Грейнджер точно так же посвятил себя большим орудиям в Форт-Вуде, штаб-квартире Гранта, и так беспокоил Гранта своей неоднократной стрельбой по монстрам, что последнему пришлось приказывать ему выдвигаться на фронт, где занимали позицию его войска. Властная страсть была слишком сильна в Грейнджере, чтобы ее можно было усмирить намеком, и едва он пробыл на передовой пять минут, как установил батарею и вел огонь по повстанцам с меньшей дистанции.

Грейнджер был человеком, одинаково мужественным как морально, так и физически, и преследовал цель или критиковал предмет или личность, не обращая ни малейшего внимания на мнение других. Он никогда не уклонялся от ответственности — на самом деле, скорее действовал без авторитета, чем без него, чтобы придать изюминку начинанию. Он был свободен в своей критике как Хукер, но грубее. У него было так же мало политики в таких вещах, как "Драка с Джо", но в нем не было саркастической горечи этого офицера. Грейнджер был почти груб не только в своей критике, но и в выражениях, и никогда не испытывал неприязни к мужчине, не показывая этого. Когда армия оккупировала Восточный Теннесси, после изгнания Лонгстрита из окрестностей Ноксвилла, Шерман оставил Грейнджера командовать в Лаудоне с небольшим количеством продовольствия для его войск и почти без корма для его животных. Грейнджер пожаловался на свои претензии Гранту, который передал дело Шерману. Последний заявил, что в Восточном Теннесси в изобилии имеются всевозможные припасы, и, подписывая документы, посоветовал Грейнджеру жить за пределами страны. "Жить за пределами страны" было любимой идеей Шермана, но Грейнджер видела в этом большие трудности и чуть не умерла с голоду, пытаясь это сделать. Вскоре после этого Грант отправился на Потомак, и Шерман сменил его на посту командующего Военной дивизией на Миссисипи. Следующей весной, проводя инспекцию своего командования, Шерман однажды прибыл в Лаудон, штаб-квартиру Грейнджера. Спрыгнув с машин в этом месте, Шерман увидел Грейнджера перед своей квартирой и, подойдя к нему, начал в той быстрой, нервной манере, в которой всегда говорит Шерман:

- Послушай, Грейнджер, я бы хотел, чтобы ты дала мне и моим сотрудникам что-нибудь поесть — только по кусочку, только по кусочку и чашечку кофе. Я ничего не ел с самого рассвета.

- Сначала я посмотрю, как ты умрешь с голоду, - пробормотала Грейнджер *вполголоса*, но все же достаточно громко, чтобы ее услышали. "Почему бы тебе не "пожить за счет деревни"?"

Он, однако, дал Шерману его паек из самых простых продуктов, которые тот смог собрать, — "платформу Линкольна" (черствый хлеб) и ржаной кофе, но не смог удержаться от соблазна неоднократно извиняться за простую еду замечанием:

- Видите ли, генерал, нам приходится "жить за счет страны".

Несмотря на то, что Грейнджер был большим поклонником Rosecrans, по отношению к нему Грейнджер был не более разборчив в языке, чем к Шерману. После того, как Томас отступил к Россвиллу, после битвы при Чикамоге, он отправил генерала Грейнджера в Чаттанугу, чтобы представить ситуацию Роузкрансу и получить его приказ отступить к Чаттануге. Грейнджер нашла Роузкранса, и ей не составило особого труда убедить его принять идеи Томаса. Он сел за стол и, пока Грейнджер смотрела ему через плечо, начал писать приказ Томасу отступить. Вместо того, чтобы отдать краткий приказ, Роузкранс продолжил подробно описывать, как должно быть проведено отступление, как должны быть выстроены войска, эта дивизия здесь, другая там, кто должен быть в авангарде, а кто в тылу, и добавил, что перед началом отступления по всей линии должны быть разведены большие костры, чтобы обмануть противника, заставив его поверить, что они собираются остаться там (любимый *трюк* хитрого Роузкранса), когда Грейнджер прервал его:

- О, это все чепуха, генерал! Отправьте Томасу приказ об отставке. Он знает, что делает, не хуже тебя.

Розкранс молча подчинился, разорвал приказ и написал другой, который оказался образцом краткости и полностью удовлетворил Томаса.

Эта независимость в высказываниях скорее повлияла на галантность Грейнджер — к сожалению, так было однажды, по оценке очаровательной мисс Сондерс из Нэшвилла, падчерицы губернатора Аарона В. Брауна и племянницы генерала-повстанца Гидеона Пиллоу. Мисс Сондерс особенно гордилась своим дядей Гидеоном, и никогда не упускала возможности похвалить его. Однажды она позволила себе похвалить Подушку Грейнджеру и, среди прочего, заметила, что ее дядя "занимал бы очень высокий чин в армии Конфедерации, если бы не личная вражда, существовавшая между ним и Джеффом Дэвисом. Очень неожиданно невежливая и чересчур откровенная Грейнджер ответила:

"Общая подушка никогда ничего особенного не значила".

Брови очаровательной молодой леди нахмурились, а глаза вспыхнули огнем, когда она воскликнула:

- Генерал Грейнджер, как вы смеее так отзываться о моем дяде?

"О, - ответил Грейнджер, - меня не проведешь "раскрашенными мулами"". (Грейнджер был квартирмейстером, и в первые дни ему часто навязывались торговцы отремонтированными животными, вышедшими из строя.) - Я знал Гида Пиллоу в Мексике, и он всегда был старым дураком.

Отвращение племянницы можно лучше представить, чем описать, и невежливая и грубая Грейнджер была навсегда изгнана из ее присутствия.

Как и большинство столь же откровенных мужчин, Грейнджер был твердым, теплым и постоянным другом. Я сильно поссорился с ним во время битвы при Мишн-Ридж за то, что он упомянул историю, рассказанную мнe сенатором Несмитом из Орегона, о его комичных приключениях при побеге из плена в Чикамоге и его отступлении к цивилизации. Некоторое время я не мог понять гнева Грейнджера, пока он не сказал мне, что сенатор Несмит был его близким другом и не следует оскорблять его в его присутствии. Только после того, как я объяснил, что Несмит сам рассказал мне эту историю и что она в высшей степени похвальна его выдержке и мужеству, хотя и до крайности комична, Грейнджер наконец смягчился.

Генерал Грейнджер любил молодых людей, связанных с ним в штабе в качестве членов его штаба, и особенно капитана Рассела, своего генерал-адъютанта. Во время битвы при Чикамоге он послал капитана Рассела на какой-то участок линии фронта передать приказ генералу Свидману. Проезжая по хребту, через который он должен был перевалить, Рассел попал под огонь повстанцев и упал, пронзенный несколькими пулями. Его лошадь была ранена в бедро и, оставшись без всадника, вернулась туда, где Грейнджер в то время участвовал в бою, обстреливая и почти заряжая батарею, которую он установил на позиции и на которую в это время атакował враг. Лошадь выделила Грейнджера в толпе и возбуждении, подбежала к нему, погладила по голове и сделала все, что только может сделать тупое животное, чтобы привлечь к себе внимание. Сначала Грейнджер, занятая ружьями, не заметила лошадь, пока животное не стало доставлять хлопот. Его собственная лошадь и лошадь капитана Рассела были очень похожи, и, приняв животное за свое собственное, Грейнджер крикнул своему ординарцу, чтобы тот увел его. Санитар объяснил, что это была не его лошадь, и тогда Грейнджер увидела, что это лошадь Рассела, и заметила, что она была ранена. Истина сразу же промелькнула в его голове, и он послал нескольких своих телохранителей на поиски тела своего адъютанта, верный конь проводил их к тому месту, где упал его хозяин. Грейнджер забыл о "своей главной страсти", об артиллерии — забыл послать еще одну помощь с приказом, который Рассел, конечно, не выполнил, и когда санитары вернулись с мертвым телом капитана, Грейнджер отдался своему горю. Наконец его великая скорбь выразилась в восклицании, адресованном генералу Томасу:

"Клянусь Всевышним, генерал, он был лучшим солдатом, которого я когда—либо знал!"

После этого фонтан его слез, казалось, иссяк. Он приказал позаботиться о теле, вернулся к своей артиллерии и снова стал суровым солдатом, каким был минуту назад.

ДЖЕЙМС Б. СТИДМАН.

"Старый стойкий", как солдаты ласково называли генерала Джеймса Б. Сидмана, обладал, возможно, не большими, но определенно более доступными талантами, чем Гордон Грейнджер. Он был более практичным, обладал столь же эффектной внешностью, такой же отвагой

морально и большей отвагой ментально. Гордон Грейнджер наслаждается ответственностью. Стивидман осмеливается брать на себя ответственность, которая порой ужасает, и делает это с такой холодной наглостью, что вы замолкаете от изумления, и с такой возвышенной выдержкой и дерзостью, что вы замолкаете от восхищения. Он отвергает доводы из-за нелепости своих планов и подавляет оппозицию смелостью, с которой он их осуществляет. Он ни перед чем не колеблется. Масштабность предприятия имеет для него очарование, и он достигает великих свершений самыми неожиданными способами. Он никогда не бывает таким великим, как когда борется с большими препятствиями или с большими шансами. Он позитивный и решительный человек; не просто самоуверенный и упрямый, но твердый, непоколебимый и решительный. Ясноголовый и хладнокровный — человек необычайно сильного здравого смысла — он всегда знает свое собственное мнение и всегда следует ему. Ни один человек никогда так не нуждался в совете и никогда не относился к нему с таким презрением. "Никогда, ни при каких обстоятельствах, не прислушивайся к советам какой-либо организации и не отказывайся от информации какой-либо организации" - общепринятый девиз Steedman. Он не перенял это из реального опыта, а воспринял интуитивно и создан, а не образован для того, чтобы зависеть от него и решать самому. Опыт, образование и природная проницательность научили его инстинктивно угадывать истину в принципах и характере, и он редко ошибается в правильном анализе людей и мотивов. Тот же многолетний опыт, основательное образование и природная проницательность сделали из него великолепного административного чиновника, полного ресурсов и изобретательности, что в сочетании со смелостью, или, возможно, это лучше всего описать, назвав это наглостью, с которой он действует, обеспечивает гарантированный успех всем его планам.

Эти черты экстравагантности в формировании и смелости в осуществлении его планов находят множество иллюстраций в общественной карьере Стивидмана. До войны один из выдающихся людей среди местных политиков Огайо и лидер демократов, он был председателем всех Демократических съездов своего штата с 1850 по 1860 год и был известен изобретательностью, с которой он дергал за политические ниточки своей партии. И не менее примечательным фактом в связи с этим вопросом является то, что он достиг этой руководящей должности благодаря своему избранию суперинтендантом общественных работ, должности, которая ранее имела второстепенное значение и мало пользовалась покровительством, но которую Стивидман приобрел благодаря своей позитивности и смелости таким влиянием и властью, что сделал ее обладателя, по сути, *the* властью в партии. И благодаря своей смелости и сильной воле, с удивительным успехом применявшимся к людям, он сохранил и продолжает сохранять эту власть по сей день. Его более смелые соратники обычно заявляли, что он разрушает партию неправильностью и невозможностью своих планов, и таким образом пытались ослабить его влияние; но поскольку после каждых выборов партия под его руководством выходила вперед, вера в смелость его маневра восстанавливалась, и его честолюбивые товарищи, которые хотели также быть его соперниками, подобно более послушным членам партии, снова прибегали к его поддержке и сражались под его руководством. Его смелость на самом деле была не чем иным, как четким определением принципа, за который боролись, и в этом заключался секрет успеха. О Стивидмане рассказывают, что однажды он придумал любопытную схему примирения несогласованных элементов, которые угрожали единству Государственного съезда партии, созванного в Колумбусе. Он пошел к владельцу отеля, в котором обычно останавливалась делегация, и сказал ему, что, когда определенные люди, которых он назвал и которые были лидерами двух фракций, придут в город и потребуют комнаты, им следует

сказать, что зал полон, но что "вероятно, мистер Сtidман мог бы разместить их в своем номере", который, как позаботился Сtidман, должен быть самым большим в доме. Уловка удалась, и лидеры соперничающих фракций, к большому своему удивлению, оказались вместе в комнате Сtidмана и настолько сосредоточились друг на друге, что ни одна из фракций не смогла провести свое предложенное собрание. Вечером накануне Съезда, сумев запереть лидеров двух фракций в своей комнате, Сtidман раскрыл каждому из них тайные планы другого и таким образом разоружил обоих. Обильным использованием аргументов и разумным использованием насмешек он примирил масло и воду (однако не *ложью*) и, наконец, заставил их согласиться с его платформой и его кандидатом. Я не уверен, что он сам не был выбран кандидатом. Шутка была слишком хороша, чтобы оставить ее себе, и владелец отеля рассказал о ней лидерам, которые разошлись по домам, заявив, что получили единственное удовлетворение, а именно то, что "Джиму Сtidману пришлось спать на полу в течение всего Съезда, в то время как они спали в его кроватях".

Сон на покрытом ковром полу не был особенно тяжелым испытанием для Конюшего синьюви, поскольку в состоянии сильного умственного или нервного возбуждения он вообще не мог заснуть. На съезде в Цинциннати в 1856 году, на котором он был ведущим проводником в Огайо, он провел четыре дня и ночи, не смыкая глаз, и три четверти времени провел на ногах на холодном каменном полу дома Бернеттов, "манипулируя" политиками. Он не может ни есть, ни пить от сильного возбуждения. В битве при Чикамоге он два дня ничего не ел, и хотя всю битву пронес с собой флягу виски, он совсем забыл о ней до тех пор, пока после отступления к Россвиллу раненый солдат в госпитале не попросил попить, и Сtidман отдал ему свою флягу.

Сtidман был демократом Дугласа с очень сильными убеждениями и очень удивил своих друзей, когда война вот-вот должна была начаться, аргументируя в своей газете "Тоledo Геральд" и "Таймс" правомерность разрешения южным штатам "выйти", *то есть* мирного отделения. Такая доктрина от демократа Дугласа была поразительной, и статья вызвала много комментариев. Не говоря о том, что штатам следует разрешить выйти, он утверждал, что отделение само по себе было наказанием; что отделившиеся штаты не смогли бы держаться вместе, если бы им позволили отделиться; и что пройдет всего несколько лет, прежде чем они будут умолять о возвращении в Союз; и что, хотя удержание их в нем стоило бы реки крови, война не более эффективно решит вопрос об отделении, чем если позволить ей пасть своей собственной тяжестью. Друзья Сtidмана объявили его сумасшедшим, но он только посмеялся над ними и в следующем номере своей газеты закончил свою аргументацию или, скорее, изложил другую сторону вопроса. Утверждая, что первый вывод был правильным и что предложенный курс был бы одинаково эффективен и при ведении войны, он затем продолжил показывать, что это не тот курс, к которому мог бы стремиться великий народ; что мирное отделение было доктриной, которую мы не должны признавать только ради гуманитарного аргумента "отсутствия кровопролития", и что лояльным людям не оставалось ничего, кроме другой горькой альтернативы войны. Он заявил, что народ Севера единодушно примет эту альтернативу в духе справедливости и что народу подобает готовиться к кровопролитию, которое должно было последовать. Первая из этих статей в конечном итоге попала в Конгресс в то время, когда ожидалось утверждение Сtidмана в качестве бригадного генерала, и, будучи истолкованной как "Копперхидизм", задержала это утверждение почти на два года, мистер Эшли, который победил Сtidмана на выборах в Конгресс, рассматривал это как баланс сил, чтобы не дать генералу баллотироваться против него на эту должность. На следующих выборах, вместо того, чтобы согласиться уступить место Эшли и таким образом обеспечить его утверждение, Сtidман

воспользовался совершенно противоположными доводами и объявил о своем намерении, поскольку он вряд ли будет утвержден в звании бригадного генерала, баллотироваться против мистера Эшли. Это возымело желаемый эффект, и Эшли поспешил, благодаря своей рекомендации и влиянию, добиться утверждения Сидмана в Сенате, а вскоре после этого и в звании генерал-майора, на которое Сидман был назначен после битвы при Чикамоге.

Восхищение Сидмана Дугласом доходило почти до идолопоклонства, причем до такой степени, что *политические* враги Дугласа считались Сидманом его *личными* врагами, и не с одним из них он обращался подобным образом. Когда Сидман был государственным печатником в Вашингтоне, Айзек Кук, почтмейстер Чикаго и бывший демократ Дугласа, но который, чтобы сохранить свое положение, встал на сторону Бьюкенена в его знаменитой ссоре с Дугласом, пришел к нему в офис с жалобой на то, что Дуглас оскорбил его за дезертирство. Рассказывая о том, что произошло и каким образом Дуглас донес на него, Кук заметил Сидману, что он только что встретил Дугласа в Капитолии и был готов, в случае, если "Маленький великан" заговорит с ним, "задать ему хорошую трепку". Картина, на которой Стивена А. Дугласа избивает палкой "Айк" Кук, была слишком тяжела для Сидмана. Одним прыжком убрав со стола, стоявшего между ним и Кухаркой, он схватил изумленного почтмейстера за воротник и с яростным ругательством воскликнул:

"Ты избиваешь Дугласа! Ты бьешь Стивена А. Дугласа, который сделал тебя тем, кто ты есть! Убирайся из этого кабинета, или я тебя вышвырну!"

Кук начал возражать, но разъяренный Конюх привел свою угрозу в исполнение, и Кук поспешно и неэлегантно ретировался.

На следующий день президент Бьюкенен послал за Сидманом и прочитал ему лекцию о его обращении с Куком. Сидман к этому времени начал видеть комическую сторону этого дела и терпеливо и добродушно выслушивал лекцию президента, пока мистер Бьюкенен не отошел о Дугласе презрительно как о "маленьком предателе". Кровь Сидмена вскипела от ярости, но огромным усилием воли он сдержал свой порыв и, поднявшись, сказал размеренно-спокойным голосом:

"Господин Президент, я много лет был теплым другом Стивена А. Дугласа. Я поддержал его на съезде, который выдвинул вас кандидатом в президенты, потому что считал его несравненно более способным и наилучшим кандидатом на этот пост. *Я и сейчас так думаю.* Доброе утро, сэр.

Через несколько часов Сидман получил записку от главного почтмейстера:

"Сэр, Президент поручил мне проинформировать вас, что в будущем мистер Корнелиус Венделл будет заниматься печатью этого отдела".

За этим последовал общий отказ от правительственного покровительства там, где это было возможно, и, таким образом, Сидман потерял большую часть своего бизнеса из-за своей откровенности.

В очерке генерала Томаса я намекнул, что знаменитая атака резервного корпуса при Чикамоге была предпринята по предложению Сидмана. Идея наступать в то время была самой нелепой

— это выглядело просто самоубийством — и я был бы менее удивлен, если бы армия приняла меры к капитуляции, чем я был бы удивлен, увидев, как корпус Сидмана атаковал и захватил горный хребет против корпуса Лонгстрита, который за несколько часов до этого одним ударом рассеял более крупные силы, чем у Сидмана. Атака была не меньшей неожиданностью для противника, и тот факт, что она была неожиданной и необъяснимой в данных обстоятельствах, во многом способствовал ее успеху, поскольку она озадачила и сбивала с толку как Лонгстрита, так и Брэгга настолько, что убедила их в том, что у Томаса были большие резервные силы, и вызвала длительную и чрезвычайно важную задержку и прекращение боевых действий.

Во время этой знаменитой атаки Сидмана произошел инцидент, который сразу же иллюстрирует смелость и экстравагантность этого человека. Бои были очень тяжелыми, хребет, который удерживал Лонгстрит, был очень высоким и труднопроходимым, и в какой-то момент Сидман увидел, что часть его линии дрогнула. Прежде чем он успел выехать вперед, к их позиции, эта колеблющаяся бригада сломалась и начала отступать, следуя за флагом в руках знаменосца, который возглавил отступление. Встретив отступающую бригаду, Сидман выхватил флаг у знаменосца и взмахнул им над головой. Вся очередь видела это действие, но только часть из них слышала его зычный голос, когда он кричал:

"Бегите, ребята, бегите, как трусы; но флаг с вами не пойдет".

Не слова, а развевающийся флаг произвели желаемый эффект, и эти люди вернулись в атаку и под предводительством широкоплечего старого солдата с широкой грудью покорили холм перед собой.

Перед тем, как отправиться в это сражение, Сидмана странным образом поразила мысль о том, что он потеряет правую ногу, и, хотя он не верил в предчувствия, эта мысль так часто приходила ему в голову, что он поделился своими чувствами с некоторыми из своих сотрудников и друзей. Среди других, кому он упомянул об этом, был Гордон Грейнджер, который посмеялся над этой идеей и шутливо спросил Сидмана, что он может для него сделать в случае, если его ранят или убьют.

"Да, - ответил Сидман на его вопрос, - вы можете оказать мне большую услугу, и я прошу вас уделить этому внимание".

- В чем дело? - спросила Грейнджер. - Я клянусь сделать это.

- Проследите, чтобы мое имя было правильно напечатано в газетах. Печатники всегда пишут это "через".

И с этой просьбой Сидман поскакал на битву. Через час или два после ее начала его лошадь под ним подстрелили, а для него привели другую. Он вскочил на него, но правое стремя перекрутилось, и он приподнял стремя ногой, одновременно поднимая ногу, чтобы дотянуться, ухватиться за кожу и вывернуть ее, как вдруг мушкетная пуля попала в ремень и, перерезав его надвое, прошла между его ногой и седлом.

- Клянусь Богом! - воскликнул Сидмен. - Со мной все в порядке! - и неприятное предчувствие покинуло его разум, ибо теперь он был твердо убежден, что пуля, рассекшая кожу, была той самой, которой он должен был опасаться.

Я полагаю, не всем известно, что Грейнджер и Сtidман добрались до поля битвы при Чикамоге вопреки приказу. Роузкранс возложил на резервный корпус обязанность охранять Россвилл-Гэп, очень важную позицию; но когда разрозненные войска Маккука начали вливаться в Чаттанугу через этот гэп, Грейнджер начал искать Роузкранса в надежде получить приказ выступить на помощь Томасу. Пока Грейнджер ожидал приказов, Сtidман двинулся вперед, и именно таким образом он оказался на позиции Томаса раньше Грейнджера. Сtidман действовал таким образом без приказа не в одном важном случае. Он участвовал в битве при Карнифекс-Ферри, Западная Вирджиния, без приказов или помощи, и разгромил бригаду Флойда одним полком. Ему было приказано удерживать Чаттанугу, когда Худ двинулся на Нэшвилл; но, не обнаружив рядом с собой особо грозных сил и будучи отрезанным от связи с Томасом в Нэшвилле, Сtidман оставил небольшой отряд негров в Чаттануге и двинулся с большим отрядом белых и негритянских добровольцев к Нэшвиллу. Наступление кавалерии Худа перерезало железную дорогу и привело его эшелоны к Милл-Крик, небольшому ручью в нескольких милях от Нэшвилла, но он пешком пробился к городу и появился со своими десяти тысячами человек перед штабом генерала Томаса. На вопросительный и, возможно, осуждающий взгляд Томаса Сtidман ответил:

"Генерал, я был отрезан от связи и прибыл сюда в надежде, что смогу получить отпуск, чтобы восстановить силы в Нэшвилле и принять участие в битве".

Он получил приказ и такую возможность. В своем отчете о своем участии в сражении он утверждает, что предпринял это движение по приказу генерала Томаса, но не объясняет, как он его получил.

Сtidман очень верил в негритянские войска. Одной из его самых смелых попыток было то, что он повел тысячу негров в атаку в Далтоне, штат Джорджия, на кавалерию Уилера численностью в две с половиной тысячи человек, разгромил их и захватил это место. Его главными силами в битве при Нэшвилле были две бригады негритянских войск, и он высоко оценил их поведение. Он добился большого успеха и большой личной популярности, находясь во главе департамента Джорджия, благодаря своим усилиям по облегчению положения вольноотпущенников. О нем рассказывается случай, иллюстрирующий его политику по отношению к вольноотпущенникам и его представления о справедливости применительно к ним, когда он служил в Огасте, штат Джорджия.

Однажды к нему пришел железнодорожный подрядчик и попросил выделить вооруженные силы, чтобы заставить негров работать на ремонте линии от Саванны до Огасть.

"Они не будут работать, генерал", - сказал подрядчик.

"Сколько вы им платите?" - спросил генерал.

- Десять долларов в месяц, - последовал ответ.

"Дьявол!" - воскликнул Сtidман. "Дайте им тридцать штук и посмотрите, сработают ли они тогда. Я никогда в жизни не давал человеку меньше восьмидесяти семи с половиной центов в день. Думаю, за такую цену я мог бы нанять здесь бригаду. Ты попробуй; и, говорю тебе, - добавил он, - если я услышу, что ты предлагаешь меньше, я *попробую* тебя".

Подрядчик попробовал этот план и обнаружил, что ему не нужна военная охрана и нет работы для половины соискателей, которые толпились в его офисе.

Конюх по внешнему виду напоминает крепкого, сердечного фермера, с крепким телосложением, хорошо сложенного, обладающего большой физической силой и выносливостью. Он весит более двухсот фунтов и является одним из сильнейших людей в стране. Он столь же откровенен, сколь и смел, и столь же честен, сколь и дерзок.

Когда генерал Розкранс удалился в Чаттанугу во время битвы при Чикамоге, бросив таким образом свою армию, он совершил величайшую ошибку в своей военной карьере. Вскоре он убедился в этом и вскоре почувствовал и осознал, что его неудачное отступление оставило его совершенно беззащитным. Сначала он боялся кого-либо осуждать и старался подружиться со всеми. Он не мог осуждать Маккука и Криттендена, потому что, сбежав с поля боя, они всего лишь последовали его примеру, и осуждать их за это значило осуждать самого себя. Какая-то жертва была необходима для объяснения его поражения и отступления, и были выбраны генералы Томас Дж. Вуд и Джеймс С. Негли, последний до, а Вуд после смещения Розкранса. Негли был офицером-добровольцем, который навлек на себя вражду Брэннина, Дэвиса, Болди Смита и одного или двух регулярных офицеров низшего ранга, и Роузкранс пожертвовал им, чтобы заручиться поддержкой так называемой "регулярной клики" армии, которая охватывала этих и других регулярных офицеров. Роузкранс не сменил Вуда, как Негли, и Роузкранс не осмеливался публично порицать его вплоть до его собственного смещения, когда, ко всеобщему большому удивлению, Роузкранс в своем официальном отчете осудил Вуда за то, что он стал причиной катастрофы в армии. Дело в том, что Роузкранс не имел права делать репортаж о битве при Чикамоге, поскольку он ее не видел, не присутствовал, и в том виде, в каком он написан, его отчет после описания общей топографии Северной Алабамы и Джорджии является всего лишь неубедительным извинением за его собственное странное поведение.

Двое мужчин, ставших козлами отпущения Роузкранса, были людьми с незаурядными способностями, и очень жаль, что репутация таких людей когда-либо была передана в руки таких генералов, как Роузкранс. Генерал Негли, хотя и не получил армейского образования, был одним из самых начитанных офицеров в военных вопросах, которые у нас были на добровольческой службе, и обладал естественной адаптацией и многими качествами лидера. Он был человеком быстрого восприятия и решительных суждений, интуитивных талантов, которые не раз "помогали ему", как, например, при Стоун-Ривер, где он ответил на атаку своих войск Брекенриджем контратакой, которая, проведенная с большой силой и быстротой, изменила исход дня и получила преимущество, которое заставило Брэга покинуть поле боя, мастером которого он все еще был. Брэгг отстранил Брекенриджа от командования за поражение от Негли.

Среди наиболее важных услуг, оказанных генералом Негли или любым другим генералом армии, были операции, включавшие разведку и сражение при Даг-Гэпе, Джорджия, 11 сентября 1863 года. Он командовал наступлением центральной колонны армии Розекранса при пересечении Лукаут-Маунтин. Три колонны были на значительном расстоянии друг от друга — пятьдесят миль между правым крылом и центром и около тридцати между центром и левым крылом. Зная это, Брэгг сосредоточил свои силы перед центром, оставив Чаттанугу таким образом, чтобы показать, что он полностью отступает. Роузкранс приказал преследовать его, и генералу Негли, вышедшему из ущелья Стивенса на Лукаут-Маунтин, было приказано взять

Лафайет, Джорджия. Генералу Негли сообщили, что Брэгг концентрирует свои силы именно в этом месте, но это сообщение было опровергнуто генералом Розкрансом, и Негли было приказано продвигаться вперед. Утром 11 сентября он осторожно продвигался вперед, командуя своей собственной дивизией и дивизией Бэрда, и, как он и ожидал, вскоре столкнулся с противником. Некоторое время он гнал их, но вскоре обнаружил, что впереди и на флангах у него вся армия Брэгга. Впоследствии было обнаружено, что Брэгг отдал положительные и безапелляционные приказы генералам Хиндману, Хиллу, Бакнеру и Полку атаковать и уничтожить Негли, пообещав себе легкий захват других колонн в деталях. Но Негли был слишком проницателен, чтобы попасться на удочку таким образом; хотя его обозы и обозы Бэрда перегородили дорогу в его тылу, которой враг вскоре угрожал, двинувшись с флангов, ему удалось спасти каждый фургон и медленно отступить к Стивенс-Гэп, где он мог позволить себе сражаться втрое превосходящими его силами. Это сражение, длившееся весь день, было первым убедительным доказательством присутствия Брэгга, полученным Розкрансом, и первым предчувствием опасности. Это побудило его собрать воедино свои разрозненные колонки. Благоразумие и доблесть генерала Негли в этом случае были одинаково высоко оценены не только генералами Розкрансом и Томасом, но и генералом Брэггом, который, разгневанный их неспособностью уничтожить его, арестовал Хиндмана и Полка и выдвинул против них обвинения. Эти обвинения, которые приписывали бегство Негли от этой опасности промедлению со стороны арестованных офицеров-повстанцев, так и не были поддержаны, и они были возвращены к исполнению своих обязанностей. Факт заключался в том, что Негли перехитрил их и вовремя предупредил Роузкранса, чтобы спасти армию.

Когда началась битва при Чикамоге, дивизия генерала Негли была в движении, маршируя под звуки артиллерийского огня, и она достигла поля боя как раз вовремя, чтобы продвинуться вперед справа и заполнить брешь, образовавшуюся из-за рассредоточения дивизии генерала Ван Клива. В последовавшей отчаянной схватке генерал повстанцев Престон Смит был убит, а враг приведен в замешательство. На второй день сражения дивизии генерала Негли повезло меньше. Одна бригада была направлена на крайний левый фланг, другая была размещена в центре, а третья находилась в резерве. Позже в тот же день сам генерал был отстранен от командования дивизией и назначен командиром ряда батарей, которые были сосредоточены на холме на новой линии, на которую предлагалось отойти, и которые предназначались для прикрытия отступления. Однако прежде чем этот маневр был осуществлен, правое крыло и центр армии были разбиты, и войска в замешательстве отступили. Неприятель большими силами атаковал орудия генерала Негли и, продвигаясь по флангам, создал серьезную угрозу их захвата. Ценой огромных усилий генералу удалось перенести их с поля боя без помощи какой-либо пехоты и, таким образом, спасти от захвата около пятидесяти орудий.

Вернувшись в Россвилл, он обнаружил, что в отсутствие Розкранса, Маккука и Криттендена в Чаттануге является старшим офицером на этом участке фронта, и немедленно приступил к реорганизации войск нескольких дивизий, собранных там без разбора. Ему удалось реорганизовать большое количество людей, и, выбрав сильную позицию в Россвилл Гэп, он попытался установить связь с генералом Томасом. Однако это было признано невыполнимым. Ночью генерал Томас отошел на эту позицию и, соединившись с генералом Негли, приказал ему разместить войска вдоль выбранной им линии и приготовился оказать врагу теплый прием на следующее утро. Брэгг был слишком умен, чтобы атаковать, и ограничился простой разведкой позиции. На следующий день войска были отведены в Чаттанугу и велись приготовления к последующей осаде. Во время этой осады генерал Негли был освобожден от

должности генералом Розкрансом таким образом и настолько несправедливо, что был вынужден потребовать проверки своего служебного поведения. Это было удовлетворено; был созван следственный суд и проведено расследование, в результате которого генерал Негли был оправдан. В заключение в официальном протоколе суда говорится, "что генерал Негли проявлял в течение дня (второго дня сражения) и следующей ночи большую активность и рвение при исполнении своих обязанностей, и суд не находит в представленных им доказательствах никаких оснований для порицания". Генералу Негли по окончании судебного процесса было приказано явиться к генерал-адъютанту в Вашингтон, что он и сделал, но вскоре после этого подал в отставку. Сейчас он занимается выращиванием на своей ферме недалеко от Питтсбурга, штат Пенсильвания.

Негли - один из самых опытных садоводов в стране, и когда он был на военном поприще, его свободные часы были посвящены изучению различных фруктов, цветов и кустарников, которыми изобиловали южные поля и леса. Многие походы, долгие, утомительные, изматывающие, доставляли удовольствие его сотрудникам благодаря его интересным описательным иллюстрациям скрытой красоты и достоинств благоухающих цветов и отвратительных сорняков. Я знал, что он часами объяснял свойства кустарников и полевых цветов, которые росли вокруг его бивака или штаб-квартиры, и во время марша часто спрыгивал с седла, чтобы сорвать чувствительное растение, чтобы "показать мораль", как быстро оно, подобно жизни или славе, увядает от прикосновения смерти или позора. Он был удивительно хорошо сложен - в нем было что-то от крепкого, жилистого телосложения Сидмана и Бьюэлла. Его хватка была подобна тискам. Он был столь же жестким, сколь и сильным, и столь же эластичным, сколь и выносливым. Он был чрезвычайно расторопным и активным человеком, и его дивизия Камберлендской армии была, безусловно, лучшей по строевой подготовке, назначениям и своему комиссариату. Войска Негли обычно хвастались, что, пока он командовал, они никогда, ни при каких обстоятельствах не испытывали нужды в еде или одежде, и они часто называли его "генерал-комиссар Негли".

Генерала Томаса Дж. Вуда можно было бы в некоторых незначительных отношениях сравнить с Негли, но они кажутся более эффектными, когда нарисованы по контрасту. Негли считался солдафоном среди волонтеров, Вуд - солдафоном среди постоянных клиентов. Я имею в виду не солдафона в том смысле, который несколько безмозглых офицеров придали этому названию своими иллюстрациями к нему, а в его собственном смысле, как указание на тщательного и эффективного сторонника дисциплины. И Негли, и Вуд делали своих людей солдатами благодаря дисциплине, и в армии не было солдат лучше. Их судьба тоже была схожей. Продвижение каждого было медленным и трудным, и их друзья начали опасаться, что их продвижение по службе будет того неблагодарного посмертного порядка, который был слишком частым и который всегда казался мне похожим на дарение красивого надгробного камня человеку, с которым несправедливо обращались всю его жизнь.

Генерал Вуд был придирчивым офицером, но решительным, храбрым и энергичным. История, которая быстро начинает становиться справедливой и которая с каждым днем будет становиться все более суровой, и все более справедливой при всей своей суровости, скажет, что было в высшей степени правильно, что при назначении генерала Вуда генерал-майором было написано так— "вице-Криттенден, подал в отставку". Место, которое занимал этот умный

джентльмен, но очень бедный солдат, Томас Л. Криттенден, принадлежало Тому Вуду задолго до того, как он его получил, потому что он действительно занимал его. Всегда находясь под командованием Криттендена, он всегда был его правой рукой и в качестве его правой руки, наделил его всеми военными мозгами и сформировал у него весь тот военный характер, который у него когда-либо был. Может быть, невежливо говорить об этом сейчас, но это ненадолго опережает историю. Это постановление, которому в конечном итоге должны подчиниться, и почему не сейчас?

Когда армия Роузкранса выстраивалась перед Мерфрисборо, штат Теннесси, за день до битвы 31 декабря 1862 года, крыло Криттендена находилось слева, а дивизия Тома Вуда сдерживала его наступление. Приблизившись к позициям повстанцев, Вуд, конечно же, остановился и, разведав позицию, доложил Криттендену, что противник укрепился в траншеях непосредственно перед ним. Криттенден двинулся вперед, к позиции Вуда, убедился в наличии сил противника и одобрил остановку. Вскоре после этого он получил сообщение от генерала Розкранса, в котором говорилось, что генерал Дэвид С. Стэнли, который со своим кавалерийским корпусом отправился в Мерфрисборо, сообщил, что противник эвакуировался, и поэтому он приказал Криттендену пересечь реку Стоун и занять город. Криттенден показал приказ Вуду и сказал ему, что он должен наступать и занять город. Вуд утверждал, что информация Роузкранса, насколько ему было известно и Криттендену, была неверной, и что, конечно, не годится беспрекословно подчиняться приказу. Криттенден считал, что его условия были позитивными, и ему ничего не оставалось, как подчиниться им. Вуд призвал Криттендена сообщить об обстоятельствах, объявить Rosecrans, что движение было отложено на час, чтобы сообщить об этих фактах, и быть готовым подчиниться ему, если оно повторится. Прошло некоторое время, прежде чем Вуд смог заставить Криттендена понять, что в данных обстоятельствах это было правильным решением. Он поехал обратно в Роузкранс и доложил о фактах, когда этот офицер, осмотревшись лично, одобрил выбранный курс и объяснил Криттендену, что не всегда следует беспрекословно выполнять приказы.

За три года активных боевых действий Том Вуд завоевывал почести в каждом бою, от Шайло до Нэшвилла. Катастрофы его корпуса не были катастрофами для него. Он вышел из горнила очищенным и сверкающим обновленной славой. Доказывает ли, как он это сделал при Шайло, что он сделал ветеранов своей дисциплины из людей, которые никогда не видели сражений, — останавливает ли неблагоприятный ход сражения при Чикамоге, — с непреодолимой силой покоряет высоты Мишн-Ридж и удерживает на острие штыка позицию с сильным персоналом, которая выглядела достаточно сильной, чтобы удержаться, — отражает ли атаку при Франклине или добивается ее при Нэшвилле, он выделяется как один из самых хладнокровных, самообладающих и отважных духов того времени. Я был рад видеть, как в конце войны он взялся за руки со своим благородным другом Руссо ради освобождения Кентукки от рабства и объединился с той группой прогрессивных людей, которым, как она через несколько лет признает, она обязана своим процветанием.

ОЛИВЕР О. ГОВАРД.

Среди многих оригинальных персонажей, с которыми я встречался и которых развила война, и отнюдь не наименее примечательным из них был генерал-майор Оливер Отис Ховард. Во многих отношениях он был похож на генерала Джорджа Х. Томаса, обладавший тем же

спокойным, полным достоинства и сдержанности поведением, тем же методичным складом ума и теми же серьезными, трудолюбивыми привычками; но Говард был Томасом с добавлением нескольких особенностей, если не сказать эксцентричности. В нем не было хладнокровия генерала Томаса, и хотя, как и он, Говард был статуей достоинства, в отличие от Томаса, в нем текла кровь, которая часто согревалась сочувствием, а пульс иногда учащался от возбуждения. Генерал Томас руководствовался в своей жизни своим непосредственным окружением, приспособляясь, однако, без подхалимажа, к нынешним обстоятельствам, невзирая на прошлую последовательность, и всегда был у власти и в фаворе, потому что был доволен подчинением, пока оставался подчиненным. Говард начал жизнь с определенных целей и шел прямым курсом, всегда оставаясь верным своим принципам, и, следовательно, временами оказывался, как и все люди либо с твердыми принципами, либо с передовыми идеями, непопулярным. Ему было мало от практичности генерала Томаса, а генералу Томасу было мало от веры Говарда в силу и окончательный триумф великих принципов. Один верил в физическую силу, другой - во врожденную силу принципов великого дела. Томас считал последнюю войну триумфом хороших солдат над их подчиненными — триумфом численности, мастерства и силы; Говард скажет вам с приливом чувств и легким налетом экстравагантности энтузиаста, что это был триумф добра над злом. Томас, как и Наполеон, считает, что Бог на стороне той силы, у которой больше пушек; Говард, как и Брайант, считает, что "вечные годы Бога" - это истины; а Псалмопевец - что

"Велика истина и могущественна превыше всего".

Вера Говарда в принципы, которые он отстаивал, была возвышенной. Я знал только одного другого, кто начал войну с более возвышенными целями всеобщего блага, более чистыми мотивами справедливости и свободы или с более истинными представлениями о природе борьбы как крестового похода против рабства и невежества, и он не был генералом — всего лишь майором пехоты, хотя и блестящим выпускником "первого отделения" Вест-Пойнта, но достойным в десять раз более высокого звания, чем могла предоставить армия. Ничто не могло быть прекраснее твердой веры, которую Уильям Х. Сайделл почувствовал с самого начала в окончательном торжестве права, не просто в восстановлении страны к ее былой славе, единству и силе, но в ее восстановлении и омоложении, очищении от того, что было одновременно ее слабостью и позором. В некотором роде отступление от Говарда, когда речь заходит о майоре Сайделле, но каждый читатель, знавший этого человека, сочтет это простительным. Сиделл был человеком твердых убеждений и, следовательно, человеком большого влияния. Раньше мне казалось, что он был создан с единственной целью - формировать мнение других людей и решать за своих знакомых, что правильно, а что неправильно. Он обладал необычайно эффектным эпиграмматическим стилем беседы, и его, как правило, очень оригинальные идеи всегда выражались с большой силой. Когда ему в голову приходила великая идея, он без умолку рассказывал о ней, повторяя ее так часто, как только находил слушателя, и упорствовал в манере тех религиозных проповедников, которые гордятся тем, что "проповедуют вовремя и не вовремя", пока не придет убеждение. Его идеи обладали не только ценностью, но и его язык имел печать, как чеканка монет, и как идеи, так и язык пользовались спросом. Его идеи, часто повторяемые, тщательно внедряемые, нашли широкое распространение в армии, в которой он служил, и часто было забавно слышать, как его формулировки повторяются там, где их меньше всего ожидали, и людьми, которых никогда не заподозришь в обладании умом, способным сохранять великие идеи, или сердцем, достаточно верным, чтобы постигать великие принципы. Его идеи были прослежены в языке солдат, что

приносило облегчение и часто иллюстрировалось счастливым использованием их знакомого, банального "сленга". Они странным образом перепутались в приказах командующих генералов, с которыми он служил, и я даже обнаружил неоспоримую печать Сиделла в одном из исполнительных документов.

Великим обаянием этого человека был эффектный стиль, в котором он отстаивал твердые убеждения своего ума и выражал глубокие симпатии своей натуры; и ни один человек не мог закончить разговор на темы, к которым его мысли естественным образом возвращались всякий раз, когда он находил охотного слушателя, не почувствовав себя от этого лучше и не составив лучшего мнения о человечестве в целом. Если у него и был недостаток, то он заключался в том, что он слишком много задумывал. Он был

"Энергичный, разнообразный, разносторонний ум",

который хватался за предмет так, словно боролся с ним, и преследовал идею "до смерти". Однако это были всего лишь его убеждения в отношении великих принципов, которые он прививал и навязывал другим. Он создал так много, что выполнил слишком мало, и никогда не применял на практике два или три своих механических изобретения, которые принесли состояния более практичным и более поверхностным людям. Сиделл был в некоторых отношениях единственным аналогом Шермана, которого я когда-либо встречал, и параллель между ними проводилась только в том, что касалось их работы головой. Они задумывали одинаково, но Шерман выполнил больше всех.

Генерал Говард обладал теми же качествами твердой, честной убежденности и той же непоколебимостью принципов, которые отличали Сиделла. Его моральная честность вызывала у него больше восхищения, чем его речи или способности солдата; ибо, хотя он был энергичным и настойчивым в управлении страной как командир и в целом преуспевал в своих военных начинаниях, его репутация в армии была скорее репутацией джентльмена-христианина, чем великого солдата. Именно благодаря постоянному соблюдению своих христианских обязанностей он заслужил титул "Хэвлок войны" и репутацию образцового человека. Он был строго воздержан, никогда не употреблял опьяняющих напитков, никогда не сквернословил и всегда был религиозен. В армии не было большого избытка религии, особенно среди генералов, и поэтому Говард стал ярким примером, тем более что подавляющее большинство солдат смотрело на религию только как на предмет насмешек. Среди военнослужащих было очень мало религиозных чувств, за исключением тех, кто находился в госпитале. Госпиталь был церковью лагеря, и среди наших ветеранов было мало религиозного рвения, которое не было связано с госпиталем. Солдат в госпитале был еще одним существом от солдата в лагере. Он отказался от своих вредных привычек, когда потерял здоровье или получил рану, и становился серьезнее, когда заболел. Лев лагеря неизменно был ягненком больницы. Почти повсеместная привычка ругаться матом в лагере была оставлена в госпитале; ненормативная лексика уступила место молитве, и больной ветеран стал кротким, разговаривал мягким тоном и никогда не переставал благодарить за малейшую доброту там, где раньше он над ней смеялся. Я часто видел, как выздоравливающие собираются на солнышке, чтобы спеть знакомые гимны, и, как правило, самые необузданные в лагере были наиболее усердны в этих религиозных упражнениях.

Когда Говард принял командование армией Теннесси, один старый офицер заметил, что в ней наконец появился один капеллан. Эта конкретная армия не уделяла большого внимания

религии, полагая, как и Шерман, что крекеры и мясо более необходимы; и поначалу солдаты проявляли мало уважения к "пришельцу с Потомака", в равной степени из-за того факта, что он происходил из потомакской армии, а также из-за того, что он был тем, кого солдаты называли "всего лишь священником". Вскоре после вступления в командование этой армией Говард отдал приказ, чтобы батареи его командования, находившиеся в то время на позициях, осаждавших Атланту, не открывали огонь по врагу в субботу, если только в этом не возникнет крайней необходимости. Противник вскоре услышал об этом приказе и, как правило, занимался в субботу казематированием своих орудий и иным укреплением своих укреплений на фронте Говарда, оставаясь безнаказанным, довольный тем, что люди Говарда будут свято соблюдать субботу, хотя и делали это по принуждению. Солдатам не понравилось это вынужденное молчание, они заявили, что "это было не в духе ни Гранта, ни Шермана, ни Черного Джека (Логана)", а один из генералов зашел так далеко, что сказал, что "человек, который пренебрег своим долгом из-за того, что было воскресенье, несомненно, христианин, но не очень хороший солдат". Однако вскоре войска узнали, что Говард тоже был солдатом; и когда год спустя генерал Логан освободил его от командования, он завоевал любовь и восхищение своих людей.

Генералу Говарду хотелось бы, чтобы его считали представителем армии Теннесси, но между ним и настоящим представителем этой армии не было никакого сходства. Солдаты Запада принадлежали к особой расе, и при Гранте армия Теннесси, представительная армия Запада, была обучена, маршировала и сражалась, превратившись в особый тип армии. Впоследствии Шерман принял командование им и придал ему множество особенностей, не все из которых заслуживали похвалы; но ни Грант, ни Шерман не были его представителями. Говард пытался реформировать армию морально и в плане дисциплины, которая даже при Гранте была плохой, а при Шермане действительно очень слабой, но не смог привить ей в целом ни одного из качеств, которые так ярко проявлялись в его характере. Настоящим представителем этой замечательной армии был генерал Джон А. Логан из Иллинойса.

ДЖОН А. ЛОГАН.

"Черный Джек Логан", как его в шутку называли солдаты из-за смуглого цвета лица, по внешности и манерам является полной противоположностью Говарду. Логан - мужчина с невысокой и коренастой фигурой Шеридана. Играющие в карты солдаты называли Шеридана

"Валетом трэф", а Логан был известен как "Валет пик". Логан тоже такой же смелый, полный энтузиазма и энергичный боец, как и Шеридан. Он всегда будет выделяться среди маршалов войны за Союз и принадлежит к тому представительному классу боевых генералов, самыми выдающимися выпускниками которого являются Шеридан, Хэнкок, Руссо и Хукер. Человек огромной отваги, полный стремительности и напористости, Логан был, как и остальные, велик только как лидер и не претендовал на звание полководца. У него была привычка принимать решения в совершенстве, и он брался за каждое дело, очевидно, не обдумывая заранее. Это человек, который, обладая всей той энергией и смелостью сердца, которые дают большая физическая сила и здоровье, в сочетании с естественным теплым, полным энтузиазма и отваги темпераментом, вкладывал сердце и душу в каждое дело, которое его привлекало или интересовало, и никогда не отказывался от него как от неудачи. Человек действия, он был неутомим и, если бы более определенно излагал свои жизненные планы, занял бы первое место среди великих людей того времени. Не потому, что он колеблется или еще не решителен, а просто потому, что он не вдумчивый, дальновидный и политичный, а импульсивный. Он действительно слишком страстен, чтобы когда-либо заниматься политикой.

Не обладая достаточной осмотрительностью в планировании, Логан обладал смелостью действовать, и его решительность проявлялась в частых чрезвычайных ситуациях. Во время битвы при Церкви Надежды, Джорджия, повстанцы внезапно атаковали батарею, расположенную на линии Логана, и, прежде чем быть отбитыми, захватили два орудия, которые попытались унести с собой. Логан был занят в другой части поля боя, но, видя, что мятежники отступают без преследования с трофеями своей атаки, он бросился к одному из полков, которые дали им отпор, и, крикнув своим людям: "Верните эти пушки, вы, чертовы негодяи", — повел их в атаку, чтобы вернуть их. Солдаты последовали за ним, не обращая внимания на строй, настигли и разгромили повстанцев прежде, чем они смогли достичь своих позиций, и завладели захваченной артиллерией.

В другой раз, когда часть полка Логана была новичком на службе, она взбунтовалась и, сложив оружие, отказалась нести службу. Адъютант сообщил полковнику Логану о возникшей трудности, и тот, услышав это, воскликнул: "Сложите оружие! черт бы их побрал!" Затем, помолчав секунду, обдумывая ситуацию, он продолжил: "Что ж, адъютант, я дам им достаточно сложить оружие!" Соответственно, он выстроил оставшиеся четыре роты в шеренгу с заряженными мушкетами и выставил их над недовольными, которых заставил складывать и разматывать оружие в течение двенадцати часов.

Готовность Логана действовать не всегда была приемлема для его непосредственных командиров, потому что, возможно, в некоторых случаях его активность была упреком менее решительным людям. Нерешительность и чрезмерная осторожность в других людях вызывали у него отвращение; и я думаю, что никогда не видел человека, испытывающего более глубокое отвращение, чем Логан, после неудачи под Ресакой, штат Джорджия, 9 мая 1864 года, последовавшей за отказом Макферсона штурмовать город. Предложение Логана достичь желаемой цели было не только отклонено как невыполнимое, но и кампания была лишена обещанных плодов из-за этого отказа, и не только у Логана, но и у всей страны были причины испытывать отвращение. Логан не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть свое огорчение и отвращение. Факты этого злополучного дела были примерно таковы:

Теннессийская армия, в то время составлявшая правое крыло Великой армии Шермана, утром 9 мая вышла через узкое ущелье Снейк-Крик-Гэп и появилась перед Ресакой, Макферсон получил категорический приказ занять это место. Движение через Брешь перевернуло позиции Джо Джонстона в Далтоне, разместило армию Теннесси в его тылу и, если бы Ресака была взята, закрыло бы прямой путь на Атланту и вынудило бы повстанцев отступать круглыми и почти непроходимыми дорогами, вероятно, ценой гибели всех его поездов и тяжелых орудий. Не было никакой веской причины, по которой, если бы Ресака была взята, Джонстон не получил бы серьезных повреждений и, возможно, его армия не была бы рассеяна; и нет веской причины, по которой Ресака не была взята в этом случае. Силами, защищавшими его, были небольшой гарнизон десятипушечного форта и тысяча шестьсот спешенных кавалеристов под командованием мятежного генерала Кэнти, которые были заняты патрулированием и наблюдением за рекой Оостанаула. 9 мая Джонстон не мог сосредоточить две тысячи человек в Ресаке для ее защиты. Генерал Макферсон располагал не менее чем тридцатью тысячами человек перед позицией и менее чем в миле от форта. К сожалению, генерал Грэнвилл М. Так случилось, что Додж, командующий Шестнадцатым корпусом и человек еще менее решительный, чем Макферсон, в то утро оказался впереди, а Логан находился в резерве. Приблизившись к Ресаке и заняв невысокую гряду холмов, господствующих над городом и рекой перед ним, генерал Додж остановил свое командование и начал рекогносцировку. Задержка в продвижении привела к тому, что Макферсон и Логан оказались на передовой, и с выдающегося выступа гряды холмов, которые занимал Додж, они осмотрели город и прикинули в уме шансы удержать позицию. В конце концов Додж сообщил, что форсирование реки и захват форта неосуществимы, и заявил, что, по его мнению, в то время в городе находились крупные силы. Логан довольно горячо и поспешно оспорил это и заявил, что он может взять форт и город вместе со своим корпусом. Генерал Макферсон прокрутил этот вопрос в уме, и как женщина, которая колеблется, пропадает, так и с командиром, который в экстренной ситуации останавливается, чтобы посчитать, он упустил возможность. Пока он колебался между доводами Доджа и утверждениями и декларациями Логана — ибо Логан не тот человек, чтобы выдвигать аргументы, когда есть возможность для демонстрации, — время уходило, и, наконец, к большому неудовольствию всех, кто вышел сражаться, Макферсон приказал всей армии вернуться к ущелью Снейк-Крик и всю последующую ночь использовал большую ее часть для укрепления ущелья, которое, по-видимому, было достаточно прочным, чтобы защищаться.

На следующий день Шерман начал переброску остальной армии через Снейк-Крик-Гэп, и в то же время Джонстон эвакуировал Далтон и начал наступление на Ресаку. Вечером того или следующего дня, 11 мая, когда генерал Логан, штаб и я сидели за ужином, генерал Джон М. Палмер и другие участники марша остановились у палатки Логана, и их попросили выпить чашечку кофе. Пока мы ели, разговор зашел о сложившейся ситуации, и я заметил, что, очевидно, "Джо Джонстона застали спящим". Логан и Палмер хором ответили, что вовсе не уверены в том, что Джонстон дремал, но, напротив, очень маловероятно, что мы могли сделать что-то большее, чем нанести удар по его арьергарду в Ресаке. В конце концов, так оно и оказалось. Вся армия Шермана не была готова к наступлению до 12 мая, когда она двинулась вперед, на этот раз Логан опередил ее и занял после продолжительных ожесточенных боев с тыловой дивизией Джонстона ту самую позицию, которую Макферсон ранее занимал 9-го числа и с которой, даже если бы Ресака не была захвачена, Джонстону было бы очень трудно выбить его. Но теперь, с опозданием на три дня, Шерман, Томас, Логан и ряд других, собравшихся на лысом холме, о котором я уже упоминал как о возвышающемся над Ресакой, имели печальное

удовольствие наблюдать, как армия Джо Джонстона проходит через город и занимает позиции, защищая его, а также прикрывая мосты и броды через Оостанаулу.

Когда Логан впервые занял эту позицию, он приказал одной из своих батарей под командованием капитана Де Гресса занять позицию на упомянутом мной выступе и открыть огонь по мосту и форту. Приказ был выполнен с готовностью. Храбрость - это своего рода магнит, который притягивает себе подобных; она окружила Логана людьми его собственного склада, среди которых были майор Чарльз Дж. Столбранд и капитан Фрэнсис Де Гресс, и вскоре эти двое разместили батарею и были готовы открыть огонь по команде Логана. Я был в то время на этом выступе и ожидал увидеть великолепную артиллерийскую тренировку и большое рассеяние среди повстанцев, очень хорошо видимых внизу, пересекающих реку и передвигающихся по форту, не более чем в миле от нас. Но было predetermined, что рассредоточение должно было произойти среди наших собственных сил, поддерживающих батарею Де Гресса и расположенных вдоль хребта, и особенно "много рассредоточения" должно было произойти с моей стороны. Я, как и другие, обратил внимание на необычный вид холма, на котором была размещена батарея и на котором я стоял, но не подозревал, почему произошла такая перемена. Деревья, за исключением единственного высокого, прямого дуба, оставшегося стоять в центре и на самой вершине холма, были тщательно срублены, а верхушки сброшены вниз по склонам холма, образуя своего рода укрытия и довольно затрудняя подход к вершине. Несколько человек наводили справки и высказывали предположения относительно цели, с которой повстанцы расчистили холм и образовали вокруг него укрытия, но загадка была разгадана только после того, как Де Гресс открыл огонь по Ресаке. Затем это внезапно вспыхнуло в умах всех одновременно со вспышкой первого орудия повстанцев в форте в Ресаке. Первый выстрел Де Гресса едва не стал для него последним, потому что десять орудий в форте мятежников за рекой открыли по нему огонь одновременно, и каждый выстрел пришелся по орудиям и поддерживающим их войскам. Затем было обнаружено, что холм, на котором Де Гресс разместил свои орудия, был расчищен повстанцами, а одно дерево осталось стоять в качестве мишени для артиллерийских тренировок. По меньшей мере год артиллеристы форта в Ресаке упражнялись в стрельбе по этому дереву, и у них была такая точность стрельбы по холму, что каждый выстрел попадал в нашу гущу. Первый бортовой залп заставил меня укрыться, и я поспешно спрятался за огромным дубовым пнем, который остался стоять и который обеспечивал достаточную защиту. Отсюда я мог видеть мятежников у их орудий, наблюдать за Де Грессом и Столбраном у их орудий и, полуобернувшись, видеть войска, которые лежали рядом со мной, поддерживая батарею. Первые снаряды, брошенные повстанцами, ранили нескольких из них, и их крики боли, когда их уносили в тыл, были отчетливо слышны, но это ни в коей мере не добавило мне комфорта и не усилило моей уверенности в неуязвимости моей позиции, и я начал приходить к выводу, что она не защищена от бомбежек. Тем временем повстанцы вели яростный огонь, и после двух или трех выстрелов Де Гресса заставили замолчать — не потому, что его орудия были выведены из строя, а потому, что люди не могли ими пользоваться. В этом месте было буквально слишком жарко, чтобы человек мог обнажиться, и все, кроме Логана, Столбранда и Де Гресса, искали укрытия и прижимались как можно плотнее к земле. Эти трое, однако, стояли на своем, как мне тогда показалось, очень глупо, и как они избежали удара, я не могу себе представить. Огонь повстанцев был исключительно точным, и по крикам наших раненых было очевидно, что он также был очень эффективным. Я лежал за пнем, защиты которого искал в течение двадцати минут, с интересом наблюдая за стрельбой повстанцев, когда снаряд из одного из их орудий ударил прямо перед

пнем, вошел в него и вспахал землю на расстояние десяти футов, подняв почву высоко в воздух, как брызги, а затем, ударившись о пень, высоко подпрыгнул над ним и упал примерно в пяти футах позади меня с тяжелым ударом! Поднятая им почва осыпалась вокруг меня, и, когда я низко пригнулся, стараясь казаться как можно меньше и желая стать еще меньше, она буквально похоронила меня заживо. Мне казалось, что каждый кусочек земли, который попадал в меня, проходил сквозь меня. Наконец, когда снаряд упал рядом со мной, моя деморализация была полной. Опасаясь, что он взорвется, я вскочил со своего лежачего положения и со всей скорости побежал влево от линии. Сделав это, я наткнулся на бревенчатую кучу высотой не менее четырех футов. Я никогда не останавливался, чтобы подумать, но, не колеблясь, совершил огромный прыжок и одним прыжком преодолел препятствия под громкий смех целой бригады, которая, глядя на это, действительно поднялась, чтобы посмеяться и поаплодировать моему поспешному отступлению. Когда я добрался до безопасного места вне досягаемости повстанцев и того самого снаряда, которого я так боялся, я обнаружил, что эта проклятая штуковина не взорвалась. Однако я был слишком деморализован, чтобы думать о возвращении, пока мятежники удерживали хребет этого холма, и поэтому сел, осторожно спрятавшись за другим пнем, чтобы принять поздравления полковника и адъютанта одного из вспомогательных полков по поводу гимнастических способностей, которые я только что продемонстрировал.

Только на закате и после прекращения стрельбы я отважился вернуться на холм. Здесь все еще оставались Логан и Столбранд, а Шерман, Томас и другие тоже подошли. Пока остальные совещались, Логан сел в сторонке, прислонившись к моей культю, и выглядел чрезвычайно мрачным и испытывающим отвращение. Когда я подошел к нему, он поднял глаза и рассмеялся, очевидно, при воспоминании о моей деморализации и бегстве. Я сел рядом с ним и сказал:

- Что ж, генерал, вы видите, что прошлой ночью я был прав. Кто-то спал.

"Да, - сказал он в ответ, - но вы ошиблись в этом человеке. Это был не Джо Джонстон, который дремал".

Были веские причины быть мрачным из-за этого дела. Провал Макферсона 9 мая сделал кампанию за Атланту необходимостью. Если бы Логан, а не Додж, 9 мая опередил армию Макферсона, не было бы ни дела Хоуп Черч, ни жертвоприношения на горе Кенесо, ни сражений при Чаттахучи, ни перед Атлантой, ни при Джонсборо, поскольку кампания была бы закончена, а Атланта захвачена при Ресаке в результате рассеяния армии Джо Джонстона.

ДЖОН В. ГИРИ.

Что-то от той же исполнительской способности, которая была развита у Логана и других, на кого я ссылался, характеризовало генерала Джона У. Гери из Пенсильвании, и немногие офицеры трудились более усердно и более эффективно, чем он. Его склонность к приключениям,

развившаяся в раннем возрасте и приведшая его к удивительно разнообразной карьере, не могла быть иным результатом смелой натуры, которая рано подтолкнула его к поиску деятельности, когда он мог бы выбрать более пассивную, но менее славную жизнь. Его восторженный пыл к военной жизни сделал его в юности знатоком всех военных дел и естественным образом привел на военную службу в страну. Он тоже был сложен для солдата, обладая редким *телосложением*, его высокая, крепкая фигура напоминала Руссо или Стивенса. Его авантюрная карьера началась в Мексике, где в звании полковника Второй Пенсильванской он с отличием прослужил под командованием Скотта от Вера-Крус до столицы, получив ранения при Чепультепеке и при штурме города Мехико. После войны, вздыхая, как и Хукер, о волнениях Калифорнии, он отправился в Сан-Франциско и вскоре после этого был назначен почтмейстером, а впоследствии избран мэром. Президент Пирс назначил его губернатором Канзаса, но Бьюкенен обезглавил его из-за его приверженности личности и принципам Дугласа. Он рано вступил в войну за Союз в звании полковника двадцать восьмого Пенсильванского пехотного полка и дослужился до звания генерал-майора, завоевав блестящую репутацию смелого и непоколебимого бойца.

Самым замечательным подвигом Гири была знаменитая "полуночная битва при Вохачи", своего рода сопутствующая картина к "битве над облаками" Джо Хукера. Это тоже произошло у подножия горы, на которой сражался Хукер, и в какой-то мере предшествовало этой борьбе. Это была борьба за позицию, но позицию, имеющую жизненно важное значение как для повстанцев, так и для сил Союза, и, следовательно, за нее боролись с большим отчаянием. Движение, которое привело к этому, было первым из тех, кто стремился оказать помощь голодающей армии в Чаттануге, и целью его было занять позицию, которая прикрывала бы дорогу, по которой можно было доставлять провизию с железнодорожной станции в Бриджпорте. Занятие этой позиции было абсолютно необходимо, и Гири был полностью впечатлен важностью быстрого захвата и отчаянного удержания ее. В случае успеха этого движения путь к Бриджпорту был бы сокращен на много миль; от его такого сокращения зависело снабжение Чаттануги; от этого непредвиденного обстоятельства зависело удержание этой позиции, а от удержания этой позиции - безопасность армии и ее огромной и ценной материальной части.

Гири захватил позицию с большой готовностью, к большому удивлению мятежника Лонгстрита, который наблюдал за ним с вершины Лукаут-Маунтин. Со своей позиции на "Сигнальной скале" — выступающей скале на западном склоне горы — Лонгстрит имел перед глазами всю страну, как на карте, и когда в вечерних сумерках при свете лагерных костров войск Гири и Говарда были обнаружены позиции, которые Хукер захватил и укреплял, важность достигнутого успеха мгновенно пронеслась в голове Лонгстрита, и он увидел в захвате Вохачи Гири фактическое облегчение положения осажденного гарнизона Чаттануги. Он немедленно связался с Брэгом, и, объяснив этому офицеру изменившуюся ситуацию, последний немедленно приказал Лонгстриту атаковать Гири и Ховарда и оттеснить их назад любой ценой. Лонгстрит вернулся на свою позицию на "Сигнальной скале" и вскоре привел свои войска в готовность спуститься со своей позиции на горе и атаковать Гири в Вохатчи. Со своей позиции на "Сигнальной скале" Лонгстрит руководил атакой с помощью сигналов, и этому обстоятельству, как ни странно, он был обязан своим поражением. Сил Гири было совершенно недостаточно, чтобы противостоять превосходящим силам противника. Генерал Шурц, которого Хукер послал подкрепить его, так и не добрался до позиции, и, судя по тому факту, что офицеры-связисты Гири могли читать сигналы повстанцев, он, должно быть, был разбит и изгнан с позиции. За несколько месяцев до

этого сражения наши офицеры-связисты владели сигнальным кодом повстанцев, и поэтому горящие факелы офицеров-связистов Лонгстрита на "Сигнальной скале" раскрывали Гири каждый приказ, отданный наступающим на него войскам повстанцев. Таким образом, он был осведомлен о плане атаки Лонгстрита, получил возможность предвидеть каждое движение мятежников и отражать его, и, таким образом, был предупрежден, чтобы использовать свои небольшие силы путем концентрации на критическом участке поля в критический момент атаки таким образом, чтобы отразить любое нападение, которое было предпринято, либо контратаками, либо быстрыми фланговыми перемещениями. После неоднократных безуспешных попыток противостоять силам Гири, повстанцы, наконец, отступили в замешательстве. В течение всего сражения пылающий факел Лонгстрита высвечивал приказы, которые после каждого отражения показывали его растущее отчаяние, и, наконец, к большому удовлетворению Гири, он увидел, что это сигнал к отзыву. Все это время фигура Лонгстрита на "Сигнальной скале", смело выделяющаяся на фоне темного неба, была отчетливо видна и, как однажды заметил Гири, сильно напомнила ему картину, которую он однажды видел, на которой сатана на горе показывал искушаемым богатства мира, за исключением того, что была видна только фигура Искусителя.

ГЛАВА VIII.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАШИХ ВЕТЕРАНОВ.

У каждого лидера наших армий была записана история — он вырезал ее своим мечом и запечатлел в памяти то время.

Но кто напишет историю наших солдат?

Кто осмелится попытаться рассказать историю или изобразить характерные черты наших ветеранов?

Нация в трудный час нашла лидеров, достойных вести за собой любое дело. За великим Наполеоном не последовало маршалов лучше. Мы оставим потомкам задачу сравнить нашего величайшего генерала Гранта с Наполеоном; но нынешнее поколение, возможно, будет достаточно смелым, чтобы бросить вызов любому пылкому поклоннику "Маленького капрала" и найти среди его маршалов равного Гранту, который своими чертами характера, и, как говорят, также чертами лица, напоминает победителя Наполеона. Мы действительно разработали аналоги для всех великих полководцев современной войны. Упорный Томас обладает колоссальными пропорциями ума и тела Клебера, четкостью в обращении с опасностями Массены, и, хотя он тяжеловесен и неповоротлив в движениях, не более таков, как Макдональд. Халлек, как и Мармон, "прекрасно понимает теорию войны", и мы могли бы сказать о нем, как однажды Сульт сказал о Мармоне, причем в том же саркастическом смысле, что "История покажет, что он сделал со своими знаниями". Описание Мака его биографом, в котором он говорит: "Несмотря на способности в военном министерстве, ему совершенно не хватало качеств полевого командира", - это идеальное описание Халлека, и добавление абзаца о популярности Мака среди солдат в равной степени применимо и к Макклеллану. "Первый стратег Европы" Сульт ни на йоту не превосходил Шермана по концепции и не был ему равен по

мобильности и энергии. Шерман обладает всей энергией и проницательностью, которые были характерны для Фридриха Великого, и в глубине души равен ему как военному деспоту. Хукер обладал всем пылом, а Говард - всем энтузиазмом Густавуса, и были способны на столь же великие дела. Сидман обладает всей грубостью, беспечностью и наглостью Суварова. Макферсон был Моро, таким же молодым, нерешительным и неудачливым. Правда, у нас появилось много Груши, которые не могут командовать более чем несколькими тысячами человек, и несколько Бертые, которые не могут даже правильно рассчитать дневной переход; но мы также предоставили возможность одному или двум Ней в Шеридане и Руссо, и нескольким Муратам в Хэнкоке, Логане и Гордоне Грейнджере.

Но не менее достойными нашего дела были люди, сражавшиеся в рядах наших армий, и еще более достойными сравнения с лучшими армиями Европы, чем наши генералы, которых можно сравнивать с великими лидерами Европы. Начальники наших ветеранов никогда не были свидетелями сражений. Они представляют собой, в совокупности с армиями, исследование не менее заманчивое и интересное, чем изучение характеров их лидеров.

Одним из многих заблуждений, которые были рассеяны нашим недавним военным опытом, является идея, которая когда-то преобладала, что необразованный человек становится таким же хорошим солдатом, если не лучшим, чем образованный человек. Когда началась последняя война, это утверждение звучало столь же позитивно, сколь и часто. Считалось, особенно среди кадровых офицеров, что лица первого класса с большей готовностью и полностью приспосабливались к лагерной дисциплине — с большей готовностью становились податливыми и послушными инструментами, из которых слишком часто делают солдат регулярной армии. Именно ветеранам-добровольцам последней войны за Союз мы обязаны тем, что эта ошибочная теория получила широкое распространение. Доказательства его ложности не менее интересны, чем убедительны.

Каждый читатель, знакомый с историей современных войн в Европе, должно быть, заметил, наблюдая за событиями последнего восстания в этой стране, очень большую разницу между практикой ведения войны в том виде, в каком она ведется в Европе, и нашей собственной. Правила остались прежними; теория войны слишком прочно и философски обоснована, чтобы ее можно было изменить. Нельзя сказать, что мы изобрели какое-то одно новое правило, но наше применение давно установленных не похоже ни на одну другую практику, известную истории. Протяженность поля боевых действий, своеобразная конфигурация страны и протяженная линия побережья и внутренних границ, которые каждая сторона в сражении должна была охранять, сговорились с этой целью и привели к возникновению таких особенностей ведения войны, как длительные и изнурительные рейды целых армий, фланговые марши невиданной ранее протяженности и смелости, строительство укрепленных линий протяженностью во много миль и проведение стратегических маршей большой оригинальности и блеска, в то время как в то же время, благодаря изменениям и усовершенствованиям в вооружении, было осуществлено несколько нововведений во второстепенной тактике, не менее любопытных. более чем важно. Противоборствующие стороны провели десятки сражений, каждое из которых стало бы решающим в войне между любыми двумя великими державами Европы. Там границы поля операций ограничены присутствием вооруженных нейтральных держав на каждой границе. Здесь линия границы простиралась через целый континент. Там, как и здесь, нет необходимости в большом количестве крупных армий. Наиболее важные и масштабные современные европейские войны были свидетелями проведения только одной

важной операции одновременно, в то время как в нашей стране мы вели несколько кампаний одновременно и вели ожесточенные сражения, тактический и стратегический успех которых зависел от результатов операций на расстоянии пятисот миль. Брэгг одержал победу при Чикамоге только с помощью подкреплений, присланных ему из Ричмонда; осажденная армия Розкранса в Чаттануге была спасена от рассеяния только благодаря своевременному подкреплению, присланному ему под командованием Хукера из Вашингтона; в то время как Шофилд с двадцатью тысячами человек после сражения при Нэшвилле, штат Теннесси, в середине зимы действовал в Северной Каролине, открыв сообщение с Шерманом две недели спустя. В Европе каждая сторона вынуждена концентрироваться из-за конфигурации и ограниченной территории очага войны. В этой стране противоположный эффект, естественно, был результатом противоположных обстоятельств, и Грант продемонстрировал лучшее проявление полководческого мастерства, которое у нас было, в непревзойденном мастерстве, с которым в последний год войны он сосредоточил две наши величайшие армии и использовал свою кавалерию против жизненно важных пунктов восстания, в то время как с помощью фракционных организаций он удерживал противника на дальнем Западе. Вообще говоря, любые две европейские державы, находящиеся в состоянии войны, представлены каждая отдельной армией, которые собираются вместе на поле боя, чтобы одним ударом решить спорный вопрос, и, таким образом, европейским генералам предоставляются лучшие шансы для проявления тактических способностей. В Европе кавалерия играет важную роль на каждом поле боя, в то время как в этой стране к ней редко обращались за помощью в реальных сражениях, хотя она не менее эффективно применялась при разрушении коммуникаций. За исключением битвы при генерале Шеридане и некоторых случаев, когда случайно в бой вступала кавалерия, наши солдаты никогда не использовались законным образом. Искусство марширования, практикуемое в Европе, здесь также было разнообразным, и европейская система снабжения армии сильно отличается от нашей. Маршруты их марша определяются необходимостью обеспечения расквартирования в многочисленных деревнях страны, в то время как на этом континенте марши замедляются, если не контролируются, необходимостью перевозить палатки для лагерей. Параллель, которая здесь лишь намечена, могла бы быть проведена кем-то, кто лучше подходит для этой задачи, и привести к весьма наводящему на размышления и интересному выводу.

В том же смысле и с еще более выраженным контрастом армии Америки и Европы различались по своему *личному составу*. Армии ведущих держав Европы состоят из людей, вынужденных братья за оружие по необходимости в мирное время и по призыву во время войны; они не идут добровольцами, как народ нашей собственной страны, когда того требует кризис, с ясным ощущением грозящей им опасности и с суровой целью защитить флаг и заставить подчиняться законам страны. Европейские солдаты призваны на военную службу пожизненно, осваиваются с лагерными привычками и подчиняются системе дисциплины, которая стремится к конечной цели превратить их в всего лишь податливые инструменты в руках лидера; в то время как солдаты Соединенных Штатов, отделенные от внешнего мира только слабой дисциплиной, необходимой правительству лагеря, открыты для любого влияния, которое могут оказать книги, письма и, в определенной степени, общество. Высшая цель европейской системы - развить индивидуальность и научить новобранца тому, что он всего лишь частица огромной машины, для правильной работы которой его совершенство в муштре и дисциплине абсолютно необходимо. В добровольческой армии Соединенных Штатов эта же система применялась лишь частично, и индивидуальность терялась только на поле боя, и то лишь настолько,

насколько это было необходимо для поддержания боевого духа, человек превращался в солдата. Рядовой, который в лагере не соглашался со своим капитаном по вопросам политики или науки, не обязательно был непослушным и деморализованным на поле боя. В последнее время не представилось возможности сравнить доблесть нашей собственной армии с любой европейской, хотя читателю будет нетрудно убедить себя, что дисциплина наших войск на Юге была лучше, чем у англичан в Крыму или французов в Италии; в то время как "бесчинства солдат Севера", на которые Англия роптала из-за своего пристрастия к мятежникам, были, безусловно, не такими ужасными, как те, что творили ее собственные войска в Индии.

Такая же разница была заметна в *персонале* нашей собственной и повстанческой армий, и это было вызвано одной и той же причиной, и этой причиной было образование. Армия Союза превосходила по доблести армию Юга, потому что превосходила по дисциплине, и она была выше по дисциплине, потому что превосходила по образованию. Армия Союза была набрана из людей, закаленных в трудолюбивых привычках и приученных к тяжелому физическому и умственному труду. Отряд повстанцев был набран из числа людей, выросших в сравнительной праздности сельскохозяйственной жизни и не привыкших к тяжелому труду, или призван из того более выносливого класса "белых бедняков", чей дух был сломлен долгим существованием в состоянии невежества и рабства, не менее унижительного оттого, что его косвенно навязывали и ничего не подозревая терпели. Ни одна часть повстанческой армии как класса не была равна ни по утонченности, ни по образованию, ни по привычкам мужчинам Севера, и ни то, ни другое не было объединено в армейскую организацию, равную по дисциплине или вытекающим из нее мужеству и эффективности той, что пришла на помощь нации в 1861 году. Хотя лагерная мораль обеих армий могла бы быть лучше, у любого непредвзятого человека не может быть сомнений в том, что моральные чувства солдат Севера были гораздо более утонченными и правильными, чем у организованных сил Юга. Мало того, что их дисциплина была лучше, мало того, что они находились под превосходящим контролем в бою и в лагере, но когда их время от времени освобождали от ограничений, наложенных на лагерь, их мысли, естественно, меньше обращались к разгулу и эксцессам, чем у солдат Юга. Военный деспотизм на Юге насаждался армиями повстанцев гораздо более сурово, чем наш собственный, хотя и рассматривался как деспотизм врага. Перегибы, которые временами имели место в обеих армиях, имели южное происхождение. "Бездельники" Шермана были законными потомками рейдеров Моргана и кавалерии Стюарта, и ни разу за тот период, когда их "выпускали на волю" в Джорджии и Южной Каролине, они не могли превзойти кавалерию Уилера в искусстве грабежа и разрушения. Разрушение Атланты и Колумбии нашей армией под командованием Шермана произошло почти через два года после сожжения Чемберсберга повстанцами под командованием Юэлла.

Превосходство наших ветеранов над ветеранами повстанческих армий проявилось не только в грандиозном результате войны, но и во всех ее деталях. Их превосходная выносливость была признана их врагами на десятках полей боя, и в целом признавалась их превосходная дисциплина. Северяне по своей природе ничуть не храбрее южан, и превосходство северной армии было результатом не природных дарований, а воспитания. Северяне превосходят южные классы, во-первых, по образованию и, во-вторых, по привычкам и телосложению. Их выносливость была результатом последнего преимущества; их превосходство в дисциплине *иморальном духе*, естественно, было следствием первого. Хотя отчасти дух, выносливость, терпение и основательная дисциплина наших армий объяснялись сознанием справедливости дела, за которое они сражались, общее превосходство наших ветеранов над солдатами-

повстанцами было, без сомнения, результатом превосходного общего образования, полученного массами северян.

И, в скобках, возвращаясь к теме образования, позвольте мне остановиться и сказать, хотя я и нарушаю непрерывность аргументации, что, по-моему, если и есть какой-то долг, которым Север как завоеватель обязан Югу как покоренный, так это предоставление своему народу — да, даже навязывание ему - огромных образовательных преимуществ, которыми Север так щедро одарен. Первая ступенька в платформе восстановления *народа* - не просто политиков, ибо от них нельзя ожидать столько добродетели, — должна обеспечить образование южных масс, как белых, так и черных. Все разработанные схемы реконструкции рассчитаны на скорейшее осуществление, и их целью является политическая власть, а не социальное улучшение и процветание народа. Всеобщее избирательное право, как средство правовой защиты, является химерическим и не может быть использовано для практического решения вопроса. Избирательное право негров - это эксперимент, столь же опасный для страны, сколь и выгодный для негров. Я бы с радостью посмотрел, чтобы нынешнему поколению взрослых негров штаты разрешили голосовать на всех местных выборах, ибо его голос - это действительно единственная защита, которая у него есть, от несправедливости выборной судебной системы, каждый член которой, вполне естественно, принимает решение по всем искам против негра без голосования, чтобы добиться благосклонности и популярности у белого человека с помощью голоса. Но в случае всеобщих президентских выборов предоставление избирательного права неграм было бы практически равносильно тому, чтобы снова передать правительственную власть в руки трехсот тысяч рабовладельцев, которые раньше правили страной и которые, все еще оставаясь капиталистами Юга, благодаря влиянию своего капитала определяли бы голоса негров и рабочих. Поколения для восстановления недостаточно, и единственное верное средство для постоянного восстановления народа - это образование.

Великая сила восстания заключалась в невежестве масс южан. "Бедные белые" Юга - одни из самых невежественных людей на лице Божьей земли. Рабовладельцы намеренно держали их в неведении — держали подальше от книг, школ и газет более тщательно, более настойчиво, чем они держали своих рабов. Они окружили свою секцию и своих людей китайской стеной предрассудков, о которую тщетно разбивались все массивы фактов, аргументов, апелляций. Из-за этого невежества "бедные белые" Юга управлялись еще более деспотически, чем рабы; и из-за этого невежества рабовладельцы Юга были способны совершить величайшее зло против человечества. Они сеяли предрассудки между "бедными белыми" и неграми, никогда не упуская возможности разжечь ненависть и вражду, которые им вскоре удалось создать. На всем Юге царила совершенная система, и "бедные белые" были поставлены во все социальные, политические и иные положения, в которых их можно было сделать оскорбительными для рабов. Суровым надсмотрщиком всегда был "бедный белый", и, по возможности, его выбирали из числа эмигрантов-"янки"; шериф, привязывавший раба к столбу для порки, и констебль, наносивший удар плетью, всегда избирались из числа "бедных белых"; а люди, которые с ищейками охотились за беглым негром по болотам и лесам, нанимались из числа "бедных белых" соседей. В своем невежестве эти две фракции одного и того же рабочего класса Юга были вынуждены поверить, что их интересы антагонистичны, а не идентичны, и что рабовладельцы были взаимными врагами каждого из них. Эндрю Джонсон, годами трудившийся в Теннесси над созданием чувства антагонизма между "бедными белыми" и богатыми рабовладельцами, коснулся одного корня зла, но не самого корня. Война открыла поле деятельности для тружеников Севера, и если жители страны стремятся восстановить

гармонию, искоренить все чувства раскола, сделать союз Штатов действительно единым и неделимым, они должны помочь в работе по просвещению южан, черных и белых, в понимании их прежнего состояния и ложной позиции по отношению друг к другу. Несколько хороших людей, таких как генерал Уэджер Суэйн (который досконально разбирается в этом важном вопросе, который является очаровательным энтузиастом в этом вопросе и которому следовало бы возглавлять Образовательное бюро, а не быть подчиненным в Бюро вольноотпущенников), и генерал Дэвис Тиллсон, и один или два других, делают много хорошего, поощряя образование среди негров. Но симпатии страны не должны быть полностью поглощены неграми. На Юге есть четыре миллиона "бедных белых", которые нуждаются в образовании не меньше, чем негры, и, обманутые, преданные и разоренные своими лидерами, они заслуживают сочувствия и помощи не меньше. Одно неотъемлемое право, в котором не следует отказывать даже предателям — и если бы на Юге было образование, не было бы измены — это право на самообразование; и поскольку Конституция предусматривает, что за измену не должно быть пролито крови, Север обязан перед подрастающим поколением этих обманутых людей воспитать в них надлежащее понимание свободы, которую наши ветераны завоевали для них, победив их отцов. О, каким величественным и возвышенным показался бы в истории тот факт, что Великая Республика, подавив самое чудовищное восстание, которое когда-либо видел мир, обложила побежденных налогом только на их собственное образование и не возвела никаких тюрем, кроме школ и церкви!

Возвращаясь к вопросу о влиянии образования на армию, у меня есть даже лучшая иллюстрация выдвинутой мной идеи, чем те, что уже приводились. Когда война только разразилась, следует помнить, что организация войск, бригад и даже дивизий формировалась из полков, прибывших из одного государства, и мы, таким образом, быстро впадали в ошибку, которая, если бы ее не исправили мудро, оставила бы нас в конце войны с армией, охваченной той же презренной завистью, проистекающей из государственной или секционной гордости, которая была одной из второстепенных причин восстания. Но, хотя эта ошибка была исправлена объединением полков из разных штатов в одну бригадную организацию, мы совершили ошибку, сформировав две великие армии, каждая из которых состояла исключительно из войск Восточных и Западных штатов. Потомакская армия была представительной армией Северо-Восточных штатов, состоящей почти исключительно из мужчин восточного происхождения. Армия Теннесси состояла из людей с Запада и, поскольку она существовала при генерале Гранте, была, по сути, представительной армией Запада. Та же самая армия была *увязана* с армией Камберленда и передана под командование генерала Шермана, и на момент ее расформирования она не была столь явно репрезентативной армией, поскольку Шерман произвел впечатление на своих людей своими собственными манерами и сделал их своеобразным и не совсем подходящим типом западного солдата. Контраст между бойцами этих двух армий - Восточной и Западной - в *телосложении*, привычках, дисциплине и *моральном духе* был настолько очевиден, что трудно представить, что они не принадлежали к разным национальностям. Любое сравнение, которое утверждало бы превосходство той или иной армии в выносливости, мужестве или боевых качествах, было бы оскорбительным и неверным, поскольку бойцы обеих частей сражались с равным успехом и завоевали равные почести; но нельзя отрицать, что Потомакская армия была, безусловно, самой дисциплинированной армией, которую мы когда-либо имели на поле боя. Потомакская армия соперничала с регулярными войсками в эволюциях, в то время как "Вестерн бойз" Шермана, с их небрежной, свободной, непринужденной походкой, превзошла бы батальон самых

выносливых старых регулярных войск. Потомакцы маршировали не так хорошо, как войска Шермана; у них было меньше упругости, свойственной людям Запада, они были, возможно, слишком точны и склонны быть слишком чопорными, но они маршировали с точностью, равной регулярным войскам любой армии. Макклеллан привил Потомакской армии чистую дисциплину старых регулярных войск, и потребовалось бы совсем немного такого обучения, чтобы сделать из них все, что ожидается от таких войск; но Шерман, каким бы деспотичным наставником он ни был, никогда не мог надеяться превратить их в "бездельников". Генералу Макклеллану, как и генералу Бьюэллу, не удалось бы сделать из западных добровольцев постоянных солдат; и я очень сомневаюсь, что кто-либо из старых армейских офицеров, которые постоянно оставались на службе и которые утвердились в идеях Академии, смог бы добиться успеха в том, чтобы эффективно использовать западных солдат за такое короткое время, как это сделали Грант и Шерман. На успех Гранта, по-видимому, во многом повлияло его усвоение за время длительного проживания на Западе элементов западного характера и снижение точности образования в Вест-Пойнте. То же самое можно сказать и о Шермане. Ни одна армия страны не находилась под лучшим контролем и не совершала меньшего количества эксцессов, чем Армия Востока, как следовало бы правильно называть Потомакские силы. Ни одна армия не совершала столько бесполезных эксцессов, как армия генерала Шермана, и ни в одной из них дисциплина не была столь слабой, и все же ни одной армии нельзя было так безоговорочно доверять в чрезвычайных ситуациях сражения, как Западной армии Шермана. Потомакская армия носила лайковые перчатки вне службы и имела вид изысканного воина на параде, но этот утонченный воин был искусен в военном искусстве, всегда был готов сражаться и, не колеблясь, принимал бой с мужеством и уверенностью, равными мужеству и уверенности его более сурового союзника на Западе. Армия Запада не заботилась о внешности, носила шляпу с надвинутыми на глаза полями и свободную блузу, и у нее был вид небрежной непринужденности и безразличия, которые мы часто видим у пионеров. Западный ветеран больше заботился о своей винтовке, чем о форме, уделял больше внимания патронташу, чем экипировке, и искренне презирал муштру и парады. Западным войскам не хватало культуры, они меньше уважали "приличия", чем восточные войска, и отношения офицера и рядового поддерживались ими с меньшей строгостью, которая обусловлена надлежащей дисциплиной, чем среди восточных войск. Восточные мужчины были очень щепетильны в отношении своей одежды и с похвальной гордостью демонстрировали свои значки и медали. Они посвятили много часов украшению своих лагерей, и ничто не могло быть более красивым и живописным, чем многие из их старых лагерей в Южной сосновой стране. Украшения обычно делались из вечнозеленых растений, которые в изобилии растут на Юге, но часто механические приспособления, приводимые в действие ветром, создавали живописные и любопытные эффекты. Они в значительной степени занимались гимнастикой и упражнениями с мячом, а также очень любили скачки и карточные игры высшего порядка. Развлечения западных войск носили более грубый характер. Петушиные бои и игра в карты были главными развлечениями. Каждый солдат был вооружен колодой карт, и каждая рота могла похвастаться боевым петухом, в то время как у каждой бригады была своя быстрая лошадь. Солдаты Запада больше ценили практичность, чем живописность, и их лагеря редко или вообще никогда не украшались так, как у восточных мужчин. Упражнения с пистолетом были частым развлечением в Западной армии. Кошки и собаки, по-видимому, были необходимыми условиями лагерной жизни. Коровы "Компании" и "головной части" были обычным домашним животным, и свидетельства заботы, доброты и привязанности, проявляемые к ним их самозванными владельцами, часто были очень забавными. В Западной армии бойцовые петухи были любимыми домашними животными, и их было почти так же много,

как и самих мужчин. Во время кампании в Каролине генерал Шерман разрешил одному из своих сопровождающих занять фургон со своей добычей, в основном состоявшей из бойцовых цыплят. Он был очень удивлен, обнаружив, что через несколько дней одна повозка увеличилась до дюжины, а другие последователи также наняли одну или две повозки для перевозки своей добычи. Генерал немедленно приказал сжечь их и выполнял приказ безжалостной рукой, пока не добрался до фургона, который он изначально разрешил. Он уже собирался сжечь и это, поскольку это был дурной пример, послуживший оправданием для остальных, когда к нему обратились с просьбой пощадить это, поскольку "в нем были все бойцовые петухи первой четверти". Шерман иногда сам увлекался этим видом спорта, и его привлекательность спасла фургон и цыплят. Игра в карты была распространена среди ветеранов как с Востока, так и с Запада, но стиль игр варьировался в зависимости от образования мужчин. Среди восточных солдат любимыми играми были "Вист" и "Юкер"; среди западных мужчин были популярны "Покер" и "Севен ап", неизменно на деньги. Азартные игры были великим пороком ветеранов, так же как ревность была великим преступлением их генералов. Сразу же после появления казначея войска обеих армий неизменно играли в карты так же упорно и регулярно, как генералы в пререканиях после сражения.

На этом контраст заканчивается и начинается сравнение. У восточных и западных мужчин было много общих черт, и причина существующих различий - образование - породила сходство. Боевые качества каждой из них были одинаковы. Обе армии вступили в бой содинаковым решительным видом деловых людей, и под руководством одних и тех же лидеров каждая проявила равную выносливость. Грант сыграл важную роль в демонстрации существующего в этом отношении равенства, и в то же время он подавил болезненное чувство, которое когда-то существовало на Западе, основанное на неудачах Потомакской армии при прежних лидерах и нашедшее выражение в идее, что восточные войска сражались не так хорошо, как западные мужчины. Это чувство одно время грозило перерасти в серьезную проблему, когда генерал Грант немедленно взял под свой контроль Потомакскую армию и привил ей свой дух настойчивости. Дисциплина бойцов Потомакской армии в условиях постоянно повторяющихся катастроф первых трех лет войны, их стойкость при поражении или сомнительном успехе всегда вызывали восхищение, и требовалось только наставничество Гранта, чтобы доказать их выносливость и вызвать восхищение всей страны. Эта армия всегда противостояла лучшей из армий повстанцев в ключевой точке поля боя. Она участвовала в большем количестве сражений, чем любые другие две армии на поле боя. Грант преподавал ей единственный урок, необходимый для того, чтобы сделать ее образование совершенным, и научил ее, как он учил армию Теннесси, демонстрировать свою выносливость, показывая ей, как вести свои сражения до конца.

Та же причина, образование, которое производит это заметное различие, также может быть замечена как прослеживающая разницу между любым из этих классов в нашей армии и третьим классом — однако лишь малой частью — представляющим южный элемент. В армии Союза с самого начала было несколько южных юнионистов, в основном горцев и беженцев из регионов Восточного Теннесси, которые, согласно всем статистическим данным и наблюдениям, были необразованны и невежественны, и чья слабая дисциплина не раз становилась причиной того, что на армию бросали тень. В лагере они были нечисты, на марше сильно отставали, а в бою ненадежны и неэффективны. Только очень строгая дисциплина одного или двух кадровых офицеров, назначенных под их командование, искупала репутацию

нескольких из этих полков против этой общей репутации. Мужчины этого класса ни в каком отношении не превосходили солдат-повстанцев.

Из любого аргумента, используемого для доказательства того, что образованный человек становится лучшим солдатом, чем необразованный, не следует делать вывод, что дисциплина не требовалась и не насаждалась в нашей армии образованных солдат. Строгая дисциплина армии Союза сделала ее непобедимой. Ее превосходство над повстанцами было результатом только более высокой дисциплины, которую они были способны усвоить благодаря образованию и которая тщательно соблюдалась. С того самого момента, как поражение на Булл-Ран яростно рассеяло заблуждения, которые мы питали о короткой и бескровной борьбе, и научило страну тому, что ей предстоит долгая и ужасная война, армия с упорным упорством, на которое наш непостоянный народ не считал себя способным, приступила непосредственно к работе по наведению дисциплины. Неэффективные были устранены хирургами и отправлены домой или в госпиталь. Численность полков сократилась, но эффективность возросла. То, что было потеряно в численном составе, было больше, чем получено в эффективности, которая стала результатом более строгой дисциплины, которая была введена. Некомпетентные линейные офицеры были вынуждены уступить место своим начальникам. Вскоре это распространилось на более высокие звания, и плохие генералы были вытеснены лучшими. В нашем первом выборе генералов было мало системы. Мы продолжали действовать, пока, наконец, не был найден нужный человек, а через него подобраны подходящие подчиненные. Поначалу ошибки были серьезными, и люди с ложными представлениями о кризисе были выброшены обстоятельствами вперед, чтобы быть обнаруженными страшной ценой и после долгой задержки. С частями армии дисциплине было позволено выродиться в простую муштру, а преданность делу разделилась с преданностью популярному лидеру; в то время как в других частях страны войска, хотя и были тщательно вымуштрованы, не испытывали восхищения или любви к своему лидеру, или их никогда не учили тому доверию к своим командирам, которое лежит в основе любой дисциплины. Вина западных армий заключалась в том, что слишком мало внимания уделялось моральным чувствам солдат, и в том, что в Восточной армии тщательно воспитанному чувству преданности делу было позволено частично выродиться в любовь к вождю. Обстоятельства, однако, вскоре исправили это великое зло, и, пройдя через множество невзгод, многочисленных разочарований и поражений, мужчины постепенно стали ветеранами.

Тщательная система дисциплины была необходима не только для организации и *морального духа*, но и для мужества нашей армии, как и любого большого коллектива людей. Люди в бою не отличаются индивидуальной храбростью. Мужество среди ужасов и противоречивых эмоций на поле боя в такой же степени проистекает из дисциплины, как и от природы. Тот факт, что эта война дает больше примеров личного героизма, проявленного в бою, чем любая другая, которую можно вспомнить, не опровергает это правило. Напротив, это подтверждает утверждение; ибо если мы внимательно изучим характеры тех, кто отличился героическими поступками и личной доблестью, мы обнаружим, что они неизменно были людьми, закаленными в устойчивых привычках, и ветеранами тщательной дисциплины. Мужество проистекает из электрического прикосновения плеча к плечу мужчин в очереди. До тех пор, пока поток совершенен, проходя через линию и концентрируясь в лице командира, чей разум направляет всех и в ком все испытывают совершенное доверие, линия не может быть побеждена. Его можно загнать, его можно сломить, но люди непобедимы. Нарушьте течение, и сразу же *моральный дух*, дисциплина и мужество рухнут вместе с ним, и люди, которые за

мгновение до этого были непобедимыми, отлетят в тыл, охваченные не страхом и ужасом, а упорством, упрямством и грубоватостью обескураженных людей. Сломанная колонна в беспорядочном полете - одно из самых замечательных исследований, которые только можно себе представить. Реальность прямо противоположна тому, что могло бы представить воображение. "Охваченные паникой люди", которые готовы "улететь" за пятнадцать-двадцать миль от поля боя, приступают к выполнению этого маневра так систематически, как если бы их этому учили. Они "летят" — убегают с поля боя — только до тех пор, пока не окажутся вне непосредственной досягаемости шальных пуль. Полет беспорядочный. Мужчины разбегаются в поисках безопасности, очевидно, руководствуясь тем же инстинктом, который заставляет перепелов разделяться, поднимаясь с поля перед охотником. Оказавшись вне досягаемости вражеских орудий, они настолько рассеяны, что их почти невозможно сплотить так, как они были организованы раньше, и почти невозможно заставить деморализованного человека сражаться с кем-либо, кроме своего собственного полка. Когда они оказываются вне досягаемости вражеских орудий, они обычно останавливаются, оглядываются назад и разбираются в ситуации. Они будут оглядываться по сторонам, расспрашивать о своих полках, говорить об опасности, которой они избежали, причем в совершенно вразумительной манере, пока шальная пуля, упавшая рядом с ними, не даст уверенности, что враг наступает, после чего, не сказав ни слова, они возобновят свое отступление еще на несколько сотен ярдов, одинаково глухие к угрозам и мольбам любого офицера, который не является их непосредственным командиром. И все же эти люди, сломленные таким образом в одном сражении, будут сражаться с отчаянной храбростью в следующем и, сохранив свою организацию, пройдут сражение с большой честью. Часто обстоятельства, такие как прежнее расположение лагеря недалеко от поля боя, прежние позиции на линии резерва, наличие стрелковых ям и различных других населенных пунктов, которые служат местом сбора, позволяют разбитым войскам переформироваться и снова вступить в бой. Люди часто сплываются на той части укрепленной линии, которую они ранее удерживали; и одно из лучших применений, для которого стрелковые ямы когда-либо использовались наступающими армиями, - это формирование линии сплочения, когда атакующие войска терпят неудачу или разбиты. Это применение известно только практике и не признается теорией войны.

Люди, подчиненные строгой дисциплине, в значительной степени теряют свою индивидуальность. Полк становится единым целым, движимым единым импульсом. Люди по отдельности - это всего лишь фракции, каждый из которых способен выполнить свою часть задачи только с помощью других. Эти фракции - любопытные существа под огнем. Они совершают поступки, которые были бы морально невозможны для человека без подобного окружения. Тысячи наших ветеранов скажут вам, что, идя в бой, они никогда не представляли и не чувствовали, что их расстреляют; они сами никогда не чувствовали себя в опасности, но что они боятся за товарищей, с которыми они маршируют плечом к плечу. Они становятся болезненно безразличными по отношению к самим себе и, кажется, не испытывают ни одного из тех опасений, которыми они были так напуганы, когда были неопытными новобранцами. Они ругаются, как обычно, возможно, с чуть большим акцентом, смеются над комическими чертами, которые преобладают при любых обстоятельствах сражения, разговаривают свободно и разумно и больше не проявляют ни малейшего волнения, какое каждый наблюдал в толпах на политических и других мероприятиях. Я видел людей во "второй линии" — резервистов — игравших в карты, в то время как первая получала заряд, и стреляные гильзы падали посреди них. Когда 25 ноября 1863 года в Чаттануге шли тяжелейшие бои, я видел, как трое солдат, сидя

у орудий батареи Каллендера, под огнем делали записи в своих дневниках. Такое зрелище можно увидеть только в рядах армий Соединенных Штатов. Во время битвы при Мерфрисборо, штат Теннесси, повстанцы, атаковав дивизию генерала Негли, спугнули с полей и лесов большое количество кроликов, перепелов и диких индеек, отогнав их к позициям Союза. Птицы, казалось, были слишком напуганы, чтобы летать, и, следуя примеру кроликов, прыгали по полю, спасаясь от наступающих повстанцев. Они бежали, конечно, в тыл, проходя через нашу линию фронта и приближаясь к резервным войскам, которые, не обращая никакого внимания на то, что ядра повстанцев теперь падали на них, как крупные капли дождя, сложили ружья и отправились ловить дикую дичь. Пока мы все еще были заняты этим занятием, смехотворным даже при серьезных обстоятельствах, первая линия наших войск была прорвана, и солдаты-повстанцы атаковали вторую. Солдаты-ветераны прекратили погоню за дикой птицей и, поспешно построившись в линию, трижды отразили натиск врага. Один из мужчин, поймавших дикую индейку, отнес ее лейтенанту Кеннеди из штаба генерала Негли и продал ему. Кеннеди привязал птицу к своему седлу, намереваясь съесть ее вечером на ужин, но был удивлен, обнаружив, что шальная пуля перерезала веревки, на которых была подвешена индейка, и лишила его еды.

Нельзя представить себе большего контраста, чем разница в эффекте, производимом на солдат при нанесении и отражении удара. Принимая атаку, они никогда не бывают спокойны, хотя и хладнокровны, уравновешенны и владеют собой. Разместите их за брустверами, чтобы принять нападение, и приготовления врага к нападению создают среди ожидающих его беспокойство, которое перерастает в умственное возбуждение, которое находит выход в словах, шумных спорах и т.д. Идя на штурм, одни и те же люди становятся разными существами. Воцаряющееся молчание становится тягостным. Команда, отданная на одном конце линии, отчетливо слышна на другом. Мужчины становятся серьезными и склонны быть грубоватыми. Они разговаривают мало, да и то вполголоса. Они начинают понимать, что нужно делать, что они должны это сделать, и, ни на минуту не боясь подвергать сомнению вопросы поражения или победы, они тщательно взвешивают в своих умах шансы не на жизнь, а на успех.

Самая замечательная иллюстрация этой особенности ветеранов, которую я могу вспомнить, произошла во время битвы Шермана при Чаттануге. Оставив укрепленную линию, войска Союза во главе сполковником Лумисом и генералами Матиасом, Корсом и Раумом должны были пересечь небольшую долину и атаковать форт повстанцев, расположенный на крутом холме, высотой в триста футов и с очень труднопроходимым подъемом. Когда отобранные войска выдвинулись в линию резервов и двинулись вниз, в долину, повстанцы, увидев колонну, пришли в возбуждение и зашумели. Приказы их офицеров выкрикивались и были отчетливо слышны в наших рядах, и, хотя атакующая колонна не могла подготовиться к своей работе меньше чем за час, мятежники проявляли все признаки возбуждения, мечась туда-сюда и с каждой минутой становясь все шумнее. Войска Союза, напротив, готовились к работе медленно и спокойно, с необычайно серьезным и невозмутимым видом. Они то и дело поглядывали вверх, на крутой холм перед ними, и многие, несомненно, сравнивали эту гору с Ореховыми холмами Виксбурга, где они впервые встретили отпор. Нападение было предпринято столь же серьезно, как и подготовка. На громкие крики не было потрачено ни капли времени. Солдаты дважды подвергались отчаянным атакам, были жестоко отброшены фланговыми силами и в замешательстве отброшены через долину к своим резервам, но, возвращаясь через полевые позиции генерала Шермана, они выглядели так же вызывающе, как и всегда, признавая только то, что "на этот раз они потерпели неудачу". Не было ни паники, ни отчаяния. Они увидели, что

потерпели неудачу из-за явной неспособности, а не из-за недостатка усилий или расположения выполнить свою задачу. Они отступили, но не бросились дико далеко в тыл. Могущественные помогали слабым, сильные выносили раненых, и каждый возвращался таким, каким он был, - хладнокровным, собранным и серьезным.

У ветерана в лагере не было любопытства. Его безразличие к происходящему вокруг было положительно ужасающим для незнакомца или неопытного новобранца. Часто они проводили в лагере по месяцу, не зная и не заботясь о том, какой полк расположился лагерем рядом с ними. Новобранец-новобранец с двухмесячным стажем был лучшим знатоком всех *окопов* лагеря, расположения других полков, имен их офицеров и подобной общей информации, чем ветеран с трехлетним стажем. Ветеран смеялся над знаниями неопытного новобранца, задавался вопросом, в чем польза от этой информации, хвастался превосходными практическими знаниями и добродушно преподавал неопытному новобранцу более полезные уроки о том, как легко маршировать, хорошо спать, обеспечивать себя небольшими предметами роскоши и как вообще заботиться о себе. У ветерана были любопытные способы устраиваться поудобнее, которым неопытный новобранец научился только на практике. Разбейте ветерана лагерем в лесу на ночь, и он будет спать под своим навесом-палаткой, поднятой высоко и удобной, и на мягкой подстилке из сухих листьев. Поставьте его лагерем на месяц в том же лесу, и он будет жить в бревенчатом доме, спать на хорошей чистой соломе, обедать за деревянным столом, пить из стеклянной посуды, сделанной из пустых бутылок из-под эля или портера из палатки маркитанта, расчесывать усы перед зеркалом в рамке, стоящим на каминной полке из сосновых досок, и смотреть с видом миллионера через полутораметровую квадратную оконную раму на окружающий его мир. Повстанцы обычно называли наших людей, когда они работали на фортах, стрелковых окопах и т.д., "бобрами в синем". Ветеран был настоящим бобром, когда строил свой дом. Он покупал, выпрашивал или крал у квартирмейстера (вид воровства, признанный лагерным моральным кодексом вполне оправданным) единственный инструмент, который ему был нужен, - топор. С его помощью он мог резать, рубить, копать, водить машину - на самом деле, все, что вам заблагорассудится. Своим топором он рубил бревна для своей хижины — миниатюрные бревна, диаметром в два дюйма, — обрезал их до нужной длины и вбивал необходимые сваи. Своим топором он рубил хворост или вечнозеленые растения и покрывал соломой свою крышу. Своим топором он выкапывал земляную яму, в которой готовил штукатурку для заполнения щелей в бревнах и таким образом защищался от холода. Двери, дымоходы, скамейки, стулья, столы - всю мебель в своем просторном доме он изготовил бы с помощью того же инструмента. Когда все было закончено, он удобно усаживался на свою койку и смеялся над поверхностными знаниями неопытного новобранца, который дрожал в своей палатке-убежище, с изумлением наблюдая за волшебными трудами "бобров в синем".

Если бы Наполеон мог вернуться к "проблескам луны", он, несомненно, рассмеялся бы — возможно, его племянник действительно смеется над идеей называть победителей этого недолгого восстания "ветеранами" - или с той суровостью, с которой он однажды упрекнул своего морского министра Трюге за распространение "опасного мнения, что солдат может быть обучен всем своим обязанностям за шесть месяцев", первый Наполеон попросил бы нас с выражением имперского презрения показать ему в нашей хваленой армии *корпус*, подобный восемнадцатитысячному войску Франции. французская монархия, которая под его руководством превратилась в Старую гвардию, которая "умерла, но так и не сдалась". Юлий

Цезарь, несомненно, улыбнулся бы нашей самонадеянности и указал бы на старые ветеранские легионы своих армий, с которыми он завоевал Европу и в которые новобранец принимался только после восьмилетней службы и дисциплины в других званиях, и попросил бы у нас таких ветеранов, как он. Наши солдаты, возможно, не были ветеранами для Наполеона или цезаря, ни для таких целей, как у Наполеона или Цезаря, но они были такими ветеранами, которые погибли вместе с Леонидом при Фермопилах и одержали победу, следуя за Арнольдом Йоном Вилькенридом на горных перевалах Швейцарии. Ничто не может быть прекраснее терпеливого героизма, проявленного ветеранами "Войны за Союз"; и когда Время освятит, как оно и будет, все еще знакомые сцены той борьбы, придав истории оттенок романтики, сгладит неровности в характерах лидеров и смягчит грубые черты в характерах людей, забудет их эксцессы и будет помнить только их преданность и отвагу, герои и ветераны, сражавшиеся за единство страны, станут такими же священными в наших глазах, как и те, кто в прошлые века боролся за ее независимость и мужество. свобода.

КОНЕЦ.

Примечание переписчика:

- Незначительные типографские ошибки исправлены без замечаний.
- Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.
- Иллюстрации в середине абзаца были перемещены между абзацами, а некоторые иллюстрации были перемещены ближе к тексту, который на них ссылается. Нумерация страниц в списке иллюстраций была соответствующим образом исправлена.